

9-й годъ изданія

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНЫЙ ФОНД.

1487

СТНИКЪ ГЕОСОФІИ

ФИЛОЗОФНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религии выше истины).

7 февраля.

МОСКВА.

№ 2.

1916.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер.. 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультнаму, изслѣдованію психическихъ силъ, открытыя въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго мір-созерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософій, психологіи и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей **А. А. Каменской** и **Ц. Л. Гельмгольцъ**, при участіи г-жи **А. Безантъ**, **Альба**, **Н. Ананьевой**, **П. Н. Батюшкова**, **А. А. Веселовской**, **М. Ф. Гардениной**, **А. В. Гардевъ**, **Н. К. Герцель**, **С. В. Герье**, д-ра **В. В. Гинце**, **Даны**, **Е. Дикоре**, **А. А. Клеменской**, **М. А. Клеменской**, **А. В. Колычъ**, **Е. М. Кузьмина**, **В. М. Лалетина**, **К. К. Латмина**, **Е. Лубинъ-Герцель**, **Ю. Ф. Львова**, **П. В. Манитарли**, **А. Г. Молокина**, **В. А. Молокиной**, **Н. Н. Павлиновой**, **Е. Ф. Писаревой** (Е. П.), **В. И. Пушкиной**, **В. И. Рудичъ**, **М. М. Самохвалова**, **М. К. Станюковичъ**, **Д. В. Страхова**, **С. В. Татариновой**, **П. И. Тимофеевскаго**, **Л. М. Тицъ**, **Н. А. Троицкаго** (**Дмитріева**), **А. В. Унковской**, **О. М. Фаминяцкой**, **Н. Н. Эрссен**, **Эссель** и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, **Е. П. Блаватской**, (Извлеченія). „Оккультная химія“, **А. Безантъ**. „Эзотерическое христіанство“, **А. Безантъ** (извлеченія). „Скрижали достоверности“, **Бза-Улла**. „Книга Учителя“, **Адамса**. Статьи по оккультнаму, **Ч. Ледбитера**. „Чему мы будемъ учить“, **С. Джинараджадаза**. „Воспоминанія“, **А. Унковской**. „Вѣянія Египта“, **Ч. Ледбитера**. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, **Н. Павлиновой**. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кроме того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогика, философія, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской — 20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской — 60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7 рублей** за каждый годъ.

СОДЕРЖАНІЕ

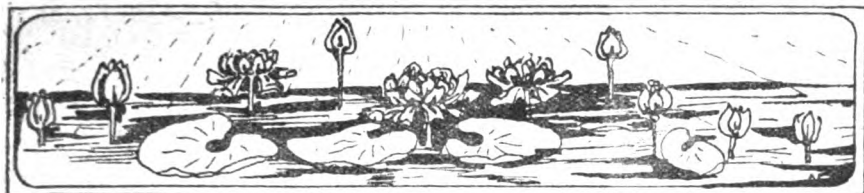
февральской книжки „Вѣстника Теософiи“.

	стр.
1. Сердце, стихотвореніе В. Лалетина	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	8
3. Чему мы будемъ учить, С. Джинараджадаза, пер. Е. П.	12
<i>Отдѣлъ художественный и біографическій.</i>	
4. Думы, стихотвореніе Лубны-Герцкь	18
5. Теософическое Общество и А. П. Философова, рѣчь А. Каменской.	19
6. Воспоминанія, А. Унковской.	23
7. Нѣсколько словъ о „Дружинѣ Милосердія“, К. Тру- невой.	35
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
8. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	40
9. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	42
10. Беа Улла, А. Веселовской.	52
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
11. Предвидѣніе, Ч. Ледбитера, пер. Н. А.	67
12. Письма живого усопшаго, Э. Баркеръ, пер. Е. П.	71
13. Письма къ читателямъ, друга Читателя.	81

14. Обзорѣніе теософической литературы, В. Пушкиной	91
15. Хроника теософическаго движенія, А. Ва	95
16. Вопросы и отвѣты.	98
17. Изъ „Тайной Доктрины“. Солнечная теорія, Е. П. Бла- ватской.	81
Изреченія изъ св. Франциска де-Саль.	

SOMMAIRE de FÉVRIER.

	Pages.
1. Le coeur, poésie par V. Laletyne.	7
2. A l'avant-poste, A. Kamensky.	8
3. Ce que nous allons enseigner, C. Ginarajadasa, tr. par H. Pissareff.	12
<i>Biographies et lettres.</i>	
4. Pensées poésie par E. Loubni-Herzig	18
5. La Société Theosophique et M-me A. Philosophoff	19
6. Rémiscences, A. Ounkovsky.	23
7. L'armée de la compassion, K. Trouneff.	35
<i>Etude comparée des religions.</i>	
8. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	40
9. Le livre du Maître, V. Adams, tr. par V. Pushkine	42
10. Beha-Ullah, A. Vesselovsky	52
<i>Ocultisme.</i>	
11. La vision de l'avenir, C. Leadbeater, tr. par I. A.	67
12. Lettres d'un mort vivant, E. Barker, tr. par H. Pissareff.	71
13. Lettre de l'Ami du lecteur	81
14. Revue de la littérature théosophique.	91
15. Chronique du mouvement.	95
16. Questions et réponses (Clé de la Théosophie, H. Bla- vatsky)	98
17. Doctrine Secrète.	81

Сердце.

Выцвѣлъ міръ, опустѣлъ, нѣтъ ни смѣха, ни слезъ.
Нѣтъ волненій былыхъ, не тревожится умъ:
Не таится мечта, нѣтъ видѣній, ни грезъ.
Нѣтъ ни легкихъ, ни тягостныхъ думъ.

Послѣ бури-грозы станетъ тихъ океанъ,
И не дрогнетъ зеркальный покровъ,
Облачается онъ въ беспросвѣтнѣйшій туманъ.
Тихо спитъ безъ волненья и сновъ.

Есть великая тайна въ пучинѣ морской
И могучая въ ней глубина,
Не поднимется кверху гремящей волной,
Не низринется въ бездну она.

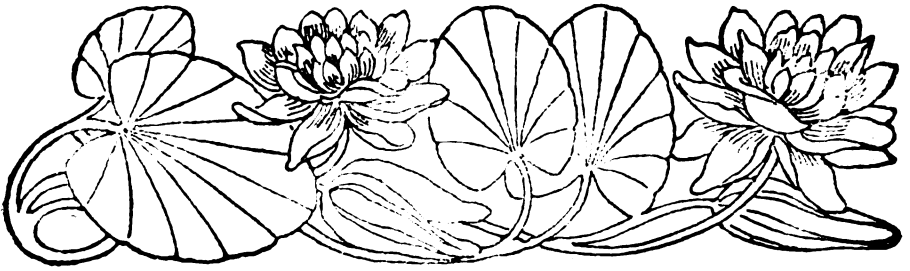
Но громаднѣе тайнъ океанскихъ пучинъ
Тайна сердца съ его глубиной:
Кто извѣдалъ въ немъ холодъ могучихъ стремнинъ,
Кто сдержать могъ порывъ огневой...

Ослѣпительный свѣтъ въ немъ сіяетъ звѣздамъ,
И снопы искрометныхъ лучей
Освѣщаютъ тотъ міръ, что лежитъ предо мной.
Міръ измѣнчивыхъ формъ и тѣней.

Есть въ немъ пламень небесъ, онъ такъ ярко горитъ—
Это та огневая любовь,
Что великое счастье міру даритъ.
Что расти заставляетъ, и вновь

Зарождаетъ надежду и будитъ мечты
О величьи духовныхъ высотъ.
Гдѣ въ сіяньи лучей неземной красоты
Онъ, могучій и мудрый живетъ.

В. Лалетинъ.

На сторожевомъ посту.

„А вчнѣ пребываютъ сія три: вѣра
надежда и любовь, но любовь больше“.

Ап. Павелъ.

(1 посл. къ Коринѣ., гл. XIII).

„Высоко, высоко надъ звѣзднымъ небосводомъ стоятъ большіе, бѣлоснѣжные ангелы вокругъ престола Господня и ожидаютъ его повелѣнія, которое они должны возвѣстить въ мірѣ. А за ними безконечными рядами стоятъ голубые ангелы дѣтей, про которыхъ Иисусъ сказалъ, что они всегда видятъ ликъ Господа на небесахъ...“ Такъ начинается финскій поэтъ свою сказку: „Рождественскій подарокъ ангеловъ“¹⁾.

Голубые ангелы дѣтей собрались, чтобы посовѣтоваться другъ съ другомъ, какъ имъ это Рождество беречь, утѣшать и веселить дѣтей, чтобы во всѣхъ домахъ была настоящая рождественская радость въ любви къ Богу, и чтобы Христосъ могъ быть гостемъ на великомъ праздникѣ. Одни ангелы хотятъ пойти къ бѣднымъ, больнымъ, покинутымъ, несчастнымъ, одинокимъ. Другіе хотятъ пойти въ тюрьмы, въ снѣжныя равнины, въ пустыни, въ подземныя копи, на корабли въ темномъ, бурномъ морѣ. Третьи хотятъ посѣтить веселые и счастливые дома, гдѣ живетъ слово Божіе. Но два князя ангеловъ, сіявшіе между ними, какъ два солнечныхъ луча, совѣтуютъ имъ сдѣлать всѣмъ дѣтямъ такой даръ, который бы имъ всегда напоминалъ о голосѣ ихъ ангела-хранителя. „Дайте каждому изъ нихъ какое-нибудь живое существо, которое бы они любили, и за которымъ они бы ухаживали, и которое было бы слабѣе ихъ“... говорятъ князья

¹⁾ Сказки Топеліуса; переводъ М. Благовѣщеской. Изд. Вольфа.

И ангелы исполняютъ завѣтъ. Они летятъ въ дома, гдѣ зажигаются елки и гдѣ помнятъ слово Божіе, и тамъ въ дивной пѣснѣ они дѣлаютъ свой подарокъ дѣтямъ, которые „захотятъ принять его“. Они поютъ: „Богъ даруетъ подъ защиту каждаго дитяти живое существо, которое оно должно любить и оберегать, для того, чтобы любовь его къ одному разрослась въ любовь ко всѣмъ...“ Поэтъ заканчиваетъ сказку такъ: „Нѣтъ никого, никого во всемъ широкомъ свѣтѣ, кто бы былъ настолько слабъ, что не могъ бы взять подъ свою защиту еще болѣе слабое существо, нѣтъ такого бѣднаго, который бы услугой не могъ обогатить другого. И каждый разъ, когда онъ это дѣлаетъ, онъ хоть немного воздастъ Богу за любовь Того, Кто сжалился надъ нами всѣми; и каждый разъ онъ будетъ узнавать въ себѣ то дитя, которое Спаситель взялъ на руки и благословилъ“.

Нота дѣятельной любви, которую взялъ любимый поэтъ финскихъ дѣтей, это та важная и глубокая нота, которая такъ необходима въ воспитаніи нашей молодежи, и которой такъ недостаетъ намъ. За увлеченіемъ интеллектуальными познаніями мы забыли о нѣжной наукѣ любви и о тонкомъ искусствѣ жить такъ, чтобы быть вполне „человѣками“. Современныя этическія движенія среди молодежи идутъ навстрѣчу этой потребности ¹⁾. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ двѣ организации, возникшія при Теософическомъ Обществѣ въ Англии: „Золотая Цѣпь“ и „Рыцари Круглаго Стола“. „Золотая Цѣпь“ объединяетъ дѣтей отъ 7--14 лѣтъ, которыя собираются разъ въ недѣлю для чтенія и бесѣдъ на этическія темы. Ихъ объединяетъ настроеніе формулы, которую они сбѣщаютъ каждый день повторять и стараются въ теченіе дня осуществлять:

„Я — звено великой золотой цѣпи Любви, которая обнимаетъ собою міръ, и я долженъ стараться сохранить свое звено свѣтлымъ и крѣпкимъ.“

„И потому я буду стараться думать только чистыя мысли, говорить только чистыя слова и совершать только чистыя поступки.“

„Я буду защищать тѣхъ, кто слабѣе меня, и помогать имъ“.

„Я буду со всѣми стараться быть всегда привѣтливымъ и кроткимъ.“

„Да будетъ каждое звено золотой цѣпи крѣпкимъ и свѣтлымъ!“

¹⁾ См. „Вѣстникъ Теософін“, Ноябрь 1915 г.

Собираясь періодически, дѣти сообщаютъ другъ другу, что встрѣтилось имъ хорошаго и интереснаго, и какъ они нашли возможность воплотить, выявить то настроеніе, которымъ должны быть проникнуты звенья „Золотой Цѣпи“.

Орденъ „Рыцарей Круглаго Стола“ предназначенъ для подростковъ и юношей отъ 13 — 21 года. Онъ является какъ бы естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ „Золотой Цѣпи“.

Дѣтямъ легче принять идею добра въ конкретномъ образѣ. Извѣстная легенда о королѣ Артурѣ и его 12 безстрашныхъ рыцаряхъ легла въ основу этого юношескаго союза. Девизъ его составляютъ обѣщанія *вести чистую жизнь, говорить правду, возстанавливать поправную справедливость и слѣдовать за королемъ.*

Вступающій въ Орденъ избираетъ себѣ Короля, за которымъ онъ будетъ слѣдовать. Онъ долженъ найти человѣка (въ жизни или въ книгахъ), который воплощаетъ для него Идеаль на землѣ, и который становится его „Королемъ“. Рыцари „Круглаго Стола“ должны стараться ежедневно осуществить какой-либо актъ служенія, кому-нибудь помочь, кого-нибудь утѣшить, кому-нибудь доставить радость.

Рыцари должны помнить, что тѣло есть храмъ духа, и заботиться о чистотѣ храма. Ни вино, ни куреніе не допускаются, ни распущенность. Рыцарь долженъ быть исполненъ вѣжливаго вниманія ко всѣмъ, особенно къ слабымъ, больнымъ и старымъ. Каждый мѣсяцъ онъ долженъ особенно упражняться въ одномъ изъ рыцарскихъ качествъ: мужествѣ, стойкости, терпимости, чистотѣ, вѣжливости, милосердіи. Члены Ордена должны изучать этическія произведенія Рескина, Теннисона, Спенсера, Карлейля, А. Безантъ, Шелли и др. Собранія открываются хоровымъ пѣніемъ и чтеніемъ отрывка изъ какого-нибудь этическаго произведенія.

Члены Ордена предпринимаютъ коллективно разныя задачи филантропическаго и общественнаго характера: заботятся о бѣдныхъ дѣтяхъ, устраиваютъ школьныя дачи, собираютъ для безплатной раздачи хорошія книги, заботятся о больныхъ животныихъ и т. п.

Въ дѣтяхъ, вступившихъ въ эти кружки, замѣчается большая перемена. У дѣтей является новое отношеніе къ жизни, бодрое и активное, и вмѣстѣ съ тѣмъ новая нота простоты, искренности и собранности. Приходилось иногда наблюдать случаи полного преображенія среди дѣтей, вступившихъ въ такой этическій союзъ. Здоровая и чистая атмосфера активной

любви сразу пробуждала лучшія душевныя силы ребенка, и онъ въ скоромъ времени дѣлался неузнаваемымъ. Такое преображеніе полно обѣщанія для будущаго, ибо только стойкіе въ нравственномъ отношеніи и убѣжденные люди могутъ быть цѣнными и полезными членами семьи, общества и государства.

Нельзя не привѣтствовать каждый починъ въ этомъ направленіи, какъ бы онъ ни былъ скромнѣе. Недавно сельская учительница рассказала мнѣ о томъ, какъ она помогла дѣтямъ основать этической союзъ „Дружина Милосердія“, имѣвшій слѣдующія правила:

- 1) Никогда не мучить, не пугать и не убивать *ради потѣхи* беззащитныхъ и безвредныхъ звѣрей, птицъ и насекомыхъ.
- 2) Не разорять гнѣздъ, не трогать яицъ и птенчиковъ.
- 3) Никого не обижать.
- 4) Не брать чужого и говорить правду.
- 5) Защищать всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ.
- 6) Помогать другъ другу во всякомъ добромъ дѣлѣ.

Эти правила были написаны крупными буквами и повѣшены на видномъ мѣстѣ въ школѣ.

Дѣти собирались разъ въ недѣлю для бесѣды и сообщали случаи, когда имъ удавалось что-нибудь сдѣлать или видѣть хорошаго. Затѣмъ учительница раздавала листочки съ вопросомъ, надъ которымъ надо было подумать въ теченіе недѣли. Напримеръ:

Въ какія минуты ты испытывалъ въ своемъ сердцѣ радости?

Какого человѣка по твоему можно назвать счастливымъ?

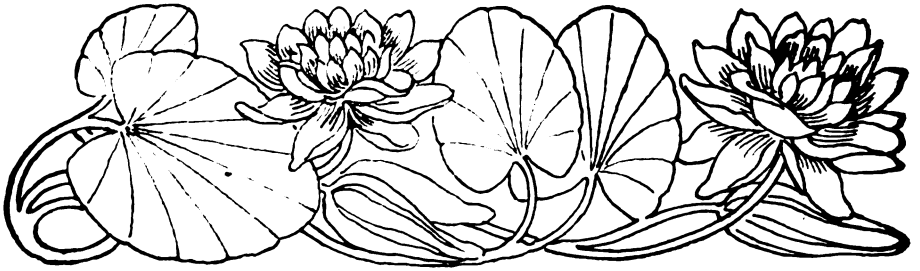
Что такое совѣсть?

Получались разнообразныя, но всегда интересныя отвѣты, которые становились темой для оживленной бесѣды.

Учительница скоро замѣтила среди дѣтей большую перемену въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и въ особенности къ животнымъ. Прекратились проявленія грубости и жестокости. Явилось вдумчивое и доброжелательное отношеніе, которое принесло и дѣтямъ и учительницѣ много радости. Они слышали пѣніе голубыхъ ангеловъ въ Виолетскую ночь и приняли ихъ рождественскій подарокъ.

А. Каменская.

Чему мы будемъ учить.

Джинараджадаза.

II.

Красота, которая есть Радость.

Путь Красоты.

Почему же такъ мало радости въ жизни, если Единый Возлюбившій любить своихъ Возлюбленныхъ? Я не знаю; я знаю только, что Онъ любитъ, и что если мы захотимъ искать, мы найдемъ Его и раздѣлимъ Его Радость

Если мы захотимъ искать. Все зависитъ отъ нашего исканія. И главное, что мы—ты и я—можемъ повѣдать нашимъ ближнимъ, это—повѣсть о томъ, какъ мы нашли.

Мы находили Его радость всюду, гдѣ видѣли Красоту, и мы ей отдавали въ благоговѣйномъ обожаніи цвѣтъ нашего сердца. Не было такого мѣста во вселенной, гдѣ бы мы не видѣли Его Красоту, ни на землѣ, ни на небѣ, ни въ преисподней. Повѣдаемъ же имъ, что видѣли мы двое.

Прежде всего, мы видѣли ее въ неодушевленной природѣ. Вихревое превращеніе электроновъ въ атомы, соединеніе атомовъ въ молекулы, молекулъ въ элементы и элементовъ—въ кристаллы,— всюду ритмъ прямыхъ линий и кривыхъ. Взгляните на красоту сибянки, на эту крошечную, но совершенную мысль Бога. Посмотрите на эти колчеданы, какъ построены ихъ грани треугольниками, квадратами и пятиугольниками. Какъ каждый кристаллъ умѣетъ сохранять свою форму, хотя бы ему приходилось шарахаться совместно съ нѣсколькими собратами-кри-

сталлами? Взгляните на образованіе кристалла въ микроскопѣ. Наблюдайте за растворомъ, когда онъ охлаждается. Что за великолѣпная радуга перистыхъ листьевъ и папоротниковъ! Красота, которая есть радость—да, воистину здѣсь *есть* радость для того, кто ищетъ ее въ атомѣ и въ элементѣ, въ растворѣ и въ камнѣ.

И кто умѣетъ находить красоту во всѣхъ этихъ вещахъ, тотъ находитъ ее потому, что передъ нимъ раскрывается улыбка Единого Возлюбившаго. Ибо всякая красота есть Его Красота, а когда мы видимъ Его Ликъ, наше сердце дрожитъ отъ радости.

А теперь взгляните на эти крошечныя существа, живущія инымъ образомъ, не такъ, какъ атомы или кристаллы. Эти діатомеи, эти безконечно малыя существа, живущія въ водѣ. Развѣ вы не можете себѣ представить Художника, который создавалъ ихъ, и какую радость Онъ испытывалъ, осуществляя свои творенія? Эта Его радость и отражается въ насъ, когда мы чувствуемъ, что эти крошечныя формы прекрасны. Ибо Онъ не только измыслилъ ихъ, однажды, Онъ слѣдитъ за твореніемъ Своимъ и грезитъ объ еще болѣе красивыхъ построеніяхъ для будущаго. Вотъ почему истинные любители природы должны быть идеалистами, ибо, любя природу истинной любовью, нельзя не чувствовать начертаннаго Имъ Плана природы, какова она станетъ въ грядущемъ.

А красота былинковъ и травъ, ползучихъ растеній и цвѣтковъ, кустовъ и деревьевъ,—какое сердце, способное любить и преклоняться, не чувствовало этой красоты?

Да, и красота прибрежныхъ скалъ, которая кажется такими суровыми и негостепріимными, не чувствуете ли вы, какъ онѣ охраняютъ все пріотившееся подъ ихъ могучей защитой?

Красота моря, нашего вѣчнаго моря, передъ которымъ мы должны преклониться въ безмолвіи. Ибо ни одинъ аспектъ природы не отражаетъ Его въ такой полнотѣ, какъ море. Закатъ солнца подобенъ открытой двери, изъ-за которой раздается Его голосъ: „Войдите! Здѣсь успокоится желаніе сердца вашего“. Горы стоятъ, какъ Его вѣрная стража, не переставая отдавать Ему честь. И, глядя на нихъ, нашъ взоръ поднимается къ Нему, и мы различаемъ великій миръ на могучемъ Ликѣ Его. Луга, холмы и долины, широкія пространства полей, лѣсовъ и покоевъ, на всемъ этомъ разлита Красота, подобная улыбкѣ на лицѣ возлюбленной, когда она спитъ и видитъ счастливые

...ть красота моря, того моря,
...го въ силѣ, Прекраснаго въ
... Его рука наноситъ ударъ, а мы
...гословляетъ, и мы вступаемъ
... съ Нимъ. Все это кроется
...шитель и другъ, ибо въ морѣ

...ворить о красотѣ птицъ и живот-
...и воздуха? Она всегда на лицо
... Любите, и вы увидите Прекрасное.
...зуете его силу; будьте вѣрны, и вы
... этой Силой, которая есть и За-
... которая есть Радость.

...видимая только для духа: красота
... Возможно-ли болѣе могучее построение,
... всемъ великолѣпнѣ, чѣмъ Индуизмъ, съ
... Единомъ во всемъ, котораго
... ни уши не могутъ услышать, кото-
... постигнуть смертнымъ умомъ? Возвышен-
... и въ то же время интимное, дѣя-
... все сущее въ движеніе; Бытіе, Разумѣніе,
... который самъ сплетаетъ ткань зримаго,
... Ничто, изъ котораго происхо-
... величавая философія, которую даетъ Ин-

... который созидаетъ и разрушаетъ, неиз-
... въ мірахъ видимыхъ и невидимыхъ, тотъ
... есть Любовь и Мудрость, Справедливость и
... та прекрасная суть, которая лежитъ въ
... Можетъ ли быть болѣе величавая мысль, чѣмъ
... что каждая душа свободна и можетъ сотворить
... спасеніе своими собственными силами, и мо-
... стать Спасителемъ будущихъ расъ?

... бытъ ученіе болѣе вдохновляющимъ, чѣмъ уче-
... по которому величайшей радостью человѣка
... — Воинъ Господа, сражающійся за
... Благихъ Мыслей, Благихъ Словъ и Благихъ

... дать болѣе могучую помощь душѣ, чѣмъ та,
... ученіе Магомета, говорящаго, что все исходящее
... такъ и страданіе, должно вызывать въ

человѣкъ не анализъ или вопросъ, а благоговѣнное преклоненіе, крикъ сердца: „Аллахъ! да будетъ Воля Твоя!“

Можно съ такой же увѣренностью сказать, что нѣтъ болѣе прекрасной въ своей простотѣ вѣры, чѣмъ вѣра Конфуція, которая говоритъ всѣмъ людямъ, что, не взирая на свое происхожденіе, каждый можетъ стать Совершеннымъ Человѣкомъ, воспитывая свою душу поэзіей, этикой и музыкой и становясь такимъ образомъ сильнымъ и мудрымъ человѣкомъ, пригоднымъ для каждой задачи, которую государство возложитъ на него?

И, наконецъ, можетъ ли быть болѣе совершенная красота, чѣмъ ученіе Христа, говорящее, что, любя Бога, человѣкъ долженъ любить своего ближняго, какъ самого себя? Христа, который стоитъ съ раскрытыми объятіями и говоритъ своимъ дѣтямъ: „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Можетъ ли что-либо быть прекраснѣе?

Если вы возьмете бѣлый лотосъ, или розу, или маргаритку, или другой цвѣтокъ,—возможно ли сказать, что одинъ изъ нихъ прекраснѣе другого? Не всѣ ли они такіе же цвѣты, осуществленіе той грѣзы, которую растеніе вынашивало, созидая свое будущее? То же самое и съ обителями мысли, съ религіями міра. Будетъ ли святилище велико, или оно будетъ мало,—пока оно—Его святилище, изъ алтаря излучается Его свѣтъ; ибо Единый Возлюбившій созидаетъ Религію, не ограниченную временемъ и пространствомъ, религію Своей Красоты, и всѣ наши міровыя религіи—лишь провозвѣстники этой единой Религіи Грядущаго.

Изъ всѣхъ ученыхъ и художниковъ, поэтовъ и мечтателей, которые мнѣ извѣстны, было четыре могучихъ глашатаевъ этой Религіи Его Красоты. Это—Платонъ и Данте. Рёскингъ и Вагнеръ. Ибо каждый изъ нихъ чувствовалъ то Грядущее, когда музыка, это высочайшее изъ всѣхъ искусствъ, будетъ провозглашать скрытую гармонию государства, семьи, отдѣльнаго человѣка и Того, Который сотворилъ все; когда лишь достиженіе красоты во всемъ будетъ нашей задачей и нашей игрой, и наше преклоненіе передъ Прекраснымъ скажется въ чистотѣ нашихъ дорогъ, въ прелести нашихъ домашнихъ вещей, въ красотѣ нашихъ жилищъ; когда философія и религія, наука и искусство найдутъ свою обитель въ лицѣ возлюбленной, которая поведетъ возлюбленнаго своей души отъ одной звѣзды къ другой; когда черезъ каждый предметъ, отмѣченный красотой, будетъ просвѣчивать его первообразъ, который есть мысль Господа, и когда

сны. Но нѣтъ красоты большей, чѣмъ красота моря, того которое есть отраженіе Прекраснаго въ силѣ, Прекраснаго волненіи и Прекраснаго въ ярости. Его рука наноситъ ударъ цѣлуемъ Его руку; Его рука благословляетъ, и мы встѣ въ Его объятія и грезимъ вмѣстѣ съ Нимъ. Все это въ красотѣ моря, нашемъ утѣшительѣ и другѣ, ибо *есть* разумѣніе.

Не знаю, слѣдуетъ ли говорить о красотѣ птицъныхъ, о существахъ воды, земли и воздуха? Она всегда для всѣхъ, кто ищетъ ее. Любите, и вы увидите. Будьте чисты, и вы почувствуете его силу; будьте и узнаете какъ воспользоваться этой Силою, которая конь и Пророки той Красоты, которая есть Радость.

Есть также Красота, видимая только для мысли и мыслеобразовъ. Возможно-ли болѣе могучее болѣе величавое въ своемъ великолѣпніи, чѣмъ его ученіемъ о Первопричинѣ, объ Единомъ во всемъ, ни очи не могутъ увидѣть, ни уши не могутъ слышать, который не можетъ быть постигнутъ смертнымъ умомъ, невозмутимое, неизмѣнное; и въ то же время вѣчное и приводящее все сущее въ движеніе; Блаженство; Зритель, который самъ сплетаетъ Жизнь, которая сама не живетъ, Ничто, изъ котораго идетъ все; вотъ величавая философія, которую буддизмъ.

Вѣчный Законъ, который созидаетъ и разрушаетъ, вѣчный и неизмѣнный въ мірахъ видимыхъ и невидимыхъ; Законъ, который есть Любовь и Мудрость, Покой и Радость, вотъ та прекрасная суть, которая есть основѣ Буддизма. Можетъ ли быть болѣе могучее и величавее мысль о томъ, что каждая душа свободна для своего собственнаго спасенія своими собственными силами, можетъ, если захочетъ, стать Спасителемъ.

Можетъ ли быть ученіе болѣе величавое и могучее, чѣмъ ученіе Зороастра, по которому величайшее благо является сознаніе, что онъ—Воинъ. Истинное благо, Него оружіемъ Благихъ Мыслей, и истинное благо, Дѣль?

И можно ли дать болѣе могучее и величавое, чѣмъ какую даетъ ученіе Магомета, говорящее, что истинное благо отъ Бога, какъ бы то ни было такъ и страшно.

ТЬ

О
ТЬ
ТЬ
ОЙ
ЕМЪ

которая
ойтесъ
Его По-

вучить во

и узами для души во
ая дверь.
и многие читаютъ его
в, по мѣрѣ исполненія ла
Франциска де-Саль.

мы наконецъ увидимъ и Его Самого, Единого Возлюбившаго.

Всѣ четверо были могучіе мечтатели, но они грезили вмѣстѣ съ Единымъ Возлюбившимъ, и они продолжаютъ грезить съ Нимъ. Счастливъ тотъ смертный, который въ состояніи грезить вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ готовить день Появленія въ грядущемъ.

Также и красота предметовъ, сотворенныхъ человѣкомъ, раскрываетъ Образы Вещей. Ритмическое краснорѣчіе оратора; лирической гимнъ поэта или величавая ода, воспѣвающая пути Господа; пейзажъ на полотнѣ, раскрывающій міръ какъ Идею; сцены драматурга, показывающія міръ какъ Волю; произведение ваятеля, говорящее о красотѣ въ движеніи и покоѣ; построение архитектора, напоминающее застывшую музыку; все это—окна, черезъ которыя мы смотримъ въ мысль Прекраснаго.

Есть еще одна удивительная форма искусства, это—музыка; она приводитъ насъ лицомъ къ лицу съ Единымъ Возлюбившимъ, отбрасывая одно покрывало за другимъ, пока не останется лишь одно послѣднее. Это послѣднее не можетъ быть отдернуто ничѣмъ, даже самой любовью; ибо хотя музыка и любовь одновременно и тоже самое, и разное, и выражаетъ она Его стремленіе къ Его Возлюбленнымъ, все же этотъ послѣдній покровъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока Онъ Самъ не совлечетъ его. А это будетъ лишь тогда, когда мы познаемъ *какое* Дѣйствіе творить жизнь.

Красота кроется также и въ Его Возлюбленныхъ, въ душахъ ближнихъ нашихъ. Черезъ каждую, по мѣрѣ того, какъ мы любимъ, мы видимъ частицу Его Красоты; ибо только за эту Его красоту любимъ мы дитя; изъ-за нея же дорогъ намъ нашъ другъ; и она же зоветъ насъ любить Его какъ жениха или невѣсту. Трижды счастливъ тотъ, кто видитъ въ своей возлюбленной Единого Возлюбившаго, ибо тогда цѣль достигнута, и всѣмъ исканіямъ настала концы. Счастливецъ вернулся домой, и съ этихъ поръ его жизнь будетъ расцвѣтать въ солнечномъ сіяніи Его Присутствія.

Красота, которая есть радость,—наслѣдіе всѣхъ; но только тому, кто умѣетъ любить друга своего какъ душу, доступно раскрыть Бога въ другѣ своемъ.

И, наконецъ, есть красота и въ аду. Ибо нѣтъ ни единой мысли, въ которой бы не участвовалъ Единый Возлюбившій, ни одного чувства, которое бы Онъ не перечувствовалъ, и

Онъ же страдаетъ съ нами, когда нашимъ удѣломъ бываетъ адъ. Если бы мы только могли знать, что Онъ вотъ здѣсь, около насъ, когда мы страдаемъ, мы съ радостью перенесли бы всякую муку; нѣтъ боли для распятаго, который, лежа на крестѣ, видитъ Его. Но этотъ вѣнецъ жизни долженъ каждый самъ добывать для себя, способность видѣть Единаго Возлюбившаго даже въ аду. И вѣнецъ этотъ стбитъ всевозможныхъ усилій, ибо познать, что Его можно найти даже и тамъ, это—дерзнуть противъ всѣхъ силъ ада и—остаться побѣдителемъ.

Но необходимо, чтобы передъ тѣмъ, какъ мы найдемъ Его Красоту и въ аду, изранена была душа наша; но Онъ наложитъ Свою печать на каждую рану и сдѣлаетъ изъ нея крестъ, изъ сердца же креста расцвѣтетъ роза. И благоуханіе каждой такой розы пробудитъ грезы въ сердцахъ людей. Ибо мы страдаемъ для того, чтобы другіе могли грезить.

Красота которая есть Радость.

Есть сила, обновляющая все сущее, это—Красота, которая есть Радость. Любите—и вы увидите Прекрасное; поклоняйтесь—и вы станете едиными съ Нимъ; служите—и вы будете Его Помазанниками для спасенія ближнихъ вашихъ.

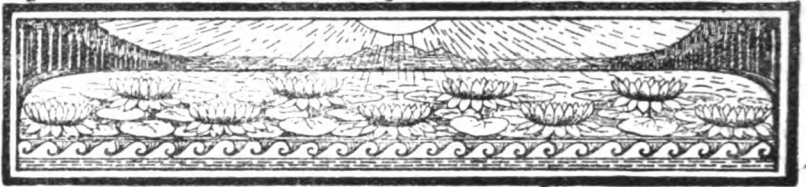
Это—вторая истина, которой ты и я будемъ учить во имя Его.

Сластолюбивое сердце бываетъ темницею и узами для души во время ея исхода, а трудолюбивое есть отверстная дверь.

Законъ свободы научаетъ всякой истинѣ; и многіе читаютъ его по своему разумѣнію; но не многіе разумѣютъ, по мѣрѣ исполненія заповѣдей.

Св. Францискъ де-Саль.

Думы.

Думы тяжелыя—
Тучи свинцовыя,
Кружитесь вихрями,
Тягой низовою...
Катитесь съ грохотомъ,
Зломъ напоенныя,
Тяжкимъ дыханьемъ
Земли порожденныя.
Глушите, душиите
Тучки крылатыя,
Свѣгомъ повитыя,
Солнцемъ зачатыя.
Рѣютъ въ лазури
Надъ вами затихшіе
Злата червленого
Свитки пушистые.
Стелются пламенемъ,
Искрой свиваются,
Ширять безмолвіемъ,
Къ вамъ излучаются...
Смолкните, лютые,
Многострадальныя...
Свисты и шумы—
Вы погребальныя!..
Въ заревѣ огненномъ,
Тишью избранныя,
Льются, слагаются
Пѣсни вѣчанныя!..

Е. Дубны-Герцыкъ.

Теософическое общество и Анна Павловна Философова ¹⁾.

(Рѣчь А. Каменской, 1913 г.).

Анна Павловна Философова была однимъ изъ видныхъ дѣятелей Теософическаго движенія, и Р. Т. О-во чтить ее, какъ одного изъ славнѣйшихъ своихъ пионеровъ. Но какимъ образомъ могла Анна Павловна, яркая представительница бо-хъ годовъ, всегда на стражѣ общественныхъ интересовъ и всегда въ кругу передовыхъ дѣятелей, занятыхъ меньше всего духовными исканіями, какимъ образомъ могла Анна Павловна такъ глубоко заинтересоваться вопросами духа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны вспомнить особенности ея богато одаренной личности и ея многосторонней дѣятельности. Она была большимъ общественнымъ дѣятелемъ, но прежде всего она была *человѣкомъ* во всемъ всеобъемлющемъ значеніи этого слова, ничто человѣческое не было ей чуждо, и какъ она ни увлекалась своей общественной дѣятельностью, она за нею всегда видѣла Цѣли вѣчныя. Международный миръ, международное братство, свобода духа, вотъ тѣ идеалы, которыми жило ея благородное сердце, и которые заставили ее выступать такимъ пламеннымъ борцомъ за права человѣка. и эти идеалы она нашла на знамени Теософическаго Общества.

Что такое Теософія? Это активный идеализмъ, положившій въ основу своего ученія *единство цѣли* и *братство человечества*. Ея суть можно выразить такъ: *эволюція*, какъ процессъ жизни, *любовь*, какъ законъ жизни.

Что здѣсь новаго? Новаго здѣсь то, что Теософія вводитъ въ сферу научныхъ изслѣдованій и опредѣленій всю духовную

¹⁾ По поводу выхода сборника памяти А. П. Философовой.

Собираясь періодически, дѣти сообщаютъ другъ другу, что встрѣтилось имъ хорошаго и интереснаго, и какъ они нашли возможность воплотить, выявить то настроеніе, которымъ должны быть проникнуты звенья „Золотой Цѣпи“.

Орденъ „Рыцарей Круглаго Стола“ предназначенъ для подростковъ и юношей отъ 13 — 21 года. Онъ является какъ бы естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ „Золотой Цѣпи“.

Дѣтямъ легче принять идею добра въ конкретномъ образѣ. Известная легенда о королѣ Артурѣ и его 12 безстрашныхъ рыцаряхъ легла въ основу этого юношескаго союза. Девизъ его составляютъ обѣщанія *вести чистую жизнь, говорить правду, возманичивать поправную справедливость и слѣдовать за королемъ*.

Вступавшій въ Орденъ избираетъ себѣ Короля, за которымъ онъ будетъ слѣдовать. Онъ долженъ найти человѣка (въ жизни или въ книгахъ), который воплощаетъ для него Идеаль на землѣ, и который становится его „Королемъ“. Рыцари „Круглаго Стола“ должны стараться ежедневно осуществить какой-либо актъ служенія, кому-нибудь помочь, кого-нибудь утѣшить, кому-нибудь доставить радость.

Рыцари должны помнить, что тѣло есть храмъ духа, и заботиться о чистотѣ храма. Ни вино, ни куреніе не допускаются, ни распущенность. Рыцарь долженъ быть исполненъ вѣжливаго вниманія ко всемъ, особенно къ слабымъ, больнымъ и старымъ. Каждый мѣсяцъ онъ долженъ особенно упражняться въ одномъ изъ рыцарскихъ качествъ: мужествѣ, стойкости, терпимости, чистотѣ, вѣжливости, милосердіи. Члены Ордена должны изучать эпическія произведенія Рескина, Теннисона, Спенсера, Карлейля, А. Беланга, Шелли и др. Собранія открываются хоромъ пѣньми и чтеніемъ отрывка изъ какого-нибудь этического произведенія.

Члены Ордена предпринимать коллективно разныя задачи филантропическаго и общественаго характера: заботятся о бѣдныхъ дѣтяхъ, устраиваютъ школьныя дачи, собираютъ для бѣднѣйшей раздачи хорошия книги, заботятся о больныхъ животныихъ и т. п.

Въ дѣлахъ, вступавшихъ въ эти кружки, замѣчается большое стремленіе. У дѣтей является новое отношеніе къ жизни, больше и яснѣе видятъ и знаютъ себѣ, слышатъ новую ноту простоты, ясности, доброты, любви, уваженія къ другимъ. Не хотѣлось иногда наблюдать съ какой радостью и любовью они слѣдили за поступками вступившихъ въ члены Ордена. Дѣти, бывшія прежде въ числѣ инертной

любви сразу пробуждала лучшія душевныя силы ребенка, и онъ въ скоромъ времени дѣлался неузнаваемымъ. Такое преображеніе полно обѣщанія для будущаго, ибо только стойкіе въ нравственномъ отношеніи и убѣжденные люди могутъ быть цѣнными и полезными членами семьи, общества и государства.

Нельзя не привѣтствовать каждый починъ въ этомъ направленіи, какъ бы онъ ни былъ скромнень. Недавно сельская учительница рассказала мнѣ о томъ, какъ она помогла дѣтямъ основать этической союзъ „Дружина Милосердія“, имѣвшій слѣдующія правила:

- 1) Никогда не мучить, не пугать и не убивать *ради потѣхи* беззащитныхъ и безвредныхъ звѣрей, птицъ и наѣкомыхъ.
- 2) Не разорять гнѣздъ, не трогать яицъ и птенчиковъ.
- 3) Никого не обижать.
- 4) Не брать чужого и говорить правду.
- 5) Защищать всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ.
- 6) Помогать другъ другу во всякомъ добромъ дѣлѣ.

Эти правила были написаны крупными буквами и повѣшены на видномъ мѣстѣ въ школѣ.

Дѣти собирались разъ въ недѣлю для бесѣды и сообщали случаи, когда имъ удавалось что-нибудь сдѣлать или видѣть хорошаго. Затѣмъ учительница раздавала листочки съ вопросомъ, надъ которымъ надо было подумать въ теченіе недѣли. Напримѣръ:

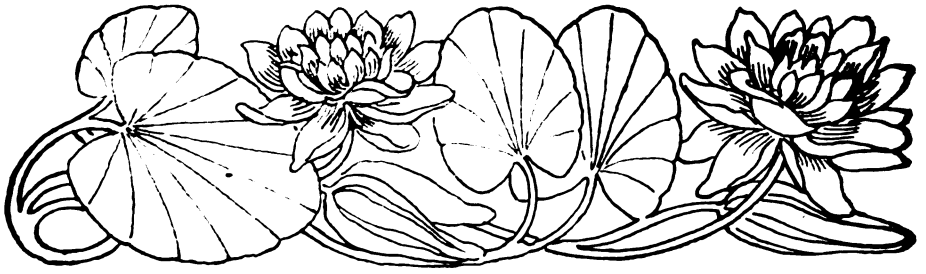
- Въ какія минуты ты испытывалъ въ своемъ сердцѣ радость?
 Какого человѣка по твоему можно назвать счастливымъ?
 Что такое совѣсть?

Получались разнообразныя, но всегда интересныя отвѣты, которые становились темой для оживленной бесѣды.

Учительница скоро замѣтила среди дѣтей большую перемену въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и въ особенности къ животнымъ. Прекратились проявленія грубости и жестокости. Явилось вдумчивое и доброжелательное отношеніе, которое принесло и дѣтямъ и учительницѣ много радости. Они слышали пѣніе голубыхъ ангеловъ въ Виодеемскую ночь и приняли ихъ рождественскій подарокъ.

А. Каменская.

Чему мы будемъ учить.

Джинараджадаза.

II.

Красота, которая есть Радость.

Путь Красоты.

Почему же такъ мало радости въ жизни, если Единый Возлюбившій любить своихъ Возлюбленныхъ? Я не знаю; я знаю только, что Онъ любитъ, и что если мы захотимъ искать, мы найдемъ Его и раздѣлимъ Его Радость

Если мы захотимъ искать. Все зависитъ отъ нашего исканія. И главное, что мы—ты и я—можемъ повѣдать нашимъ ближнимъ, это—повѣсть о томъ, какъ мы нашли.

Мы находили Его радость всюду, гдѣ видѣли Красоту, и мы ей отдавали въ благоговѣйномъ обожаніи цвѣтъ нашего сердца. Не было такого мѣста во вселенной, гдѣ бы мы не видѣли Его Красоту, ни на землѣ, ни на небѣ, ни въ преисподней. Повѣдаемъ же имъ, что видѣли мы двое.

Прежде всего, мы видѣли ее въ неодушевленной природѣ. Вихревое превращеніе электроновъ въ атомы, соединеніе атомовъ въ молекулы, молекулъ—въ элементы и элементовъ—въ кристаллы,—всюду ритмъ прямыхъ линий и кривыхъ. Взгляните на красоту снѣжинки, на эту крошечную, но совершенную мысль Бога. Посмотрите на эти колчеданы, какъ построены ихъ грани треугольниками, квадратами и пятиугольниками. Какъ каждый кристаллъ умѣетъ сохранять свою форму, хотя бы ему пришлось вырастать совмѣстно съ нѣсколькими собратами-кри-

сталлами? Взгляните на образование кристалла въ микроскопъ. Наблюдайте за растворомъ, когда онъ охлаждается. Что за великолѣпная радуга перистыхъ листьевъ и папоротниковъ! Красота, которая есть радость—да, воистину здѣсь *есть* радость для того, кто ищетъ ее въ атомѣ и въ элементѣ, въ растворѣ и въ камнѣ.

И кто умѣетъ находить красоту во всѣхъ этихъ вещахъ, тотъ находитъ ее потому, что передъ нимъ раскрывается улыбка Единого Возлюбившаго. Ибо всякая красота есть Его Красота, а когда мы видимъ Его Ликъ, наше сердце дрожитъ отъ радости.

А теперь взгляните на эти крошечныя существа, живущія инымъ образомъ, не такъ, какъ атомы или кристаллы. Эти діатомей, эти бесконечно малыя существа, живущія въ водѣ. Развѣ вы не можете себѣ представить Художника, который создавалъ ихъ, и какую радость Онъ испытывалъ, осуществляя свои творенія? Эта Его радость и отражается въ насъ, когда мы чувствуемъ, что эти крошечныя формы прекрасны. Ибо Онъ не только измыслилъ ихъ однажды, Онъ слѣдилъ за твореніемъ Своимъ и грезилъ объ еще болѣе красивыхъ построеніяхъ для будущаго. Вотъ почему истинные любители природы должны быть идеалистами, ибо, любя природу истинной любовью, нельзя не чувствовать начертаннаго Имъ Плана природы, какова она станетъ въ грядущемъ.

А красота былинковъ и травъ, ползучихъ растеній и цвѣтовъ, кустовъ и деревьевъ,—какое сердце, способное любить и преклоняться, не чувствовало этой красоты?

Да, и красота прибрежныхъ скалъ, которыя кажутся такими суровыми и негостепріимными, не чувствуете ли вы, какъ онѣ охраняютъ все пріютившееся подъ ихъ могучей защитой?

Красота моря, нашего вѣчнаго моря, передъ которымъ мы должны преклониться въ безмолвіи. Ибо ни одинъ аспектъ природы не отражаетъ Его въ такой полнотѣ, какъ море. Закатъ солнца подобенъ открытой двери, изъ-за которой раздается Его голосъ: „Войдите! Здѣсь успокоится желаніе сердца вашего“. Горы стоятъ, какъ Его вѣрная стража, не переставая отдавать Ему честь. И, глядя на нихъ, нашъ взоръ поднимается къ Нему, и мы различаемъ великій миръ на могучемъ Ликѣ Его. Луга, холмы и долины, широкія пространства полей, лѣсовъ и потоковъ, на всемъ этомъ разлита Красота, подобная улыбкѣ на лицѣ возлюбленной, когда она спитъ и видитъ счастливые

сны. Но нѣтъ красоты большей, чѣмъ красота моря, того моря, которое есть отраженіе Прекраснаго въ силѣ, Прекраснаго въ волненіи и Прекраснаго въ ярости. Его рука наноситъ ударъ, а мы цѣлуемъ Его руку; Его рука благословляетъ, и мы вступаемъ въ Его объятія и грезимъ вмѣстѣ съ Нимъ. Все это кроется въ красотѣ моря, нашемъ утѣшительѣ и другѣ, ибо въ морѣ *есть* разумѣніе.

Не знаю, слѣдуетъ ли говорить о красотѣ птицъ и животныхъ, о существахъ воды, земли и воздуха? Она всегда на лицо для всѣхъ, кто ищетъ ее. Любите, и вы увидите Прекрасное. Будьте чисты, и вы почувствуете его силу; будьте вѣрны, и вы узнаете какъ воспользоваться этой Силою, которая есть и Законъ и Пророки той Красоты, которая есть Радость.

Есть также Красота, видимая только для духа: красота мысли и мыслеобразовъ. Возможно-ли болѣе могучее построеніе, болѣе величавое въ своемъ великолѣпнн, чѣмъ Индуизмъ, съ его ученіемъ о Первопричинѣ, объ Единомъ во всемъ, котораго ни очи не могутъ увидѣть, ни уши не могутъ услышать, который не можетъ быть постигнутъ смертнымъ умомъ? Возвышенное, невозмутимое, неизмѣнное; и въ то же время интимное, дѣйтельное и приводящее все сущее въ движеніе; Бытіе, Разумѣніе, Блаженство; Зритель, который самъ сплетаетъ ткань зримаго, Жизнь, которая сама не живетъ, Ничто, изъ котораго происходитъ все; вотъ величавая философія, которую даетъ Индуизмъ.

Вѣчный Законъ, который созидаетъ и разрушаетъ, неизбѣжный и неизмѣнный въ мірахъ видимыхъ и невидимыхъ, тотъ Законъ, который есть Любовь и Мудрость, Справедливость и Покой и Радость, вотъ та прекрасная суть, которая лежитъ въ основѣ Буддизма. Можетъ ли быть болѣе величавая мысль, чѣмъ мысль о томъ, что каждая душа свободна и можетъ сотворить свое собственное спасеніе своими собственными силами, и можетъ, если захочетъ, стать Спасителемъ будущихъ расъ?

Можетъ ли быть ученіе болѣе вдохновляющимъ, чѣмъ ученіе Зороастра, по которому величайшей радостью человѣка является сознаніе, что онъ—Воинъ Господа, сражающійся за Него оружіемъ Благихъ Мыслей, Благихъ Словъ и Благихъ Дѣлъ?

И можно ли дать болѣе могучую помощь душѣ, чѣмъ та, какую даетъ ученіе Магомета, говорящаго, что все исходящее отъ Бога, какъ благо такъ и страданіе, должно вызывать въ

человѣкъ не анализъ или вопросъ, а благоговѣнное преклоненіе, крикъ сердца: „Аллахъ! да будетъ Воля Твоя!“

Можно съ такой же увѣренностью сказать, что нѣтъ болѣе прекрасной въ своей простотѣ вѣры, чѣмъ вѣра Конфуція, которая говоритъ всѣмъ людямъ, что, не взирая на свое происхожденіе, каждый можетъ стать Совершеннымъ Человѣкомъ, воспитывая свою душу поэзіей, этикой и музыкой и становясь такимъ образомъ сильнымъ и мудрымъ человѣкомъ, пригоднымъ для каждой задачи, которую государство возложить на него?

И, наконецъ, можетъ ли быть болѣе совершенная красота, чѣмъ ученіе Христа, говорящее, что, любя Бога, человѣкъ долженъ любить своего ближняго, какъ самого себя? Христа, который стоитъ съ раскрытыми объятіями и говоритъ своимъ дѣтямъ: „придите ко Мнѣ въѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Можетъ ли что-либо быть прекраснѣе?

Если вы возьмете бѣлый лотосъ, или розу, или маргаритку, или другой цвѣтокъ,--возможно ли сказать, что одинъ изъ нихъ прекраснѣе другого? Не всѣ ли они такіе же цвѣты, осуществленіе той грезы, которую растеніе вынашивало, созидая свое будущее? То же самое и съ обителями мысли, съ религіями міра. Будетъ ли святилище велико, или оно будетъ мало,—пока оно—Его святилище, изъ алтаря излучается Его свѣтъ; ибо Единный Возлюбившій созидаетъ Религію, не ограниченную временемъ и пространствомъ, религію Своей Красоты, и всѣ наши міровыя религіи—лишь провозвѣстники этой единой Религіи Грядущаго.

Изъ всѣхъ ученыхъ и художниковъ, поэтовъ и мечтателей, которые мнѣ извѣстны, было четыре могучихъ глашатая этой Религіи Его Красоты. Это—Платонъ и Данте, Рёскинъ и Вагнеръ. Ибо каждый изъ нихъ чувствовалъ то Грядущее, когда музыка, это высочайшее изъ всѣхъ искусствъ, будетъ провозглашать скрытую гармонию государства, семьи, отдѣльнаго человѣка и Того, Который сотворилъ все; когда лишь достиженіе красоты во всемъ будетъ нашей задачей и нашей игрой, и наше преклоненіе передъ Прекраснымъ скажется въ чистотѣ нашихъ дорогъ, въ прелести нашихъ домашнихъ вещей, въ красотѣ нашихъ жилищъ; когда философія и религія, наука и искусство найдутъ свою обитель въ лицѣ возлюбленной, которая поведетъ возлюбленного своей души отъ одной звѣзды къ другой; когда черезъ каждый предметъ, отмѣченный красотой, будетъ просвѣчивать его первообразъ, который есть мысль Господа, и когда

мы наконецъ увидимъ и Его Самого, Единого Возлюбившаго.

Всѣ четверо были могучіе мечтатели, но они грезили вмѣстѣ съ Единымъ Возлюбившимъ, и они продолжаютъ грезить съ Нимъ. Счастливъ тотъ смертный, который въ состояніи грезить вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ готовить день Появленія въ грядущемъ.

Также и красота предметовъ, сотворенныхъ человекомъ, раскрываетъ Образцы Вещей. Ритмическое краснорѣчіе оратора; лирической гимнъ поэта или величавая ода, воспѣвающая пути Господа; пейзажъ на полотнѣ, раскрывающій міръ какъ Идею; сцены драматурга, показывающія міръ какъ Волю; произведеніе ваятеля, говорящее о красотѣ въ движеніи и покоѣ; построение архитектора, напоминающее застывшую музыку; все это—окна, черезъ которыя мы смотримъ въ мысль Прекраснаго.

Есть еще одна удивительная форма искусства, это—музыка; она приводитъ насъ лицомъ къ лицу съ Единымъ Возлюбившимъ, отменяя одно покрывало за другимъ, пока не останется лишь одно послѣднее. Это послѣднее не можетъ быть отдернуто ничѣмъ, даже самой любовью; ибо хотя музыка и любовь одновременно и тоже самое, и разное, и выражаетъ она Его стремленіе къ Его Возлюбленнымъ, все же этотъ послѣдній покровъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока Онъ Самъ не совлечетъ его. А это будетъ лишь тогда, когда мы познаемъ *какое* Дѣйствіе творить жизнь.

Красота кроется также и въ Его Возлюбленныхъ, въ душахъ ближнихъ нашихъ. Черезъ каждую, по мѣрѣ того, какъ мы любимъ, мы видимъ частицу Его Красоты; ибо только за эту Его красоту любимъ мы дитя; изъ-за нея же дорогъ намъ нашъ другъ; и она же зоветъ насъ любить Его какъ жениха или невѣсту. Тriaзды счастливъ тотъ, кто видитъ въ своей возлюбленной Единого Возлюбившаго, ибо тогда цѣль достигнута, и всѣмъ исканіямъ насталъ конецъ. Счастливецъ вернулся домой, и съ этихъ поръ его жизнь будетъ расцвѣтать въ солнечномъ сіяніи Его Присутствія.

Красота, которая есть радость,—наслѣдіе всѣхъ; но только тому, кто умѣетъ любить друга своего какъ душу, доступно раскрыть Бога въ другѣ своемъ.

И, наконецъ, есть красота и въ аду. Ибо нѣтъ ни единой мысли, въ которой бы не участвовалъ Единный Возлюбившій, ни одного чувства, которое бы Онъ не переживалъ, и

Онъ же страдаетъ съ нами, когда нашимъ удѣломъ бываетъ аду. Если бы мы только могли знать, что Онъ вотъ здѣсь, около насъ, когда мы страдаемъ, мы съ радостью перенесли бы всякую муку; нѣтъ боли для распятаго, который, лежа на крестѣ, видитъ Его. Но этотъ вѣнецъ жизни долженъ каждый самъ добывать для себя, способность видѣть Единаго Возлюбившаго даже въ аду. И вѣнецъ этотъ стбитъ всевозможныхъ усилій, ибо познать, что Его можно найти даже и тамъ, это—дерзнуть противъ всѣхъ силъ ада и—остаться побѣдителемъ.

Но необходимо, чтобы передъ тѣмъ, какъ мы найдемъ Его Красоту и въ аду, изранена была душа наша; но Онъ наложитъ Свою печать на каждую рану и сдѣлаетъ изъ нея крестъ, изъ сердца же креста расцвѣтетъ роза. И благоуханіе каждой такой розы пробудитъ грезы въ сердцахъ людей. Ибо мы страдаемъ для того, чтобы другіе могли грезить.

Красота которая есть Радость.

Есть сила, обновляющая все сущее, это—Красота, которая есть Радость. Любите—и вы увидите Прекрасное; поклоняйтесь—и вы станете едиными съ Нимъ; служите—и вы будете Его Помощниками для спасенія ближнихъ вашихъ.

Это—вторая истина, которой ты и я будемъ учить во имя Его.

Сластолюбивое сердце бываетъ темницею и узами для души во время ея исхода, а трудолюбивое есть отверстная дверь.

Законъ свободы научаетъ всякой истинѣ; и многіе читаютъ его по своему разумѣнію; но не многіе разумѣютъ, по мѣрѣ исполненія заповѣдей.

Св. Францискъ де-Саль.

Д у м ы.

Думы тяжелыя—
Тучи свинцовыя,
Кружитесь вихрями,
Тягой низовою...
Катитесь съ грохотомъ,
Зломъ напоенныя,
Тяжкимъ дыханьемъ
Земли порожденныя.
Глушите, душите
Тучки крылатыя,
Свѣтомъ повитыя,
Солнцемъ зачатыя.
Рѣютъ въ лазури
Надъ вами затихшіе
Злата червленого
Свитки пушистыя.
Стелются пламенемъ,
Искрой свиваются,
Ширять безмолвіемъ,
Къ вамъ излучаются...
Смолкните, лютые,
Многострадальныя...
Свисты и шумы—
Вы погребальныя!..
Въ заревѣ огненномъ
Тишью избранныя,
Льются, слагаются
Пѣсни вѣчанныя!..

Е. Лубны-Герцыкъ,

Теософическое общество и Анна Павловна Философова ¹⁾.

(Рѣчь А. Каменской, 1913 г.).

Анна Павловна Философова была однимъ изъ видныхъ дѣятелей Теософическаго движенія, и Р. Т. О-во чтить ее, какъ одного изъ славнѣйшихъ своихъ пионеровъ. Но какимъ образомъ могла Анна Павловна, яркая представительница бо-хъ годовъ, всегда на стражѣ общественныхъ интересовъ и всегда въ кругу передовыхъ дѣятелей, занятыхъ меньше всего духовными исканіями, какимъ образомъ могла Анна Павловна такъ глубоко заинтересоваться вопросами духа?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны вспомнить особенности ея богато одаренной личности и ея многосторонней дѣятельности. Она была большимъ общественнымъ дѣятелемъ, но прежде всего она была *человѣкомъ* во всемъ всеобъемлющемъ значеніи этого слова, ничто человѣческое не было ей чуждо, и какъ она ни увлекалась своей общественной дѣятельностью, она за нею всегда видѣла Цѣли вѣчныя. Международнй миръ, международное братство, свобода духа, вотъ тѣ идеалы, которыми жило ея благородное сердце, и которые заставили ее выступать такимъ пламеннымъ борцомъ за права человѣка. и эти идеалы она нашла на знамени Теософическаго Общества.

Что такое Теософія? Это активный идеализмъ, положившій въ основу своего ученія *единство цѣли и братство челоѣчества*. Ея суть можно выразить такъ: *эволюція*, какъ процессъ жизни, *любовь*, какъ законъ жизни.

Что здѣсь новаго? Новаго здѣсь то, что Теософія вводитъ въ сферу научныхъ изслѣдованій и опредѣленій всю духовную

¹⁾ По поводу выхода сборника памяти А. П. Философовой.

область человѣка, которая до сихъ поръ отрывалась отъ науки, создавая цѣлую пропасть между разумомъ и остальной психикой человѣка. Культура психики осталась безъ методовъ, безъ законовъ, безъ научнаго обоснованія, и такимъ образомъ получилось полное несоотвѣтствіе между высокимъ интеллектуальнымъ развитіемъ современнаго человѣка и моральнымъ уровнемъ его. Эту пропасть необходимо заполнить: уровень морали современнаго человѣка нужно поднять до той же высоты, которой достигло интеллектуальное его развитіе. Это нужно для достиженія той внутренней гармоніи, которая совершенно отсутствуетъ у европейца нашихъ дней.

Для осуществленія этой цѣли Теософія строить мостъ между двумя полушаріями, сближая блестящую интеллектуальную культуру Запада съ высокой этикой Востока, издревле владѣющаго научными методами для правильной постановки нравственныхъ проблемъ. На почвѣ сближенія съ духовными сокровищами Востока, Теософія вызвала у европейца живой интересъ къ древне-арійскимъ цивилизаціямъ, расширяя такимъ образомъ его сознаніе.

Характерно для Теософіи, что она основываетъ свои высокіе идеалы не на призывѣ къ туманному, лучшему будущему, а на *братствѣ*, какъ фактѣ природы, который реально существуетъ, и который нужно провести черезъ сознаніе, чтобы одухотворить жизнь. Не дожидаясь, пока эта истина войдетъ въ сознаніе большинства, Теософическое Общество стремится немедленно приступить къ его осуществленію: первый § устава Теософическаго Общества опредѣляетъ цѣль его, какъ созданіе ядра международнаго братства безъ различія расы, національности, вѣроисповѣданія, класса или пола.

Признавая законъ эволюціи, Теософія видитъ въ современномъ человѣкѣ прогрессирующій по восходящей линіи біологической типъ, которому суждено со временемъ подняться на высшую ступень сознанія. То интеллектуальное сознаніе, которое мы до сихъ поръ считали единственнымъ, является лишь ступенюю къ тому болѣе широкому сознанію, раскрытіе котораго на очереди въ эволюціонномъ процессѣ. Такое пониманіе, подтверждаемое и наукой, возвышаетъ цѣнность человѣческой жизни и приводитъ неизбѣжно къ идеалистическому пониманію и самой человѣческой души. Такое отношеніе къ душѣ человѣка неизбѣжно ведетъ и къ повышенію *цѣнности жизни*, что имѣетъ огромное моральное значеніе для нашего времени, ужа-

сающаго насъ общей распатанностью, ослабленіемъ чувства долга, одичаніемъ нравовъ и обезцѣниванія жизни. Въ такое время особенно дорого пробужденіе чувства нравственной отвѣтственности. Въѣсть съ тѣмъ Теософія съ небывалой силой утверждаетъ и духовную свободу человѣка, неотъемлемое его право быть неограниченнымъ и единственнымъ хозяиномъ въ области вопросовъ совѣсти. Постигая все значеніе свободнаго духовнаго творчества, теософъ дѣлается поборникомъ *свободы совѣсти* не за себя одного, но и за всѣхъ. Терпимость къ чужому убѣжденію и признаніе братства являются единственными условіями вступленія въ Теософическое Общество, той догмой, безъ которой стать теософомъ нельзя.

Теперь ясно, почему Анна Павловна подошла къ Теософическому движенію, почему она и лѣтъ тому назадъ вступила въ первый теософическій кружокъ въ Россіи, почему позже она вошла въ составъ легализованнаго Р. Т. О-а и здѣсь работала до самой своей кончины. Никто, можетъ быть, такъ тонко и глубоко, какъ она, не сознавалъ необходимость создать непоколебимыя основы для этики, никто такъ не скорбѣлъ о потерѣ нравственныхъ устоевъ, въ особенности послѣ остраго историческаго кризиса въ 1905 г. Она сознавала, что прочно строить жизнь могутъ лишь тѣ, которые видятъ Цѣли вѣчныя. Кромѣ того, она предчувствовала все величіе задачи, выпавшей на долю Теософическаго Общества въ Россіи. Она горячо вѣрила, что разъединенныя народности, разбросанныя по широкой территоріи Россійскаго государства, найдутъ въ Теософіи то вдохновеніе, которое поможетъ имъ осуществить свою *духовную свободу* и дружно объединиться для лучшей жизни на землѣ, болѣе чистой и болѣе достойной. Въ единеніи столькихъ разнообразныхъ элементовъ, подходящихъ къ Теософическому Обществу на почвѣ исканія истины и осуществленія братства, она уже видѣла признаки занимающейся Зари, а дружеское общеніе съ теософами всѣхъ національностей она разсматривала въ наше скорбное время, какъ важное предзнаменованіе, какъ вѣщій символъ грядущаго объединенія. Широкая демократичность Теософическаго Общества, создавшаго платформу, объединяющую всѣ расы, національности, вѣрованія и классы, была столь же дорога ей сердцу, какъ и высокая свобода духа, открывающая теософу безпредѣльный просторъ его исканіямъ и его внутреннему творчеству. Эта всеобъединяющая широта была той чертой, которая должна была привлечь Анну Павловну къ движенію, поста-

вившему на первый планъ задачи духа, не для того, чтобы, углубившись въ нихъ, уйти отъ жизни, а для того, чтобы, прикоснувшись къ источнику вѣчной красоты, получить силу строить лучшую жизнь на землѣ съ новымъ вдохновеніемъ и новымъ пониманіемъ. Анна Павловна такъ сильно и беззавѣтно стремилась къ запросамъ духа, потому что всѣмъ существомъ своимъ она чувствовала, что *Духъ* есть *вѣчный строитель жизни*, ибо Духъ есть Любовь и Свобода.

А. Каменская.

Читая Божественное писаніе, старайся уразумѣть сокровенное въ немъ; ибо сказано: „елико бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася (Римл. 15, 4).

Милостивое сердце очевидно будетъ помиловано, немилостивому же соотвѣтственное будетъ и послѣдствіе.

Поношеніе человѣческое причиняетъ сердцу скорбь, но для терпящаго оно бываетъ причиною чистоты.

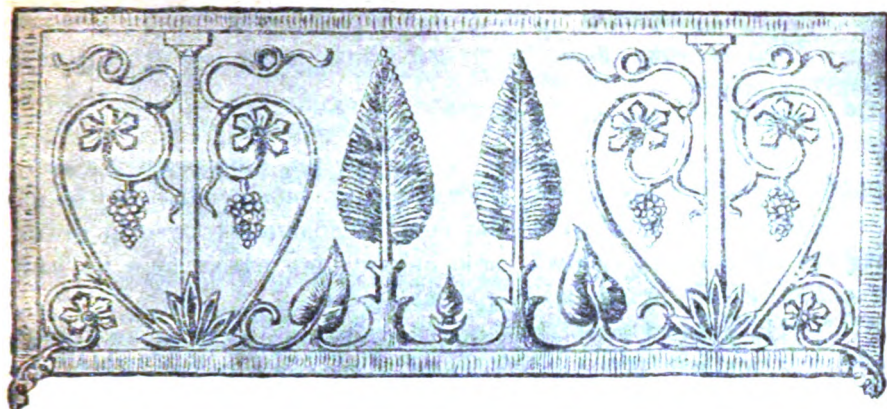
Невѣдѣніе заставляеть говорить вопреки полезному, и сдѣлавшись дерзновеннымъ, умножаетъ пороки.

Не имѣя ни въ чемъ недостатка, принимай посылаемая скорби, и какъ долженствующій дать отчетъ, отвергай излишества мысленно открывая себя Владыкѣ: «человѣкъ бо на лицо зрять, Богъ же на сердце» (1 Цар. 16. 7.).

Ничего не помышляй и ничего не дѣлай безъ намѣренія по Богу; ибо безразсудно путешествующій напрасно будетъ трудиться.

Пусть всякая невольная скорбь научаетъ Тебя помнить о Богѣ, и ты не будешь имѣть недостатка въ побужденіи къ покаянію.

(в. Францискъ де-Саль.

Воспоминанія.

Глава XXIV.

Осенній дождь, мелкій какъ туманъ, падаетъ съ утра изъ сплошныхъ тучъ, застилая сѣрой пеленой оголенный лѣсъ и дали красновской усадьбы; временами усиливаясь до ливня, гонимый вѣтромъ, дождь стучится въ окна и разливается по стекламъ потоками холодныхъ слезъ... Если близко, близко приложить лицо къ стеклу, кажется, что самъ плачешь горячими слезами, сожалься о лѣтѣ:

— Ахъ! Зачѣмъ, зачѣмъ наступила осень, лучше бы все время было лѣто, и мы все гостили бы въ Ивановскомъ у grand' tatan.

Думая о ней, вспоминаю, какъ однажды grand' tatan, любившая спать послѣ обѣда и полагавшая, что дѣтямъ тоже непремѣнно спать надо въ это время, рѣшила уложить меня съ собой и привела меня за ручку наверхъ въ свою спальню.

Тамъ были спущены коричневые занавѣси, и среди дня было такъ темно, что захотѣлось поскорѣе убѣжать отъ grand' tatan, но она заперла дверь, сняла чепецъ и платье, надѣла длинный бѣлый пеньюаръ и улеглась въ постель подъ одѣяло, а меня положила рядомъ съ собой сверхъ одѣяла.

— Ну, внучка моя, слушай, я тебѣ расскажу сказочку, — сказала она, и мнѣ понравилась ея ласковая русская рѣчь и слово „внучка“.

— Жила-была коза, и у нея былъ козленочекъ,—начала grand' maman.

Вотъ коза и говорить своему козленочку:

— Я пойду за молокомъ, а ты, смотри, никуда не уходи.

Вернулась коза домой, постучала въ окошечко и запѣла...

Медленно и монотонно звучалъ мелодичный голосъ grand' maman, желавшей усыпить свою внучку, но пѣсня еще не дѣйствовала, и она продолжала рассказывать:

— На другой день коза опять собралась идти за молокомъ и велѣла козленочку сидѣть дома, а онъ не послушался и пошелъ погулять.

Увидѣла его лиса-красна и подкараулила его, а когда козленочекъ вернулся домой, она подошла къ окошечку и запѣла:

Ди-итено-очекъ, ко-озлено-очекъ, отомкни-ися, ото-при-ися, твоя мать пришла, молока принесла.

Козленочекъ-то не разобралъ голоса лисы, отомкнулся а лиса, цапъ-парапъ, и унесла его къ себѣ въ лѣсъ.

Пришла домой коза и пропѣла свою пѣсенку — grand' maman цѣликомъ повторила ее еще протяжиѣ, но „внучка“ все не засыпала и во всѣ глаза глядѣла въ сторону запертой двери.

Вотъ видитъ коза, что никто не отмыкается и не отпирается, догадалась она, что козленочекъ пропалъ, и заплакала.

Пришли къ ней въ гости котъ и баранъ и спрашиваютъ: о чемъ ты, коза, плачешь?

— А она говоритъ: какъ же мнѣ не плакать? Лиса-красна утатила къ себѣ моего козленочка.

— Котъ, баранъ и говорятъ ей. не плачь, коза, мы пойдемъ его искать.

— А козленочекъ сидитъ у лисы и горько, горько плачетъ и поетъ:

А-ахъ, котъ-ба-аранъ, меня лиса-кра-асна къ себѣ унесла...

-- Да ты что же это не спишь, проказница?—потерявъ наконецъ терпѣніе, засмѣялась grand' maman.

— Пою, пою, а ты ни въ одномъ глазу, вотъ погоди, я тебя.

Она поджала два среднихъ пальца правой руки и, выставивъ рогами указательный и мизинецъ, направила ихъ въ мою сторону:

-- Идетъ коза рогатая, забодала, забодала, забодала... за-щекотала она меня.

Огласивъ темную комнату звонкимъ смѣхомъ, „внучка“ grand' maman соскочила съ постели и бѣгомъ подбѣжала къ двери.

— Пошла отъ меня прочь, безсонная,—притворно разсердилась grand' maman и, вставъ съ постели, отворила дверь.

— Ну, уходи, только, смотри, тихонько спускайся съ лѣстницы,—не падай и не шуми внизу, пока я буду спать.

— Grand' maman, я пойду къ бабушкѣ, она, вѣрно, плачетъ, что ты утащила меня къ себѣ—внезапно пришла мнѣ въ голову мысль утѣшить grand' maman, объяснивъ ей свою поспѣшность отъ нея уйти.

— Ахъ, ты, хитрая дѣвчоночка, значить, выходитъ, что бабушка у тебя коза, а я—лиса,—ну, смотри у меня,—разсмѣялась она добрымъ старушечьимъ смѣхомъ и погрозила пальцемъ...

Глава XXV.

Grand' maman была статная, красивая старая женщина съ жгучими черными глазами и она терпѣть не могла говорить по-французски. Черные волосы ея вились кольчиками и выбивались изъ-подъ бѣлаго накрахмаленнаго чепца, не какъ у бабушки, у которой былъ черный чепецъ, волосы немного свѣтлѣе и гладкіе, и голубые глаза.

До самой смерти (grand' maman дожила до семидесяти шести, а бабушка до восьмидесяти), онѣ не посѣдѣли и читали безъ очковъ, несмотря на то, что у нихъ было много горя въ жизни и много пролито слезъ.

Бабушка звала grand' maman Варенькой, а grand' maman бабушку—Сашенькой, онѣ были очень дружны и помогали другъ другу, когда обѣ овдовѣли.

Въ семьѣ grand' maman бабушка считалась ученой и передовой и воспитывала ея дѣтей, а grand' maman была хозяйственна и консервативна, но хозяйственность ея не выражалась однѣми хлопотами и заботами матеріальнаго свойства—у нея это былъ настоящій талантъ, художественное пониманіе выраженія лица земли и неба, тонкое искусство читать въ нотахъ музыки природы, умѣнье распознавать въ закатахъ и восходахъ солнца, въ теплыхъ и холодныхъ, сухихъ или росистыхъ зоряхъ, въ какія формы сложится на небѣ дыханіе земли, въ дождливыя ли тучи, или въ легкія облака.

Сообразуясь съ этимъ, она знала, какъ распоряжаться уборкой и посѣвомъ хлѣба, свѣряясь съ барометромъ въ домѣ лишь для проформы, какъ опытный музыкантъ, съ метрономомъ, увѣренный, что темпъ онъ чувствуетъ и безъ него.

Слилась ли grand' maman съ природой въ самой себѣ, научилась ли она въ ея знаменіяхъ угадывать не только погоду, но и грядущее, но она провидѣла и предсказала день и часъ своей кончины.

— Завтра соберитесь всѣ ко мнѣ наверхъ, — сказала она своимъ близкимъ, — въ три часа я умру.

Всѣ удивились, потому что grand' maman, хотя уже два года была въ параличѣ, но ничѣмъ въ это время не хворала.

— Уведите Боску и сидите тихо, — распорядилась она, когда всѣ, по ея приказанію, собрались на другой день послѣ обѣда возлѣ ея постели.

Собачку увели, и въ наступившей тишинѣ grand' maman тихо отошла въ иной міръ...

Когда grand' maman была еще здорова, она вставала рано, рано утромъ, часовъ въ пять и уходила пѣшкомъ въ поле; оттуда она возвращалась съ цвѣтами, травами, колосьями и сѣмянками; и сажала зерна въ ящики съ землей, чтобы видѣть, сколько каждое зернышко дастъ колосьевъ, а каждый колосъ — зернышекъ. и, читая въ маломъ, она учитывала урожай своей земли, не забывая принимать въ расчетъ и полевыхъ вредителей, и домашнихъ истребителей, во главѣ которыхъ былъ ея управляющій Яковъ Андреевичъ, le gros monsieur, какъ прозвала я его въ дѣтствѣ, отождествляя его, всегда надутаго и недовольнаго во время разговоровъ съ grand' maman, со своимъ „Капризомъ“, о которомъ бабушка говорила мнѣ, когда я упрямылась и не слушалась.

— Vite, vite chasse ton caprice à la rivière¹⁾, и я брала прутикъ, бѣжала къ рѣкѣ и прогоняла „le gros monsieur“²⁾.

У grand' maman было большое имѣніе и сложное хозяйство, но она никому не позволяла входить въ ея дѣла, и взрослые сыновья и дочери ея могли въ Ивановскомъ дѣлать, что хотѣли, но не вмѣшиваться въ ея распоряженія, и только одна старушка Татьяна Алексѣевна, бывшая няня дяди Саши, у которой хранились ключи отъ кладовыхъ, имѣла право иногда давать совѣты grand' maman, другая же старушечка, Татьяна Никитишна, прежняя няня дяди Мити, помогала ей своими молитвами.

¹⁾ Скорѣе, скорѣе прогони свой капризъ въ рѣку.

²⁾ „Толстаго господина“.

Никитишна, жившая наверху въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ, увѣщенныхъ образами и монастырскими картинками, въ Ивановскомъ была чѣмъ-то въ родѣ старца, и каждый могъ къ ней придти за совѣтомъ и за утѣшеніемъ, она знала, что кому сказать и что посовѣтовать, потому что всѣхъ любила и желала всѣмъ добра: человѣку, звѣрю, птичкѣ и даже печеному хлѣбу, который „не любить, чтобы его клали на столъ нижней коркой кверху“.

— А что, ежели тебя такъ-то положить, какъ жука на спинку, хорошо тебѣ будетъ?

— Нельзя, нельзя такъ хлѣбъ класть,—наставляла Никитишна того, кто этого не понималъ.

— Все надо дѣлать по закону, по-Божьему,—говорила она.—Оттого-то и людямъ бываетъ худо жить на свѣтѣ, что законъ не соблюдаютъ и Бога забываютъ, а Онъ-то, Милосердный Батюшка, все видитъ, и печалится—молиться Ему надобно почаще.

Увѣренная въ силѣ молитвы, Никитишна считала, что въ монастырѣ молиться можно лучше, чѣмъ въ міру и, если она сама, по грѣхамъ своимъ, не сподобилась туда попасть, то одобряла тѣхъ, кто собирался въ монастырь, и когда шестнадцатилѣтняя дочь grand' tatan, Машенька, вздумала постричься, Никитишна ее поддержала и, несмотря на уговоры, просьбы и слезы матери, Машенька ушла въ монастырь и стала „Магдалиной“.

Съ тѣхъ поръ она уже не говорила „merci“, а—„Спаси васъ Господи“ и вѣрила, что причиною всѣхъ бѣдъ на свѣтѣ—не только забвеніе Бога и нарушеніе Его Закона, но и—„le diable“ ¹⁾. (Слово это не такъ страшно было произносить по-французски, шопотомъ и перекрестивъ ротъ, чтобы „le diable“ не вошелъ въ уста).

Врагъ человѣческаго рода „le mauvais esprit“ ²⁾, какъ предпочитала называть его бабушка, по мнѣнію Магдалины, особенно любилъ смущать монаховъ и монашенокъ, и для нея онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ того, что для меня былъ „капризь“—„le gros monsieur“, но не я сама: а прогоняла она его не прутикомъ въ рѣку, а четками, постоянно перебирая ихъ съ молитвой, и также строгими постами.

¹⁾ „Діаволь“.

²⁾ Злой духъ.

Но grand' маман очень боялась, чтобы Магдалина въ монастырѣ не зачала безъ мяса и бульона и она приказывала повару побольше подливать его въ постный супъ, когда Магдалина гостила въ Ивановскомъ.

— Ну, ужъ грѣхъ беру на себя—успокаивала она повара, а онъ вопросительно и съ сожалѣніемъ нерѣшительно отвѣчалъ:

— Слушаюсь.

Старшая сестра Магдалины tante Sophie, не осуждая ухода Магдалины въ монастырь, сама рѣшила никогда не покидать своей матери и, отказавшись выйти замужъ за любимаго чело-вѣка—le comte Nicolas Tatistcheff,—она нѣжно ухаживала за grand' маман до конца ея жизни.

— Богу надобно служить и въ міру,—говорила она, —et si on veut prier Dieu, on peut le faire partout ¹⁾.

Были ли онѣ обѣ правы, но и Магдалина и tante Sophie такъ цѣльно отдались идеѣ служенія Богу, что лица ихъ стали свѣтлы, глаза ясны, а руки такъ нѣжны, что еще въ юности мнѣ пришла мысль о томъ, что „лицо, руки чело-вѣка“ отражаетъ выраженіе лица его души.

Изъ трехъ дочерей grand' маман вышла замужъ только моя мать, и вся жизнь ея была подвигомъ терпѣнія и служенія моему отцу и его дѣтямъ. Изъ четырехъ же сыновей grand' маман женились два старшіе—Юрій Петровичъ на своей кузинѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ, той самой Lolo, которую мать въ сороко-выхъ годахъ на лошадахъ возила изъ Кіева въ Дрезденъ, а позднѣе—Николай Петровичъ на красавицѣ Ниночкѣ, сестрѣ Федора Александровича Свѣчина, и когда умерла grand' маман, она стала хозяйкой Ивановскаго.

При ней съ террасы были сняты колонны и фронтонъ, чтобы въ комнаты проникало больше свѣта, а терраса была расширена для того, чтобы можно было чай пить и обѣдать на воздухѣ, въ домѣ же вездѣ были сдѣланы паркетные полы, и убранъ плющъ съ хоръ и изъ угловой, потому что онъ очень пылился, но при grand' маман все оставалось по-старинному, и ей никто ни въ чемъ не прекословилъ, и оттого подъ старость въ ней развилась нѣкоторая властность.

Не женились ея два младшіе сына—дядя Саша, потому что беззавѣтно любилъ свою кузину, сестру жены своего брата Юрія и, связанный съ ней двойнымъ родствомъ и свойствомъ,

¹⁾ И если хочешь молиться Богу, это можно дѣлать вездѣ.

вѣнчаться съ ней не могъ; а дядя Митя, подъ вліяніемъ ли Никитишны, или по другой причинѣ, внезапно покинулъ Ивановское и ушелъ жить въ лѣсъ.

Тамъ онъ себѣ построилъ домикъ, завелъ пчелъ и, питаясь медомъ и грибами, слушалъ таинственный шумъ лѣса и игралъ на скрипкѣ, скрываясь въ чащу, когда знакомые пріѣзжали навѣщать его въ „Темный“; видѣлся онъ тамъ только изрѣдка со своими родными и съ матерью, привозившей ему провизію, изъ страха, чтобы онъ не умеръ съ голоду въ лѣсу.

Отъ дяди Мити, когда онъ еще жилъ въ Ивановскомъ, посчастливилось мнѣ, впервые въ этой жизни, услышать голосъ скрипки и увидѣть, какъ на ней играютъ.

Глава XXVI.

Это было лѣтомъ въ 1866-мъ году.

Мы только-что съ бабушкой изъ Краснаго пріѣхали въ Ивановское, былъ жаркій день, и grand' maman спала послѣ обѣда.

Въ эти часы, между тремя и четырьмя, никто не смѣлъ шумѣть ни въ домѣ, ни въ саду, и люди или тоже спали, или куда-нибудь подальше уходили, и даже мухи сидѣли смирно.

Тихонечко, тихонечко, на ципочкахъ хожу по пустыннымъ комнатамъ и осматриваю давно, давно знакомые и милые мнѣ предметы.

Молча и горячо льются лучи солнца изъ верхнихъ и нижнихъ оконъ залы, лаская цвѣты и запылившіяся плющъ, обвивающій перила коръ.

Въ гостиной солнце, проникая сквозь цвѣтныя стекла балконной двери, играетъ цвѣтными пятнами на полу, на стѣнѣ и на лицѣ портрета дѣдушки Петра Александровича Арсеньева, украшая ему носъ, лобъ и волосы зеленымъ, розовымъ и голубымъ, и, довольный, онъ улыбается, храня молчаніе.

На столахъ, въ старинныхъ вазахъ въ водѣ стоятъ букеты розъ, и розы молча пьютъ воду, съ нѣжностью благоухая и улыбаясь солнцу.

Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, на диванахъ, на подушкахъ тоже розы, но вышитыя шерстяными и шелками, руками tante Sophie, а въ углу, возлѣ окна стоятъ ея пальцы, на нихъ натянутъ коврикъ, но розы на немъ еще не готовы и прикрыты душистой, тоненькой, батистовой простышкой.

Дальше еще комната „угловая“ съ площадкой и бесѣдкой изъ плюща,—тамъ вечеромъ надъ столикомъ, передъ диваномъ, горитъ цвѣтной фонарь, а теперь кто-то возится и храпитъ.

— Кто это?..

— Ахъ! Это ты, Мосенька,—тише, тише, не храпи, разбудишь grand' maman. Ты какъ сюда попала Мося, что ты тутъ дѣлаешь?

— Скучаю, —отвѣчаютъ Мосенькины огромные, выразительные глаза, увлажняясь слезами и, довольная увидѣть живого человѣка, она помахиваетъ хвостикомъ, храпитъ и улыбается своей симпатичной черной бархатной мордочкой съ сморщеннымъ курносимъ носикомъ.

Да тише же, Мосенька, кушь тутъ и не ходи за мной, а то будешь стучать ногтями по полу и непременно разбудишь grand' maman.

Оглядываясь на Мосеньку и грозя ей пальцемъ, чтобы она слушалась, выхожу изъ „угловой“ въ диванную и тамъ вылѣзаю въ открытое окно на балконъ, чтобы не стукнуть дверью—здѣсь самое опасное мѣсто—какъ-разъ надъ балкономъ спальня grand' maman.

Жарко, жарко свѣтитъ солнце въ саду и тянетъ къ себѣ травы и цвѣты, и, расцвѣтая на клумбахъ, онѣ тихо дышатъ и, глядя на солнце, растутъ.

Солнце тянетъ и меня къ себѣ—простираю къ нему руки крыльями и, поднявшись на ципочкахъ, легко, легко, точно во снѣ летаю по дорожкамъ сада, то внизъ къ рѣкѣ, то опять къ дому, туда, гдѣ противъ кабинета подъ солнцемъ мѣлѣютъ капельки смолы на елкахъ въ роицѣ.

Оттуда къ grand' maman навѣрхъ не слышно ничего, но и тамъ тихо и безлюдно; и въ безмолвіи вдругъ пробуждается и таинственно звучитъ какой то чудный голосъ.

Нѣжный, мягкій, еще неслыханный, но будто бы уже знакомый, онъ поетъ безъ словъ, пронзая мое сердце, и замираетъ...

— Ты что, милая дѣвочка моя?—ласково спрашиваетъ изъ окна кабинета дядя Митя.

— Иди сюда.

Онъ нагибается въ окно, поднимаетъ меня, всю ослабѣвшую отъ звуковъ, переноситъ въ комнату, беретъ со стола скрипку и смычекъ и опять играетъ...

Стою передъ нимъ такая маленькая, удивленная и, слушаю

звуки скрипки, благоговѣю, безсознательно преклоняясь передъ тѣмъ, кто уже давно, давно, въ прошломъ существованіи, навѣки покоришь мое сердце Божественнымъ Глаголомъ въ звукахъ музыки...

Глава XXVII.

Grand' maman проснулась, домъ и мухи ожили.

Въ буфетной звенять ложки и чайная посуда, въ залѣ накрываютъ длинный столъ, ставятъ на него молоко и масло, варенье, печенье и лепешки, потомъ несутъ большой кипящій самоваръ, а на маленькомъ столѣ возлѣ стѣны подаютъ арбузы и дыню, ягоды и фрукты.

Чай разливаетъ сама grand' maman; но не просто, а по чинамъ, кто позначительнѣе и полезнѣе въ домѣ—тому покрѣпче.

Самый слабый чай получаютъ дѣти и Иванъ Акимовичъ, немного крѣпче—пивоваръ Оскаръ Ѳедоровичъ, еще покрѣпче—музыкантъ Василій Гавриловичъ и такъ далѣе—все выше и выше, такъ что бабушка говоритъ grand' maman:

-- Помилуй, Варенька, ты мнѣ налила не чай, а пиво, пожалуйста разбавь его кипяткомъ.

Дѣти съ благодарностью принимаютъ отъ grand' maman сладкую водичку, (сахару она не жалѣетъ) и подливаютъ въ нее молока, или кладутъ варенье, а иногда и то и другое вмѣстѣ, отчего молоко преинтересно свертывается и плаваетъ тряпками въ мутной жижѣ, тогда въ нее надо накрошить побольше булки, она разбухнетъ, и получится превкусный пудингъ, только grand' maman этого не любитъ и строго смотритъ изъ-за самовара, когда вываливаешь пудингъ изъ чашки въ блюдо и украшаешь его сверху вареньемъ.

За слабый чай ужасно обижается Иванъ Акимовичъ.

Гордый и дерзкій старикъ, онъ почти выдергиваетъ изъ рукъ grand' maman стаканъ съ желтенькой влагой и фиксируетъ ее злыми глазами, когда она наливаетъ ему такого же чая во второй и въ третій разъ, не жалѣя кипятка, а она на него только грозно сверкаетъ черными глазами, но ничего не говорить, и молчитъ grand' maman не потому, чтобы боялась Ивана Акимовича, но потому что—последній въ домѣ—онъ первый человѣкъ на счетъ грибовъ въ лѣсу, а у grand' maman страсть къ грибамъ.

Она за ними часто ѣздитъ рано утромъ въ четырехмѣстной каретѣ на четвернѣ сѣрыхъ съ старымъ Сергѣемъ (въ отличіе отъ молодого кучера Сергѣя) и беретъ съ собой въ карету горничную Надю, ключницу Марѳу и Ивана Акимовича, сзади же за ними слѣдуетъ линейка тройкой, наполненная корзинками и любителями грибной охоты, среди которыхъ Иванъ Акимовичъ въ лѣсу король—никто, какъ онъ, такъ не умѣетъ искать и находить грибы.

Оскаръ Ѳедоровичъ не замѣчаетъ своего слабаго чая, онъ слишкомъ занятъ бутылкой только-что свареннаго имъ пива, принесенной имъ для пробы, а также мыслями о своей бѣлой лошади, на которой онъ каждый день катается верхомъ, падаетъ, или кого-нибудь сбиваетъ съ ногъ и давить.

— Оскаръ Ѳедоровичъ! ну, какъ вы вчера катались верхомъ? — спрашиваетъ его кто-нибудь изъ присутствующихъ, предвкушая забавный разговоръ на ломанномъ русскомъ языкѣ.

— Какъ я катался?—А-отлично.

— И часто падали?

— Ннѣ-ѣтъ, только два разъ—одинъ разъ черезъ голову лошадь, другой разъ черезъ хвостъ.

— Ну, ужъ навѣрное не два раза падали, а разъ двадцать,—подзадариваетъ Оскара Ѳедоровича кто-нибудь изъ моихъ дядюшекъ.

— Нну-у, зачѣмъ двадцать—только три раза,—поправляется Оскаръ Ѳедоровичъ,—я вамъ все расскажу, только позвольте мнѣ сначала отпереть бутылка пивъ?

— Отпирайте, отпирайте бутылку,—смѣются дядюшки.

Ну, вотъ, поѣхалъ я вчера на мой лошадь прямо по дорога,—ѣду, ѣду, ничего, лошадь не брикается, вдругъ вижу вода, а черезъ вода горбатый мостъ. ѣду прямо на мостъ, а съ другой сторона идетъ стадо баранъ и тоже прямо на мостъ...

— Ну, и что же?—любопытствуютъ слушатели.

— Что?—Баранъ на моста, и я на лошадь на моста посередка баранъ, и вдругъ лошадь мой начинаетъ брикать... Лошадь брикаетъ, а я смотрю—направо смерть въ вода, и налѣво смерть въ вода, тогда я рѣшался вискочить на дорога и ударялъ лошадь—онъ прыгнулъ прямо на дорога, а я падалъ, счастье не въ вода, а прямо по середка стада баранъ...

Всѣ въ восторгъ хохочутъ, добродушно смѣется надъ собой и долговязый, недурной собою молодой пивоваръ.

Не смѣялась только Александра Ивановна, молоденькая

дѣвушка, бывшая гувернантка наша, гостившая въ Ивановскомъ; она жалѣла Оскара Ѳедоровича и каждый день стала ходить въ бесѣдку, гдѣ изъ сада было видно, какъ на выгонѣ гарцуетъ Оскаръ Ѳедоровичъ на своемъ бѣломъ конѣ, которому, очевидно, нравилось нарочно спотыкаться и „задавать козла“, чтобы сбрасывать своего всадника то черезъ голову, то черезъ хвостъ.

А Александра Ивановна ужасалась и ахала, не ушибся ли Оскаръ, Ѳедоровичъ и онъ подѣзжалъ верхомъ къ бесѣдкѣ, увѣрялъ, что не ушибся и успокаивалъ Александру Ивановну.

И онъ полюбилъ ее.

Въ большомъ волненіи пришелъ онъ къ tante Sophie съ просьбой помочь ему признаться въ этомъ Александрѣ Ивановнѣ и просить ея руки, и tante Sophie, растроганная и, можетъ быть, вспоминая своего жениха Nicolas Tatistcheff, согласилась.

Она все сказала Александрѣ Ивановнѣ и привела ее въ залу, гдѣ ждалъ Оскаръ Ѳедоровичъ, а сама, чтобы изъ приличія не оставлять ихъ однихъ, сѣла за рояль и, низко наклонивъ голову надъ нотами, будто очень близорука, стала громко играть какую-то пьесу съ безконечными повтореніями, а Оскаръ Ѳедоровичъ съ Александрой Ивановной объяснялись въ уголочкѣ за столомъ, и лица ихъ сіяли.

— Ne les regarde pas et n'écoute pas ce qu'on parle, c'est indiscret — сказала мнѣ tante Sophie, еще ниже наклоняясь надъ нотами — plutôt vas te promener au jardin ¹⁾.

Гуляю по саду и думаю:

Оскаръ Ѳедоровичъ любитъ Александру Ивановну и просить ея руки, и Александра Ивановна его любить—а я, а я?..

А я люблю скрипку дяди Мити и сейчасъ побѣгу къ бабушкѣ просить позволенія на ней учиться..

— Quelle bêtise ²⁾, сначала отвѣчаетъ бабушка, а потомъ задумывается и призываетъ дядю Митю. Они совѣтуются и посылаютъ за Василюмъ Гавриловичемъ.

— Попробуемъ,—говоритъ онъ,—только боюсь, не велика ли ей будетъ скрипка Дмитрія Петровича.

Приносятъ скрипку, вынимаютъ ее изъ футляра, и Василий Гавриловичъ настраиваетъ ее и играетъ какіе-то пассажи.

— Какой хорошій старикъ, а какъ фальшивить и плохо

¹⁾ Не смотри на нихъ и не слушай, что говорятъ, это нескромно,—лучше яди гулять въ садъ.

²⁾ Какія глупости.

играетъ,—думается мнѣ, точно уже знаю, *какъ* надобно играть на скрипкѣ; Василій Гавриловичъ даетъ мнѣ скрипку въ руки и показываетъ, какъ надобно держать смычекъ, потомъ онъ ставитъ мнѣ пальцы на струны и самъ перебираетъ ими, а дядя Митя водить мою руку со смычкомъ; выходитъ:

— „Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ“...

-- Пустите, я сама.

Сразу соображаю, какъ надобно играть „чижика“, и Василій Гавриловичъ, въ восторгѣ, всѣхъ зоветъ.

Меня ставятъ на столъ и окружаютъ.

Едва доставая струны, опять играю „Чижика“ и еще что-то свое.

-- Каково, каково, сразу сама играетъ,—восхищается Василій Гавриловичъ, и всѣ въ изумленіи смотрятъ.

Стою со скрипкой и смычкомъ въ рукахъ, не менѣе счастливая, чѣмъ Оскаръ Ѳедоровичъ и Александра Ивановна, а дядя Митя улыбается и говорить.

— Со временемъ ты будешь отлично играть.

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какое помнишь добро—дѣлай, тогда и то, котораго не помнишь, откроется Тебѣ, и не предавай мысль безразсудному забвенію.

Старайся дознать свои худыя дѣла, а не ближняго, и хранилище ума Твоего не будетъ окрадена.

Не полагай пріобрѣсти добродѣтель безъ скорби, ибо находящійся въ покоѣ неопытенъ.

Разсуждай о концѣ всякой невольной скорби, и найдешь въ ней истребленіе грѣха.

Ища врачеванія заботиться о совѣсти, и что она Тебя говоритъ, дѣлай и получишь пользу.

Св. Францискъ де-Саль.

Нѣсколько словъ о «Дружинѣ Милосердія».

Когда я была учительницей сельской школы, меня чрезвычайно огорчала та наивная и безсознательная жестокость, которую я видѣла въ обращеніи моихъ воспитанниковъ съ животными. Бросать камни и палки въ каждую пробѣгающую собаку, въ каждую летящую птицу считалось у нихъ чѣмъ-то совершенно необходимымъ, убить птичку—доблестью. Мальчики гордились и хвастались тѣмъ, что „не боятся“ смотрѣть, какъ рѣжутъ свинью, дѣвочки, хотя содрогались и морщились при мысли о крови и крикахъ свиньи, но изъ любопытства тоже не отказывались отъ этого зрѣлища. А мучить и калѣчить беззащитныхъ звѣрьковъ было общей любимой забавой.

Такое отношеніе къ животнымъ огорчало меня до глубины души, и я рѣшила всѣми силами бороться противъ него.

Но тутъ, на первыхъ же порахъ, я натолкнулась на неожиданное препятствіе: я тогда не была еще вегетаріанкой, и меня поразило противорѣчіе между собственными моими словами и поступками. Я почувствовала, что не вправѣ говорить ребятамъ о жалости, не проводя свою собственную жалость до конца, т. е., жалѣя, напримѣръ, затравленнаго зайца, нѣсколько часовъ спустя преспокойно жевать его разрубленное тѣльце, жалѣя свинью, продолжать ѣсть ветчину и колбасу и т. д.

Это противорѣчіе встало передо мной съ такой неумолимой яркостью, что я вскорѣ бросила употребленіе въ пищу мяса и только тогда уже смѣло и энергично стала бороться съ тѣмъ, что огорчало меня въ моихъ ученикахъ.

Я рассказала дѣтямъ о Майскихъ Союзахъ, существующихъ у насъ и за границей, и предложила имъ и у себя въ школѣ устроить нѣчто въ этомъ родѣ. Нѣсколько измѣнивъ уставъ Майскихъ Союзовъ, мы записали 6 правилъ, которыя каждый

вступающей въ Общество долженъ былъ стараться выполнять. §§ 1, 2 и 4 считались обязательными для всѣхъ, на остальные же, какъ болѣе трудныя, можно было записываться или нѣтъ по желанію.

Вотъ эти правила:

1) Обѣщаемся никогда не мучить, не пугать и не убивать ради потѣхи беззащитныхъ и безвредныхъ звѣрей, птицъ и насекомыхъ.

2) Обѣщаемся не разорять гнѣздъ, не трогать яицъ и птенчиковъ.

3) Обѣщаемся никого не обижать.

4) Не брать чужого и говорить правду.

5) Обѣщаемся защищать всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ.

6) Обѣщаемся помогать другъ другу во всякомъ добромъ дѣлѣ.

Написанныя крупными буквами, эти правила мы повѣсили на видномъ мѣстѣ въ школѣ. А рядомъ, написанныя тоже крупными раскрашенными буквами, помѣстили слова старца Зосимы изъ „Братьевъ Карамзевыхъ“ Достоевскаго: „Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Животныхъ любите, они безгрѣшны, имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ея, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости“.

Такъ какъ старшее отдѣленіе въ то время очень увлекалось боевыми подвигами древней Руси, то мы назвали свой кружокъ „Дружиной“, но прибавивъ къ этому слово „Милосердія“ — „Дружина Милосердія“, для того, чтобы участвующіе помнили, что храбрость свою они должны упражнять не въ издѣвательствахъ надъ окружающими ихъ живыми тварями, а, наоборотъ, на подвигахъ въ защиту ихъ. Каждый „дружинникъ“ имѣлъ право носить значекъ: двѣ буквы Д и М, переплетенныя между собой и нашитыя на бантъ (букву М ребята сами вырѣзали себѣ изъ жести, а надъ буквой Д пришлось подумать. Вырѣзать ее оказалось трудно, да и некрасиво выходило бѣлое на бѣломъ. Одна дѣвочка посоветовала купить такихъ буквъ Д, какъ вкладываютъ въ калоши: онѣ недороги, и ихъ золотой цвѣтъ хорошо будетъ выдѣляться на бѣломъ М. Мы такъ и сдѣлали).

Ребята настолько серьезно отнеслись къ принятымъ на себя обязательствамъ, что это чуть-чуть не разстроило все дѣло. Сна-

чала записались въ Кружокъ почти всѣ дѣти старшаго и средняго отдѣленій, но на другой день многіе пришли объявить, что отказываются, и на мой вопросъ о причинѣ такого отказа объяснили, что „слишкомъ много грѣховъ въ день надѣлаешь“. Я не сразу поняла, въ чемъ дѣло. Наконецъ выяснилось, что, по ихъ мнѣнію, убить птицу или искалѣчить собаку, не записавшись въ „Дружину“ — не грѣхъ, а коли запишешься — то уже грѣхъ. Я успокоила ихъ, какъ могла. „Никто не можетъ требовать, — сказала я, — чтобы мы всѣ сразу стали добрыми и милосердными, но если изъ 10-ти случаевъ мы хотя 2 или 3 раза вспомнимъ, что мы „дружинники“, и это удержитъ насъ отъ жестокаго поступка, то на первое время и этого будетъ достаточно“.

На такое условіе всѣ согласились и, вскорѣ всѣ, даже младшее отдѣленіе, записались въ Кружокъ.

Разъ въ недѣлю мы устраивали получасовое „Собраніе“. Желаящіе сообщали тѣ происшествія за недѣлю, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ идеѣ нашего Кружка; потомъ я читала дѣтямъ подходящий рассказъ, способный вызвать въ нихъ чувство состраданія къ людямъ или къ животнымъ. Подъ конецъ каждому (кромѣ маленькихъ, которые на собраніяхъ не присутствовали) раздавался листокъ съ вопросомъ, надъ которымъ онъ долженъ былъ подумать въ теченіе недѣли и отвѣтить къ слѣдующему собранію. Эти вопросы въ большинствѣ случаевъ вытекали изъ общаго смысла прочитаннаго рассказа.

Въ первое время у ребятъ была очень понятная тенденція рассказывать не о себѣ каждый, а о сосѣдяхъ, и не тѣ случаи, когда сосѣдъ удержался отъ дурнаго поступка, а какъ разъ тѣ, когда онъ „согрѣшилъ“. Но мало-по-малу мнѣ удалось направить моихъ маленькихъ дружинниковъ въ другое русло и въ концѣ года я не разъ имѣла радость слышать очень утѣшительныя признанія.

Для того, чтобы разбудить въ дѣтяхъ болѣе справедливое отношеніе къ животнымъ, я предложила имъ внимательно приглядываться къ окружающимъ ихъ безсловеснымъ существамъ и потомъ записывать тѣ случаи, когда, по ихъ мнѣнію, то или другое животное выказало умъ, смѣтливость или какое-либо особенно ярко выраженное чувство. Мнѣ казалось, что если ребята начнутъ наблюдать за тѣми живыми тварями, съ которыми они находятся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи, будутъ стараться вникнуть въ ихъ настроенія, въ ихъ жизнь и характеры, то все ихъ отношеніе къ нимъ должно само собою измѣниться.

Дѣйствительно, результаты получились самые интересные. Самые заглавія нѣкоторыхъ разсказовъ, принесенныхъ дѣтьми, указываютъ на то, что существованіе нашей „Дружины“ не прошло для дѣтей безслѣдно. Такъ, напримѣръ, разсказъ, написанный однимъ изъ мальчиковъ до вступленія его въ Кружокъ, носитъ слѣдующее печальное названіе: „Какъ я замучилъ ласточку и мышонка“. Этотъ же мальчикъ черезъ годъ принесъ разсказъ подъ заглавіемъ: „Какъ я воспиталъ голубку“. Были разсказы объ умѣ и находчивости кошки, собаки и лошади, о догадливости синичекъ и воронъ, о тоскѣ овцы, у которой свинья заѣла ягненка, о предсмертной тоскѣ одной заболѣвшей свиньи... Всѣ эти краткія, но краснорѣчивыя повѣсти мы записывали въ одну общую тетрадь, озаглавленную: „Умъ и чувства животныхъ“.

Я не могу сказать, чтобы дѣти вполне исцѣпились отъ жестокости. О, нѣтъ! Дурныя привычки и заразительный примѣръ старшихъ членовъ семьи тоже дѣлали свое дѣло, но у нихъ произошло сознаніе того, что и животныя многое понимаютъ и ощущаютъ, что и у нихъ есть свои желанія, свои радости и огорченія.

Отъ животныхъ мы незамѣтно перешли къ людямъ, и тутъ хорошія книжки и добрыя бесѣды на собраніяхъ сослужили намъ великую службу. Тѣми вопросами, надъ которыми я предлагала ребятамъ подумать въ теченіе недѣли, мнѣ хотѣлось вызвать въ нихъ болѣе сознательное отношеніе къ личнымъ ихъ переживаніямъ и такимъ путемъ сдѣлать для нихъ понятнѣе переживанія другихъ.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и отвѣты на нихъ:

В. Въ какія минуты жизни ты испытывалъ въ своемъ сердцѣ радость?

О. Мнѣ радостно бываетъ, когда лѣтомъ звонятъ колокола, когда сдѣлаешь доброе дѣло, когда поймаешь бабочку и выпустишь ее, когда въ лѣсу поютъ птички, когда въ семьѣ нѣтъ ссоры, когда наступаетъ лѣто, когда причащаюсь.

В. Какого человѣка, по-твоему, можно назвать счастливымъ?

О. Я считаю счастливымъ того, кто здоровъ, кто не пьетъ вина, кто мало грѣшилъ на свѣтѣ, кто удостоился Божьей милости, кто богатъ (въ одной только запискѣ), кто уменъ и здоровъ.

В. Что такое совѣсть?

О. Голосъ, который говоритъ хорошее; работа мыслей; мучительное чувство.

вѣнчаться съ ней не могъ; а дядя Митя, подѣ влияніемъ ли Никитишны, или по другой причинѣ, внезапно покинулъ Ивановское и ушелъ жить въ лѣсъ.

Тамъ онъ себѣ построилъ домикъ, завелъ пчелъ и, питаясь медомъ и грибами, слушалъ таинственный шумъ лѣса и игралъ на скрипкѣ, скрываясь въ чащу, когда знакомые пріѣзжали навѣщать его въ „Темный“; видѣлся онъ тамъ только изрѣдка со своими родными и съ матерью, привозившей ему провизіи, изъ страха, чтобы онъ не умеръ съ голоду въ лѣсу.

Отъ дяди Мити, когда онъ еще жилъ въ Ивановскомъ, посчастливилось мнѣ, впервые въ этой жизни, услышать голосъ скрипки и увидѣть, какъ на ней играютъ.

Глава XXVI.

Это было лѣтомъ въ 1866-мъ году.

Мы только-что съ бабушкой изъ Краснаго пріѣхали въ Ивановское, былъ жаркій день, и grand' maman спала послѣ обѣда.

Въ эти часы, между тремя и четырьмя, никто не смѣлъ шумѣть ни въ домѣ, ни въ саду, и люди или тоже спали, или куда-нибудь подальше уходили, и даже мухи сидѣли смирно.

Тихонечко, тихонечко, на ципочкахъ хожу по пустыннымъ комнатамъ и осматриваю давно, давно знакомые и милые мнѣ предметы.

Молча и горячо лютуютъ лучи солнца изъ верхнихъ и нижнихъ оконъ залы, лаская цвѣты и запыхавшіяся плющи, обвиняющій перила хоръ.

Въ гостиной солнцемъ, проникая сквозь цвѣтныя стекла балконной двери, играетъ цвѣтными пятнами на полу, на стѣнѣ и на лицѣ портрета дѣдушки Петра Александровича Арсеньева, украшая ему носъ, лобъ и волосы зеленымъ, розовымъ и голубымъ, и, довольный, онъ улыбается, храня молчаніе.

На столахъ, въ старинныхъ вазахъ въ водѣ стоятъ букеты розъ, и розы молча пьютъ воду, съ нѣжностью благоухая и улыбаясь солнцу.

Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, на диванахъ, на подушкахъ тоже розы, но вышитыя шерстями и шелками, руками tante Sophie, а въ углу, возлѣ окна стоятъ ея пяльцы, на нихъ натянуть коврикъ, но розы на немъ еще не готовы и прикрыты душистой, тоненькой, батистовой простышкой.

Орфическіе гимны.

LXI. Немезидѣ.

О Немезида ¹⁾, богиня, царица великая, слушай,
Видишь ты все, наблюдаешь жизнь смертныхъ ты многоплеменныхъ,
Многосвященная, ты къ справедливымъ одна благосклонна,
Ты многопестрое слово мѣняешь, измѣнчива вѣчно;
Всѣ тебя люди боятся, несущіе иго на шеѣ;
Распознаваніе всѣмъ даешь вѣчно, ничто не сокроютъ
Души надменные изъ своихъ словъ въ неразумномъ порывѣ.
Все наблюдаешь, всему ты внимаешь, за все присуждаешь,
Ибо въ тебѣ—правосудіе смертнымъ, всевышній ты демонъ.
Шествуй, благая, святая, ты мистамъ всегда покровитель,
Добрый намъ разумъ подай, прекрати ненавистныя мысли
Ты всѣ нечистыя, непостоянныя и всенадменные наши.

LXII. Дикэ (возжиганія ладана)

(Правосудію).

Очи всевидящей Дикэ пою я, сіяющеформной,
Той, что съ властителемъ Зевсомъ на тронѣ святомъ возсѣдаетъ,
Той, что съ небесъ озираетъ жизнь смертныхъ многоплеменныхъ;
Несправедливыхъ, судья справедливый, обременяетъ,
Истинно, *равенства ради* проводитъ она различеніе.
Все ибо, что ни содержитсяъ въ злыхъ помышленіяхъ смертныхъ
Скрытаго, преобладаетъ средь мысли—мысль несправедливыхъ.
Лишь правосудье одно противъ несправедливыхъ дѣяній,
Несправедливости врагъ, къ справедливымъ оно благосклонно.
Но—справедливая наша богиня, сойди къ честнымъ мыслямъ
Какъ нисходила бы вѣчно ты въ *день роковой* ²⁾ нашей жизни.

¹⁾ Немезида—Карма.

²⁾ Роковой день—день смерти.

LXIII. **Дикайозинѣ** (возжиганія ладана).

(Справедливости).

О справедливѣйшая для всѣхъ смертныхъ, владычица въ счастіи
 многомъ,
Равенства ради, ты благожелательна къ смертнымъ, всегда, спра-
 ведливымъ.
 Великогордая Дикайозина, всеславная, въ рокѣ счастливомъ,
 Ты, что всегда *по мыслѣньямъ очищеннымъ* должное все присуждаешь,
 Цѣльную совѣсть: вѣдь непостоянныхъ ты всѣхъ и всегда раз-
 биваешь,
 Тѣхъ, что подъ иго твое не подходятъ. Могущественными бичами
 Ты ненасытно ихъ уничтожаешь; другъ всѣмъ, вѣчно невозмутима,
 Праздники любишь, желанная, миръ, къ обезпеченной жизни
 стремишься,
 Преобладаніе ты ненавидишь, но къ равенству ты благосклонна
 Ибо *софія* почіеть въ тебѣ, завершеніе доблести честной.
 Слушай, богиня, пороки людей разбивающая справедливо,
Уравновѣшенныхъ смертныхъ людей благородную жизнь напра-
 вляешь,
 Тѣхъ, что плодами питаются пашни, и каждую жизнь направляешь,
 Каждого, кто только матери лономъ, богини земли будетъ
 вскормленъ,
 Каждого, кто лономъ вскормленъ властителя моря, понтійскаго
 Зевса.

LXIV. **Закону.**

Я призываю владыку святого безсмертныхъ и смертныхъ,
 Звѣздъ устроитель, *небесный Законъ*, міра знакъ справедливый
 Моря соленого, также земли, нерушимой природы,
 Вѣчно прямой ты и невозмутимый блюститель законовъ,
 Сверху несущій ихъ, небомъ великимъ ты самъ управляешь,
 Несправедливый ты свиста завистливый путь направляешь,
 Что въ жизни смертныхъ людей благородную цѣль воскрешаетъ.
 Ибо ты самъ лишь единственный каждую жизнь укрѣпляешь,
 Въ правильныхъ мнѣніяхъ ты пребываешь, всегда неуклонный,
 Ты *многоопытный, древній*, безвредный всѣмъ строгозаконнымъ
 Жителямъ,—но беззаконнымъ несущій тяжелыя бѣды.
 Но, о блаженный, всеславный, владыка, несущій всѣмъ счастье,
 Память пошли о себѣ, благосклоненъ будь сердцемъ, славнѣйшій.

Пер. съ греч. Н. Парлиновой.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ. рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

В. Маршамъ Адамсъ.

Глава II.

Религія Свѣта.

Къ какой бы странѣ земного шара мы ни обратились при нашихъ изслѣдованіяхъ древнѣйшихъ лѣтописей его обитателей, мы не найдемъ ни одного народа „отъ Китая до Перу“, по выраженію сэра Мэна, на обычаи и общій складъ котораго религія не имѣла бы могучаго и неослабнаго вліянія. Но Египетъ является, несомнѣнно, страной, гдѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, этотъ принципъ проявился во всей полнотѣ своей творческой силы.

Укладъ египетской общественной жизни, чрезвычайно сложный по своей структурѣ и обусловленный во всѣхъ подробностяхъ строгимъ соблюденіемъ обычаевъ, представляетъ тѣмъ не менѣе очень отчетливое цѣлое, если разсматривать египетскій народъ какъ патріархальную семью, основанную на іерархическихъ устояхъ и органически покоящуюся во всей странѣ на системѣ, установленной религіей. Вся страна раздѣлена была на столько провинцій (или *номовъ*, какъ ихъ иногда жеманно называли, слѣдуя греческой модѣ), сколько было божественныхъ духовъ, составляющихъ, согласно египетской религіи, судилище, передъ которымъ представали усопшіе. Главный городъ каждой провинціи считался священнымъ, примыкая къ территории мѣстнаго большого храма, который въ свою очередь являлся оградой вокругъ алтаря Божества. Къ каждому храму была приписана отдѣльная группа жрецовъ, члены ко-

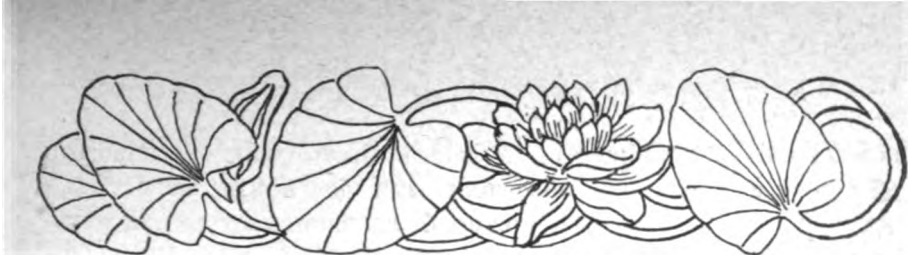
торой не могли входить въ жреческую группу другой провинціи; тогда какъ монархъ, въ дѣйствительности всходившій на престолъ по наследственному праву, повидимому, подвергался еще какой-то процедурѣ избранія и посвящался въ свое званіе первосвященникомъ главной провинціи. Однако, не одни только храмы посвящены были идеямъ культа; зданія, служившія для обыденной жизни, имѣли также свое священное значеніе. Въ каждой отдѣльной провинціи, говоритъ Де Руже, дворецъ и каналъ, наравнѣ съ храмомъ и округомъ, носили названіе какой-нибудь мистеріи и являлись отголоскомъ страны святыхъ усопшихъ.

Наиболѣе характернымъ было всемогущее и всепроникающее сознаніе отцовства Бога, обуславливавшее интимный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже радостный характеръ, придававшійся египтянами идеѣ смерти; они неизмѣнно разсматривали наше настоящее существованіе лишь какъ преддверіе дальнѣйшаго бытія, и наши занятія въ нынѣшней жизни—какъ предвкушеніе и сколокъ жизни загробной. Отсюда теоретически вытекало, какъ указываетъ М. Масперо, что каждый египтянинъ имѣлъ право на вѣчную обитель. И христіанскій апостоль, утверждая, что мы имѣемъ нерукотворную вѣчную обитель на небесахъ, лишь выражалъ ту же идею, что и египетскіе жрецы, когда они говорили о вѣчной обители, сооруженной божественнымъ Горусомъ для своего отца, Озириса. По той же причинѣ родоначальникъ семьи никогда не лишалъ ее своего присутствія. Вслѣдствіе этого храмы были дворцами, и дворцы — храмами. И самое великое дѣло, которое могъ совершить величайшій монархъ, состояло въ сооруженіи себѣ нетлѣнной гробницы.

Но хотя вліяніе религіи было обширно, и ряды духовенства были открыты всѣмъ, кто способенъ былъ выдержать соответственный искусъ, внутренняя доктрина не преподавалась публично и не находила себѣ выраженія въ ясномъ и опредѣленномъ изложеніи. Наоборотъ, она тщательно скрывалась отъ непосвященныхъ и излагалась намѣренно затемненными формулами и путемъ иллюстрацій, непонятныхъ безъ предварительной подготовки. Тайна, окружавшая религію, вытекала скорѣй изъ присущаго жрецамъ осознанія божественной личности и ихъ конечнаго сліянія съ личнымъ божествомъ, чѣмъ изъ какихъ-либо искусственныхъ притязаній на предполагаемую обособленность. Тайна для Бога то же самое, что святая святыхъ для человѣка, и осознаніе этой тайны углубляется вмѣстѣ съ увеличеніемъ

близости къ нему. И хотя три столѣтія безпрестанныхъ пререканій о сокровенныхъ истинахъ, наиболѣе глубоко захватывающихъ сердце и умъ, въ значительной мѣрѣ способствовали огрубѣнію и притупленію нашего духовнаго сознанія, все же душа содрогается отъ вульгарнаго прикосновенія какъ, отъ нестерпимаго оскорбленія. Пружины нашего бытія скрыты отъ насъ. Отъ мрака материнскаго чрева и до мрака могилы, источники каждаго нашего дѣянія невѣдомы намъ. Тайна—начало; тайна—конецъ; тайна—все содержаніе нашей жизни. Мы не можемъ ни дышать, ни спать, ни ѣсть, а тѣмъ менѣе думать или говорить, не приводя въ дѣйствіе силы для насъ непонятныя, путемъ процессовъ, недоступныхъ изслѣдованію. Нѣтъ того невѣжды, который бы этого не зналъ. Нѣтъ того ученаго, который могъ бы это объяснить.

Въ числѣ разнообразныхъ формъ и символовъ, которыми жрецы обволакивали тайну Египта, отмѣтимъ одну категорію, одновременно разоблачающую сокровенную мудрость и скрывающую ее какъ бы свѣтозарнымъ покровомъ. Очевидно, ни одинъ обыденный образъ, ни минералъ, ни растеніе, ни животное, хотя бы они отчасти и выражали особенные атрибуты или дѣйствія Божества, не могли полностью выразить соотношенія между Богомъ и человѣкомъ. Лишь небесныя свѣтила, повинующіяся въ своемъ свѣтозарномъ теченіи законамъ, не знающимъ преложенія, могли подобающимъ образомъ изобразить живую энергію, просвѣтляющую силу, и прежде всего, безпредѣльное бытіе божественныхъ свойствъ; эта форма символики была особенно близка психикѣ Египта. Живя среди безоблачной и прозрачной атмосферы, имѣя всегда передъ собой безошибочный механизмъ солнца, луны и звѣздъ, египетскіе астрономы-жрецы, или „Учителя небесныхъ тайнъ“, какъ ихъ официально называли, утверждали, что неосязаемая слава невидимаго творенія отражается въ ясной и лучезарной орбитѣ нашей планеты среди небосклона, подобно тому, какъ этотъ небосклонъ во всей своей лучистой красѣ отражался въ прозрачныхъ водахъ ихъ родной рѣки. Поэтому мы и видимъ, что въ ихъ священныхъ писаніяхъ почти каждая религіозная идея изображена какой-нибудь астрономической аналогіей; и вмѣстѣ съ тѣмъ каждой астрономической концепціи и сочетанію соотвѣтствуетъ то или другое проявленіе Божества. Напримѣръ, въ египетскомъ Ритуалѣ мы находимъ прекрасное указаніе на просвѣтляющее дѣйствіе солнца по мѣрѣ того, какъ земля, сосудъ

Нѣсколько словъ о «Дружинѣ Милосердія».

Когда я была учительницей сельской школы, меня чрезвычайно огорчала та наивная и безсознательная жестокость, которую я видѣла въ обращеніи моихъ воспитанниковъ съ животными. Бросать камни и палки въ каждую пробѣгающую собаку, въ каждую летящую птицу считалось у нихъ чѣмъ-то совершенно необходимымъ, убить птичку—доблестью. Мальчики гордились и хвастались тѣмъ, что „не боятся“ смотрѣть, какъ рѣжутъ свинью, дѣвочки, хотя содрогались и морщились при мысли о крови и крикахъ свиньи, но изъ любопытства тоже не отказывались отъ этого зрѣлища. А мучить и калѣчить беззащитныхъ звѣрьковъ было общей любимой забавой.

Такое отношеніе къ животнымъ огорчало меня до глубины души, и я рѣшила всѣми силами бороться противъ него.

Но тутъ, на первыхъ же порахъ, я натолкнулась на неожиданное препятствіе: я тогда не была еще вегетаріанкой, и меня поразило противорѣчіе между собственными моими словами и поступками. Я почувствовала, что не вправѣ говорить ребятамъ о жалости, не проводя свою собственную жалость до конца, т. е., жалѣя, на примѣръ, затравленнаго зайца, нѣсколько часовъ спустя преспокойно жевать его разрубленное тѣльце, жалѣя свинью, продолжать ѣсть ветчину и колбасу и т. д.

Это противорѣчіе встало передо мной съ такой неумолимой яркостью, что я вскорѣ бросила употребленіе въ пищу мяса и только тогда уже смѣло и энергично стала бороться съ тѣмъ, что огорчало меня въ моихъ ученикахъ.

Я рассказала дѣтямъ о Майскихъ Союзахъ, существующихъ у насъ и за границей, и предложила имъ и у себя въ школѣ устроить нѣчто въ этомъ родѣ. Нѣсколько измѣнивъ уставъ Майскихъ Союзовъ, мы записали 6 правилъ, которыя каждый

вступающей въ Общество долженъ былъ стараться выполнять. §§ 1, 2 и 4 считались обязательными для всѣхъ, на остальные же, какъ болѣе трудныя, можно было записываться или нѣтъ— по желанію.

Вотъ эти правила:

1) Обѣщаемся никогда не мучить, не пугать и не убивать ради потѣхи беззащитныхъ и безвредныхъ звѣрей, птицъ и насекомыхъ.

2) Обѣщаемся не разорять гнѣздъ, не трогать яицъ и птенчиковъ.

3) Обѣщаемся никого не обижать.

4) Не брать чужого и говорить правду.

5) Обѣщаемся защищать всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ.

6) Обѣщаемся помогать другъ другу во всякомъ добромъ дѣлѣ.

Написанныя крупными буквами, эти правила мы повѣсили на видномъ мѣстѣ въ школѣ. А рядомъ, написанныя тоже крупными раскрашенными буквами, помѣстили слова старца Зосимы изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго: „Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Животныхъ любите, они безгрѣшны, имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ея, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости“.

Такъ какъ старшее отдѣленіе въ то время очень увлекалось боевыми подвигами древней Руси, то мы назвали свой кружокъ „Дружиной“, но прибавивъ къ этому слово „Милосердія“— „Дружина Милосердія“, для того, чтобы участвующіе помнили, что храбрость свою они должны упражнять не въ издѣвательствахъ надъ окружающими ихъ живыми тварями, а, наоборотъ, на подвигахъ въ защиту ихъ. Каждый „дружинникъ“ имѣлъ право носить значекъ: двѣ буквы Д и М, переплетенныя между собой и нашитыя на бантъ (букву М ребята сами вырѣзали себѣ изъ жести, а надъ буквой Д пришлось подумать. Вырѣзать ее оказалось трудно, да и некрасиво выходило бѣлое на бѣломъ. Одна дѣвочка посоветовала купить такихъ буквъ Д, какъ вкладываютъ въ калоши: онѣ недороги, и ихъ золотой цвѣтъ хорошо будетъ выдѣляться на бѣломъ М. Мы такъ и сдѣлали).

Ребята настолько серьезно отнеслись къ принятымъ на себя обязательствамъ, что это чуть-чуть не разстроило все дѣло. Сна-

очевидно, наряду съ ними подлежить измѣренію и время. Такимъ образомъ, перемѣна во внѣшнемъ видѣ цвѣтка или направление отбрасываемой тѣни отмѣчаютъ шествіе часовъ. Возвращеніе нѣкоторыхъ хорошо знакомыхъ ароматовъ и звуковъ возвѣщаетъ о наступленіи и прохожденіи временъ года. Постепенныя перемѣны въ насъ самихъ и въ нашихъ друзьяхъ говорятъ намъ о бѣгѣ лѣтъ. Лишь перемѣнами можемъ мы измѣрить время.

Какъ же намъ найти опредѣленное и постоянное мѣрило, неизмѣнное и вѣчно пребывающее, къ которому мы могли бы отнести этотъ наиболѣе текучій и неуловимый элементъ? Лишь въ механизмѣ самыхъ небесъ, т. е. въ относительныхъ измѣненіяхъ небесныхъ тѣлъ, постоянно мѣняющихся, но вѣчно возобновляющихся въ опредѣленные промежутки времени — можно найти такое мѣрило, которое будетъ неизмѣнно возвращаться хотя бы и вѣка проходили. Главнымъ изъ такихъ періодовъ является орбита нашей планеты, движеніе, дающее ключъ ко всѣмъ разнообразнымъ аспектамъ вселенной. Отъ этой орбиты фараоны заимствовали наиболѣе пышный свой титулъ: „Небъ Сенненъ“, Владыка Орбиты, провозглашающій одновременно всеобщность и длительность ихъ власти; отъ нея посвященный въ Египетскомъ Ритуалѣ получалъ свое просвѣщеніе въ небесныхъ наукахъ. Это движеніе, также не въ меньшей мѣрѣ, связано и съ ясностью небесъ; ни одинъ естественный космическій образъ не дышитъ такимъ свѣтомъ и миромъ, какъ образъ вѣчно текущаго года, непрерывно вращающагося вокругъ подножія Бога, Даже среди тумана и мглы, бой часовъ — эта лѣтопись движенія планетъ, — напоминаетъ намъ, какъ ограничена окружающая насъ тьма, и что тусклая земля подъ нашими ногами свѣтитъ далекимъ братьямъ своимъ на поляхъ свѣта. По мѣрѣ того, какъ сплетается эта лучистая орбита, кругъ за кругомъ неизмѣнной красоты, циклъ за цикломъ вѣковыхъ періодовъ увиваются вокругъ нея, подобно свѣтозарнымъ змѣямъ, и измѣряютъ бездны временъ годами Всевышняго.

Такая система гармоническихъ періодовъ и мѣрныхъ интерваловъ, соответствующихъ вселенскимъ, а не произвольнымъ мѣриламъ, являлась естественнымъ, — скажемъ даже существеннымъ, элементомъ въ теософій жрецовъ, скрывавшихъ свои религиозныя ученія подъ завѣсой аналогіи Свѣта. Соблюденіе нѣкоторыхъ священныхъ празднествъ, стоящихъ относительно своихъ датъ въ зависимости отъ повторяемости разныхъ явленій, составляетъ наиболѣе значительную и живописную черту въ обще-

ственной жизни Египта. Интересно отмѣтить, что, изучая періоды и празднества, знакомыя Учителямъ небесныхъ тайнъ при дворѣ фараоновъ, мы отъ времени до времени будемъ находить ключъ къ нѣкоторымъ терминамъ, употребляемымъ нами въ просторѣчи, но происхожденіе которыхъ мы не умѣемъ объяснить. И мы увидимъ, вѣроятно не безъ удовольствія, что они являются результатами не какихъ-нибудь произвольныхъ, хотя бы и остроумныхъ, комбинацій, а вселенскихъ гармоничныхъ сочетаній, и изображаютъ, такъ сказать, линейки и такты музыки сферъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что луна была священнымъ и, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена, скровеннымъ мѣриломъ египетской науки. Тотъ, великій Владыка Мудрости и Мѣры, божественный Лѣтосчислитель, имѣвшій передъ собой вѣсы правосудія, на которыхъ взвѣшивались свѣтъ и тьма нравственной жизни человѣка, былъ владыкой не солнца, а луны; и этому послѣднему свѣтилу мы обязаны нашей основной единицей времени. Если мы рассмотримъ движеніе луны въ сравненіи съ движеніемъ солнца, мы увидимъ, что время, потребное для того, чтобы луна покрыла пространство равное ея диску, соотвѣтствуетъ ровно одному часу; такимъ образомъ, практически установилась эта важная единица. Мѣра „часа“ была особенно священна въ Египтѣ; каждый часъ изъ двадцати четырехъ часовъ, рождающихся въ теченіе одного обращенія земли, посвященъ былъ своему особому божеству—двѣнадцати свѣтлымъ божествамъ и двѣнадцати темнымъ „Объясни Бога въ часѣ“, спрашивали адепта въ Ритуалѣ, когда онъ стоялъ въ залѣ Истины. И этотъ Богъ въ часѣ, узнаемъ мы, былъ Тотъ, „Господь Луны и Лѣтосчислитель Вселенной“.

Если мы обратимся теперь къ движенію нашей планеты, мы увидимъ, что, согласно свидѣтельству д-ра Бругша, египетскій солнечный календарь былъ основанъ на двоякомъ принципѣ; одинъ изъ нихъ служилъ для гражданскаго, другой — для священнаго лѣтосчисления. Въ первомъ годъ кончался по истеченіи трехсотъ шестидесяти пяти дней, такъ что начало каждаго новаго года обѣгало весь кругъ временъ года въ теченіе 4×365 или 1460 гражданскихъ лѣтъ. Но въ священномъ календарѣ въ концѣ каждаго четвертаго или Великаго Года былъ введенъ еще одинъ день. Отсюда четыре большихъ поворотныхъ пункта въ году—весеннее и осеннее равноденствія (или дни, когда свѣтъ и тьма равно длительны на всемъ земномъ шарѣ); и лѣтнее и зимнее солнцестоянія, когда солнце достигаетъ наибольшаго сво-

сѣвернаго и южнаго склоненій, всегда приходились, какъ и у насъ, на опредѣленный день въ священномъ календарѣ. Эти празднества были изображены въ Ритуалѣ четырьмя пламенными языками, окружавшими бассейнъ солнечнаго огня; у каждого изъ нихъ стоялъ одинъ изъ божественныхъ духовъ, „провозглашавшій Истину передъ Владыкой Вселенной“.

По установленіи этого лѣтосчисленія, началомъ священнаго года было избрано лѣтнее солнцестояніе, т. е. время, когда солнце достигаетъ сѣверной точки своего тропическаго владычества среди полнаго блеска своего лѣтняго великолѣпія. Въ данной странѣ этотъ моментъ особенно соотвѣтствовалъ этой цѣли; предѣлъ тропиковъ простирался въ то время до 24° сѣверной широты, и солнце входило въ серединѣ лѣта на нѣсколько дней въ Египетъ, становясь вертикально Филамъ, расположеннымъ на островѣ на первомъ водопадѣ или у „Вратъ Нила“, какъ называли его египтяне, на южной границѣ государства. Согласно съ этимъ и въ виду медленности, съ которой въ данное время года солнце, благодаря косому направленію эклиптики, мѣняетъ свое склоненіе, египтяне дѣлили орбиту на двѣ совершенно отдѣльныя части: на короткій періодъ покоя и долгій періодъ движенія, соотвѣтствовавшія короткому періоду пребыванія солнца въ предѣлахъ государства и долгому промежутку между уходомъ его и возвращеніемъ. Этотъ послѣдній періодъ „орбиты“, состоявшій изъ трехсотъ шестидесяти дней, былъ симметрично раздѣленъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, при чемъ каждый изъ нихъ состоялъ изъ трехъ десятковъ дней, и на три равныхъ времени года; каждое изъ нихъ состояло изъ двѣнадцати десятковъ дней; они носили названія наводненія (Се) или разлива рѣки, Зимы (Пиръ), и Жары (Сему), болѣе или менѣе соотвѣтствовавшей нашей веснѣ. Болѣе короткій періодъ, состоявшій изъ священнаго промежутка или Юбилея, продолжался въ обыкновенный годъ пять дней, а въ великій или четвертый годъ—шесть дней и былъ всецѣло посвященъ специальнымъ празднествамъ. Поэтому каждая половина орбиты или переходъ отъ лѣта къ зимѣ или отъ зимы къ лѣту содержали восемнадцать десятковъ дней, и эти десятки, съ солнечнымъ змѣемъ во главѣ каждого изъ нихъ,—спиральный изгибъ, чертимый на поверхности земли вертикальнымъ солнцемъ въ теченіе каждой половины орбиты,—зарисованы въ поразительномъ изображеніи календаря на стѣнахъ знаменитаго храма Дендеры.

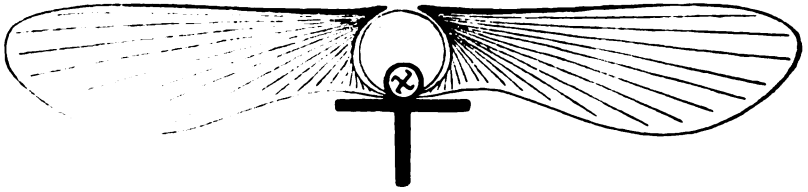
Не безынтересно и поучительно было бы сравнить египетскіе календари съ нашимъ високоснымъ годомъ, которымъ мы,

собственно говоря, обязаны Египту, при содѣйствіи астронома Сосигена, привезеннаго Юліемъ Цезаремъ изъ Александріи для исправленія путаницы римскаго календаря. Этотъ знаменитый грекъ, повидимому, выполнилъ свою задачу, пользуясь методомъ произвольнаго приспособленія. Онъ пренебрегъ или, можетъ быть мало знакомъ былъ съ принципами египетскаго лѣтосчисленія и вовсе ничего не зналъ о тонкостяхъ дальнѣйшаго приспособленія, которыхъ оно требовало; и, дѣйствительно, не прошло и пятидесяти лѣтъ, какъ его поправки потребовали новыхъ поправокъ. Онъ не принялъ во вниманіе ни единицу измѣренія, ни орбиту, ни священный промежутокъ. Онъ сперва раздѣлилъ годы на двѣнадцать неравныхъ и безсмысленныхъ кусковъ—терминъ „части“ былъ бы слишкомъ научнымъ для него,—и эти обрубки носили имя поруганной луны, хотя надменный мѣсячникъ и не удостоилъ ее своего вниманія. Затѣмъ онъ прибавилъ нечетный день къ нечетному мѣсяцу, приблизительно такъ, какъ ребенокъ, сломавшій игрушечную лошадку, приклеиваетъ кусокъ хвоста къ самой короткой ногѣ и приглашаетъ при этомъ весь міръ полюбоваться его произведеніемъ. Разница между египетскимъ и римскимъ календаремъ вовсе не случайна и не маловажна. Наоборотъ, она даетъ намъ ключъ къ значенію его въ древней странѣ, какъ великаго политико-религіознаго орудія, которымъ социальная экономія народа приводилась въ согласіе съ теософіей жрецовъ. Среди современныхъ народовъ, единственной желательной цѣлью является какъ-будто монотонность повторяемости, облегчающая распредѣленіе дѣлъ и удовольствій и дающая возможность заключить въ строгія рамки небольшой періодъ времени, отпущенный жизни. Поэтому всякая система, нарушающая правильную рутину, въ особенности если она связана, какъ то было въ древнемъ Египтѣ съ воспоминаніемъ священныхъ событій, возбуждаетъ скорѣе нетерпѣніе, чѣмъ радость. А разныя тонкія дѣленія календаря, повидимому, считаются какъ бы обрѣзками времени, разбросанными по небу солнцемъ и луной и требующими, чтобы какой нибудь хитроумный астрономъ (въ родѣ Сосигена) сложилъ ихъ и аккуратно прибралъ.

Чрезвычайно отличалось отъ этого узкаго и скуднаго пониманія восторженное отношеніе египетскихъ „Учителей Тайныхъ Небесныхъ“ къ этимъ священнымъ промежуткамъ. Во всей символіи страны жизнь изображается какъ центръ, окружность, совокупность добра. Жизнь была скипетромъ въ рукѣ Амена; жизнь была богатѣйшимъ „даромъ Озириса“. „Не будь небла-

голарень Создателю“, говорить мудрецъ Пта-Хотепъ, въ древнѣйшемъ, можетъ быть, существующемъ документѣ: „потому что онъ дароваль тебѣ жизнь“. Я есмь Источникъ Жизни“, говорить Создатель въ Ритуалѣ. „Я пронизываю тьму; Я освѣщаю всѣмъ путь; Я—Владыка Радости“. Поэтому эти промежутки съ благодарностью принимались ими, какъ отдыхъ, когда время, подобно солнцу въ солнцестояніе, какъ бы отдыхаетъ немного, и человѣкъ можетъ безъ ущерба наслаждаться драгоценнымъ даромъ жизни. Вслѣдствіе этого юбилейный промежутокъ или время славословія, раздѣлявшій или скорѣй соединявшій годъ съ годомъ, относился египтянами не къ періоду зимняго мрака, какъ у насъ, а къ самому разгару лѣта, къ періоду одновременно достиженія и обновленія, когда солнце сіяло во всей полнотѣ своей силы, и вздымающіяся воды Нила начинали обновлять свои животворныя волны; и каждый день въ этомъ промежуткѣ ярко выдѣлялся среди другихъ чествованіемъ какой-нибудь особой формы божественнаго проявленія. По образу того, какъ ежегодно возобновляется божественный даръ любви, въ первый день этого періода непрерывнаго славословія праздновался день рожденія Озириса, Бога Свѣта и Жизни, Первопричины Творенія. Во второй день—рожденіе Горуса, Владыки Новой Зари, такъ какъ сама заря возобновляется при каждомъ новомъ вращеніи земли. Въ третій день—рожденіе Себа, Духа—творца земли, въ ознаменованіе того, что наша планета вступаетъ въ новый кругъ своего бѣга вокругъ отца-свѣтила. Въ четвертый день—рожденіе Изиды, съ ея двоякимъ человѣческимъ и божественнымъ материнствомъ; какъ символъ того, что вся природа пробуждалась къ новой жизни и силѣ вмѣстѣ съ обновленіемъ рѣки. На пятый день праздновалось рожденіе Нейтъ, Владычицы Водъ, изъ божественной личности которой изливался потокъ жизни, „дававшій каждой муміи напитокъ, котораго она жаждала, подобно тому, какъ пересохшія поля жаждали водъ Нила. Въ каждомъ четвертомъ или Великомъ году происходило шестое торжество—праздникъ „Хепъ-Тепа“, или „Конца-Начала“, когда обращеніе и вращеніе планеты одновременно заканчивалось и начиналось вновь; и вмѣстѣ съ тѣмъ само солнце въ своемъ мощномъ шествіи въ пространствѣ, во главѣ всей нашей планетарной системы, завершаетъ кругъ своей огромной орбиты, почти одинаковой по длинѣ съ теченіемъ нашей планеты вокругъ него. Такова была симфонія свѣта и радости, знаменовавшая для египтянина начало лучезарнаго года.

Перев. В. Пушкина.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ. рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

В. Маршамъ Адамсъ.

Глава II.

Религія Свѣта.

Къ какой бы странѣ земного шара мы ни обратились при нашихъ изслѣдованіяхъ древнѣйшихъ лѣтописей его обитателей, мы не найдемъ ни одного народа „отъ Китая до Перу“, по выраженію сэра Мэна, на обычаи и общій складъ котораго религія не имѣла бы могучаго и неослабнаго вліянія. Но Египетъ является, несомнѣнно, страной, гдѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, этотъ принципъ проявился во всей полнотѣ своей творческой силы.

Укладъ египетской общественной жизни, чрезвычайно сложный по своей структурѣ и обусловленный во всѣхъ подробностяхъ строгимъ соблюденіемъ обычаевъ, представляетъ тѣмъ не менѣе очень отчетливое цѣлое, если разсматривать египетскій народъ какъ патріархальную семью, основанную на іерархическихъ устояхъ и органически покоящуюся во всей странѣ на системѣ, установленной религіей. Вся страна раздѣлена была на столько провинцій (или *номовъ*, какъ ихъ иногда жеманно называли, слѣдуя греческой модѣ), сколько было божественныхъ духовъ, составляющихъ, согласно египетской религіи, судилище, передъ которымъ представляли усопшіе. Главный городъ каждой провинціи считался священнымъ, примыкая къ территоріи мѣстнаго большого храма, который въ свою очередь являлся оградой вокругъ алтаря Божества. Къ каждому храму была приписана отдѣльная группа жрецовъ, члены ко-

торой не могли входить въ жреческую группу другой провинціи; тогда какъ монархъ, въ дѣйствительности всходившій на престолъ по наслѣдственному праву, повидимому, подвергался еще какой-то процедурѣ избранія и посвящался въ свое званіе первосвященникомъ главной провинціи. Однако, не одни только храмы посвящены были идеямъ культа; зданія, служившія для обыденной жизни, имѣли также свое священное значеніе. Въ каждой отдѣльной провинціи, говоритъ Де Руже, дворецъ и каналъ, наравнѣ съ храмомъ и округомъ, носили названіе какой-нибудь мистеріи и являлись отголоскомъ страны святыхъ усопшихъ.

Наиболѣе характернымъ было всемогущее и всепроникающее сознаніе отцовства Бога, обуславливавшее интимный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже радостный характеръ, придававшійся египтянами идеѣ смерти; они неизмѣнно разсматривали наше настоящее существованіе лишь какъ предверіе дальнѣйшаго бытія, и наши занятія въ нынѣшней жизни—какъ предвкушеніе и сколокъ жизни загробной. Отсюда теоретически вытекало, какъ указываетъ М. Масперо, что каждый египтянинъ имѣлъ право на вѣчную обитель. И христіанскій апостолъ, утверждая, что мы имѣемъ нерукотворную вѣчную обитель на небесахъ, лишь выражалъ ту же идею, что и египетскіе жрецы, когда они говорили о вѣчной обители, сооруженной божественнымъ Горусомъ для своего отца, Озириса. По той же причинѣ родоначальникъ семьи никогда не лишалъ ее своего присутствія. Вслѣдствіе этого храмы были дворцами, и дворцы — храмами. И самое великое дѣло, которое могъ совершить величайшій монархъ, состояло въ сооруженіи себѣ нетлѣнной гробницы.

Но хотя вліяніе религіи было обширно, и ряды духовенства были открыты всѣмъ, кто способенъ былъ выдержать соответственный искусъ, внутренняя доктрина не преподавалась публично и не находила себѣ выраженія въ ясномъ и опредѣленномъ изложеніи. Наоборотъ, она тщательно скрывалась отъ непосвященныхъ и излагалась намѣренно затемненными формулами и путемъ иллюстрацій, непонятныхъ безъ предварительной подготовки. Тайна, окружавшая религію, вытекала скорѣй изъ присущаго жрецамъ осознанія божественной личности и ихъ конечнаго сліянія съ личнымъ божествомъ, чѣмъ изъ какихъ-либо искусственныхъ притязаній на предполагаемую обособленность. Тайна для Бога то же самое, что святая святыхъ для человѣка, и осознаніе этой тайны углубляется вмѣстѣ съ увеличеніемъ

близости къ нему. И хотя три столѣтія безпрестанныхъ пререканій о сокровенныхъ истинахъ, наиболѣе глубоко захватывающихъ сердце и умъ, въ значительной мѣрѣ способствовали огрубѣнію и притупленію нашего духовнаго сознанія, все же душа содрогается отъ вульгарнаго прикосновенія какъ, отъ нестерпимаго оскорбленія. Пружины нашего бытія скрыты отъ насъ. Отъ мрака материнскаго чрева и до мрака могилы, источники каждаго нашего дѣянія невѣдомы намъ. Тайна — начало; тайна — конецъ; тайна — все содержаніе нашей жизни. Мы не можемъ ни дышать, ни спать, ни ѣсть, а тѣмъ менѣе думать или говорить, не приводя въ дѣйствіе силы для насъ непонятныя, путемъ процессовъ, недоступныхъ изслѣдованію. Нѣтъ того невѣжды, который бы этого не зналъ. Нѣтъ того ученаго, который могъ бы это объяснить.

Въ числѣ разнообразныхъ формъ и символовъ, которыми жрецы обволакивали тайну Египта, отмѣтимъ одну категорію, одновременно разоблачающую сокровенную мудрость и скрывающую ее какъ бы свѣтозарнымъ покровомъ. Очевидно, ни одинъ обыденный образъ, ни минераль, ни растеніе, ни животное, хотя бы они отчасти и выражали особенные атрибуты или дѣйствія Божества, не могли полностью выразить соотношенія между Богомъ и человѣкомъ. Лишь небесныя свѣтила, повинующіяся въ своемъ свѣтозарномъ теченіи законамъ, не знающимъ предложенія, могли подобающимъ образомъ изобразить живую энергію, просвѣтляющую силу, и прежде всего, безпредѣльное бытіе божественныхъ свойствъ; эта форма символики была особенно близка психикѣ Египта. Живя среди безоблачной и прозрачной атмосферы, имѣя всегда передъ собой безошибочный механизмъ солнца, луны и звѣздъ, египетскіе астрономы-жрецы, или „Учителя небесныхъ тайнъ“, какъ ихъ официально называли, утверждали, что неосязаемая слава невидимаго творенія отражается въ ясной и лучезарной орбитѣ нашей планеты среди небосклона, подобно тому, какъ этотъ небосклонъ во всей своей лучистой красѣ отражался въ прозрачныхъ водахъ ихъ родной рѣки. Поэтому мы и видимъ, что въ ихъ священныхъ писаніяхъ почти каждая религіозная идея изображена какой-нибудь астрономической аналогіей; и вмѣстѣ съ тѣмъ каждой астрономической концепціи и сочетанію соотвѣтствуетъ то или другое проявленіе Божества. Напримѣръ, въ египетскомъ Ритуалѣ мы находимъ прекрасное указаніе на просвѣтляющее дѣйствіе солнца по мѣрѣ того, какъ земля, сосудъ

Божій, совершаетъ свой ежедневный оборотъ и годичное вращеніе на небесахъ. Мы читаемъ въ немъ, какъ священный усопшій явился въ полной славѣ своей въ сосудѣ Ра; и какъ Тотъ, Божественная Мудрость, облакаетъ духъ праведника миллионъ разъ въ одѣяніе изъ чистаго льна, т. е. изъ того матеріала, который своей чистотой и блескомъ напоминаетъ намъ плащъ, сотканный изъ лучей свѣта, которымъ солнце облакаетъ заново землю ежедневно, въ то время, какъ она вращается передъ нимъ; подобно этому, душа человѣка получаетъ новый свѣтъ каждый разъ, какъ онъ вновь появляется передъ лицомъ своего Творца. Подъ вліяніемъ ихъ глубокой теософіи, каждое явленіе природы изображало собой соотвѣтственное проявленіе божественной личности, и, согласно Ритуалу, Божество, пребывающее въ душѣ, даетъ человѣку силу понять эти соотношенія. „Я есмь воспріятіе“, читаемъ мы, „безсмертная душа“. Въ полуденномъ сіяніи солнца они видѣли великолѣпіе Ра; въ его закатъ—смерть Озириса; въ новой зарѣ—его воскресеніе въ видѣ воплощеннаго Горуса; въ горящемъ огнѣ—творческій духъ Пта; въ гармоничныхъ соотношеніяхъ вселенной—Вѣчную Мудрость, Тота, „Разумъ и волю Господа“; въ звѣздномъ небосклонѣ, увѣнчанномъ Алкіономъ и Плеядами (священный быкъ и коровы)—неизреченную красоту Гаторъ, живого ковчега священнаго Свѣта.

Такимъ образомъ, въ религіи древняго Египта, глубочайшей и наиболѣе захватывающей тайнѣ древности, видимое твореніе разсматривалось какъ отраженіе невидимаго міра. И сущность ея состояла не въ неопредѣленной вѣрѣ въ загробную жизнь, а въ начертаніи Пути, на которомъ праведникъ, миновавъ врата могилы, проходитъ черезъ послѣдовательныя ступени посвященія, просвѣтленія и совершенства, необходимыя для того, чтобы приготовить его къ вѣчному сліянію со свѣтомъ, Великимъ Творцомъ. Этотъ путь, идущій черезъ сокровенныя области вселенной, повидимому, былъ предметомъ тайныхъ мистерій, которыя сообщались кандидату, согласно египетскому преданію, Учителемъ Тайнаго Свитка, въ сокровенныхъ покояхъ Дома, мистически именовавшагося Свѣтомъ. Для того, чтобы прослѣдить его ученіе, намъ надлежитъ прежде всего поднять глаза къ небесамъ вокругъ насъ и понять, что нашъ земной шаръ самъ является частью звѣзднаго воинства.

Глава III.

Празднества солнца и луны.

Время—самый могущественный факторъ, обуславливающийъ человѣческія дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неосвязаемый. Обо всемъ другомъ, поддающемся измѣренію, какъ, на примѣръ, о скорости вѣтра или протяженіи пространства, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, по аналогіи составить себѣ хоть нѣкоторый ментальный образъ; но трудно намъ судить о томъ, имѣетъ ли время или не имѣетъ самодовлѣющаго существованія. Одинъ ментальный фактъ человѣкъ считаетъ неоспоримымъ для себя — а именно, что мы знаемъ наше прошлое и не знаемъ будущаго; между тѣмъ, кто поставитъ точку разграниченія между прошлымъ и настоящимъ? Такъ тонка, такъ неуловима эта безконечно-малая и вѣчно движущаяся черта между двумя безбрежными пространствами, этотъ атомъ существованія, именуемый нами настоящимъ моментомъ, что онъ не можетъ быть даже схваченъ мыслью. Когда человѣкъ говоритъ „Я самъ“ — просто утверждая свое существованіе самымъ короткимъ предложеніемъ, которое онъ только можетъ произнести — то пока онъ говоритъ „Я“,—слово „есмы“ лежитъ еще въ будущемъ; когда онъ говоритъ „есмы“,—слово „Я“ уже въ прошломъ. Между тѣмъ, отъ только-что прошедшаго момента и того, который сейчасъ наступитъ, мы отдѣлены бездной столь же абсолютно непроходимой, какъ и та, что отдѣляетъ насъ отъ временъ Фараона или отъ будущаго, которое наступитъ черезъ тысячи лѣтъ. „Самъ Богъ не можетъ уничтожить прошлаго“, говоритъ Пиндаръ. „Тѣнь, вѣчно сокрытая, вѣчно близкая, ты, имя которому завтра“, восклицаетъ французскій поэтъ въ известной одѣ. „Я есмь Вчера“, говоритъ Озирисъ въ египетскомъ Ритуалѣ, подразумѣвая подъ этимъ, что тотъ, для кого прошлое еще существуетъ, освобождается отъ условностей времени, ограничивающихъ смертный интеллектъ.

Но время, хотя само по себѣ и неосвязаемое, производитъ результаты одновременно осязаемые и всеобъемлющіе; никто не можетъ отрицать переменъ, производимыхъ временемъ во всемъ живущемъ и, въ особенности, въ двухъ наиболѣе явственныхъ формахъ переменъ: въ ростѣ и въ движеніи. Всюду, гдѣ можно прослѣдить увеличеніе въ объемѣ или переменѣ положенія въ какомъ-либо тѣлѣ въ теченіе опредѣленнаго періода времени,

очевидно, наряду съ ними подлежитъ измѣренію и время. Такимъ образомъ, перемѣна во внѣшнемъ видѣ цвѣтка или направленіе отбрасываемой тѣни отмѣчаютъ шествіе часовъ. Возвращеніе нѣкоторыхъ хорошо знакомыхъ ароматовъ и звуковъ возвѣщаетъ о наступленіи и прохожденіи временъ года. Постепенныя перемѣны въ насъ самихъ и въ нашихъ друзьяхъ говорятъ намъ о бѣгѣ лѣтъ. Лишь перемѣнами можемъ мы измѣрить время.

Какъ же намъ найти опредѣленное и постоянное мѣрило, неизмѣнное и вѣчно пребывающее, къ которому мы могли бы отнести этотъ наиболѣе текучій и неуловимый элементъ? Лишь въ механизмѣ самыхъ небесъ, т. е. въ относительныхъ измѣненіяхъ небесныхъ тѣлъ, постоянно мѣняющихся, но вѣчно возобновляющихся въ опредѣленные промежутки времени — можно найти такое мѣрило, которое будетъ неизмѣнно возвращаться хотя бы и вѣка проходили. Главнымъ изъ такихъ періодовъ является орбита нашей планеты, движеніе, дающее ключъ ко всѣмъ разнообразнымъ аспектамъ вселенной. Отъ этой орбиты фараоны заимствовали наиболѣе пышный свой титулъ: „Небъ Сенненъ“, Владыка Орбиты, провозглашающій одновременно всеобщность и длительность ихъ власти; отъ нея посвященный въ Египетскомъ Ритуалѣ получалъ свое просвѣщеніе въ небесныхъ наукахъ. Это движеніе, также не въ меньшей мѣрѣ, связано и съ ясностью небесъ; ни одинъ естественный космическій образъ не дышитъ такимъ свѣтомъ и миромъ, какъ образъ вѣчно текущаго года, непрерывно вращающагося вокругъ подножія Бога, Даже среди тумана и мглы, бой часовъ — эта лѣтопись движенія планетъ, — напоминаетъ намъ, какъ ограничена окружающая насъ тьма, и что тусклая земля подъ нашими ногами свѣтитъ далекимъ братьямъ своимъ на поляхъ свѣта. По мѣрѣ того, какъ сплетается эта лучистая орбита, кругъ за кругомъ неизмѣнной красоты, циклъ за цикломъ вѣковыхъ періодовъ увиваются вокругъ нея, подобно свѣтозарнымъ змѣямъ, и измѣряютъ бездны временъ годами Всевышняго.

Такая система гармоническихъ періодовъ и мѣрныхъ интерваловъ, соответствующихъ вселенскимъ, а не произвольнымъ мѣриламъ, являлась естественнымъ, — скажемъ даже существеннымъ, элементомъ въ теософіи жрецовъ, скрывавшихъ свои религіозныя ученія подъ завѣсой аналогіи Свѣта. Соблюденіе нѣкоторыхъ священныхъ празднествъ, стоящихъ относительно своихъ датъ въ зависимости отъ повторяемости разныхъ явленій, составляетъ наиболѣе значительную и живописную черту въ обще-

ственной жизни Египта. Интересно отмѣтить, что, изучая періоды и празднества, знакомыя Учителямъ небесныхъ тайнъ при дворѣ фараоновъ, мы отъ времени до времени будемъ находить ключъ къ нѣкоторымъ терминамъ, употребляемымъ нами въ просторѣчи, но происхожденіе которыхъ мы не умѣемъ объяснить. И мы увидимъ, вѣроятно не безъ удовольствія, что они являются результатами не какихъ-нибудь произвольныхъ, хотя бы и остроумныхъ, комбинацій, а вселенскихъ гармоничныхъ сочетаній, и изображаютъ, такъ сказать, линейки и такты музыки сферъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что луна была священнымъ и, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена, сокровеннымъ мѣриломъ египетской науки. Тотъ, великій Владыка Мудрости и Мѣры, божественный Лѣтосчислитель, имѣвшій передъ собой вѣсы правосудія, на которыхъ взвѣшивались свѣтъ и тьма нравственной жизни человѣка, былъ владыкой не солнца, а луны; и этому послѣднему свѣтилу мы обязаны нашей основной единицей времени. Если мы рассмотримъ движеніе луны въ сравненіи съ движеніемъ солнца, мы увидимъ, что время, потребное для того, чтобы луна покрыла пространство равное ея диску, соответствуетъ ровно одному часу; такимъ образомъ, практически установилась эта важная единица. Мѣра „часа“ была особенно священна въ Египтѣ; каждый часъ изъ двадцати четырехъ часовъ, рождающихся въ теченіе одного обращенія земли, посвященъ былъ своему особому божеству—двѣнадцати свѣтлымъ божествамъ и двѣнадцати темнымъ „Объясни Бога въ часѣ“, спрашивали адепта въ Ритуалѣ, когда онъ стоялъ въ залѣ Истины. И этотъ Богъ въ часѣ, узнаемъ мы, былъ Тотъ, „Господь Луны и Лѣтосчислитель Вселенной“.

Если мы обратимся теперь къ движенію нашей планеты, мы увидимъ, что, согласно свидѣтельству д-ра Бругша, египетскій солнечный календарь былъ основанъ на двоякомъ принципѣ; одинъ изъ нихъ служилъ для гражданскаго, другой — для священнаго лѣтосчисления. Въ первомъ годъ кончался по истеченіи трехсотъ шестидесяти пяти дней, такъ что начало каждаго новаго года обѣгало весь кругъ времени года въ теченіе 4×365 или 1460 гражданскихъ лѣтъ. Но въ священномъ календарѣ въ концѣ каждаго четвертаго или Великаго Гола былъ введенъ еще одинъ день. Отсюда четыре большихъ поворотныхъ пункта въ году—весеннее и осеннее равноденствія (или дни, когда свѣтъ и тьма равно длительны на всемъ земномъ шарѣ); и лѣтнее и зимнее солнцестоянія, когда солнце достигаетъ наибольшаго своего

сѣвернаго и южнаго склоненій, всегда приходились, какъ и у насъ, на опредѣленный день въ священномъ календарѣ. Эти празднества были изображены въ Ритуалѣ четырьмя пламенными языками, окружавшими бассейнъ солнечнаго огня; у каждаго изъ нихъ стоялъ одинъ изъ божественныхъ духовъ, „провозглашавшій Истину передъ Владыкой Вселенной“.

По установленіи этого лѣтосчисленія, началомъ священнаго года было избрано лѣтнее солнцестояніе, т. е. время, когда солнце достигаетъ сѣверной точки своего тропическаго владычества среди полнаго блеска своего лѣтняго великолѣпія. Въ данной странѣ этотъ моментъ особенно соотвѣтствовалъ этой цѣли; предѣлъ тропиковъ простирался въ то время до 24^о сѣверной широты, и солнце входило въ серединѣ лѣта на нѣсколько дней въ Египетъ, становясь вертикально Филамъ, расположеннымъ на островѣ на первомъ водопадѣ или у „Вратъ Нила“, какъ называли его египтяне, на южной границѣ государства. Согласно съ этимъ и въ виду медленности, съ которой въ данное время года солнце, благодаря косому направленію эклиптики, мѣняетъ свое склоненіе, египтяне дѣлили орбиту на двѣ совершенно отдѣльныя части: на короткій періодъ покоя и долгій періодъ движенія, соотвѣтствовавшія короткому періоду пребывания солнца въ предѣлахъ государства и долгому промежутку между уходомъ его и возвращеніемъ. Этотъ послѣдній періодъ „орбиты“, состоявшій изъ трехсотъ шестидесяти дней, былъ симметрично раздѣленъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, при чемъ каждый изъ нихъ состоялъ изъ трехъ десятковъ дней, и на три равныхъ времени года; каждое изъ нихъ состояло изъ двѣнадцати десятковъ дней; они носили названія наводненія (Се) или разлива рѣки, Зимы (Пиръ), и Жары (Сему), болѣе или менѣе соотвѣтствовавшей нашей веснѣ. Болѣе короткій періодъ, состоявшій изъ священнаго промежутка или Юбилея, продолжался въ обыкновенный годъ пять дней, а въ великій или четвертый годъ—шесть дней и былъ всецѣло посвященъ специальнымъ празднествамъ. Поэтому каждая половина орбиты или переходъ отъ лѣта къ зимѣ или отъ зимы къ лѣту содержали восемнадцать десятковъ дней, и эти десятки, съ солнечнымъ змѣемъ во главѣ каждаго изъ нихъ,—спиральный изгибъ, чертимый на поверхности земли вертикальнымъ солнцемъ въ теченіе каждой половины орбиты,—зарисованы въ поразительномъ изображеніи календаря на стѣнахъ знаменитаго храма Дендеры.

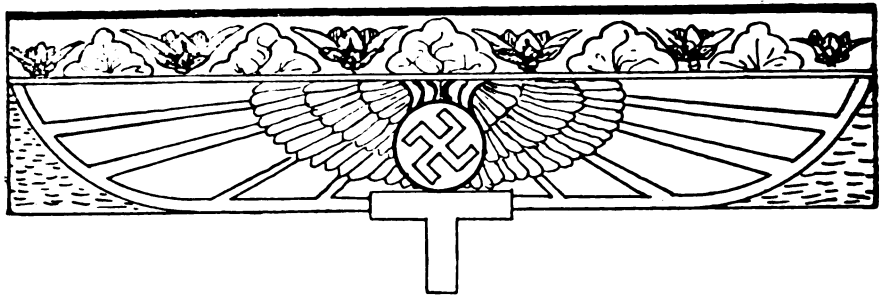
Не безынтересно и поучительно было бы сравнить египетскую систему съ нашимъ високоснымъ годомъ, которымъ мы,

собственно говоря, обязаны Египту, при содѣйствіи астронома Сосигена, привезеннаго Юліемъ Цезаремъ изъ Александріи для исправленія путаницы римскаго календаря. Этотъ знаменитый грекъ, повидимому, выполнилъ свою задачу, пользуясь методомъ произвольнаго приспособленія. Онъ пренебрегъ или, можетъ быть мало знакомъ былъ съ принципами египетскаго дѣтосчисленія и вовсе ничего не зналъ о тонкостяхъ дальнѣйшаго приспособленія, которыхъ оно требовало; и, дѣйствительно, не прошло и пятидесяти лѣтъ, какъ его поправки потребовали новыхъ поправокъ. Онъ не принялъ во вниманіе ни единицу измѣренія, ни орбиту, ни священный промежутокъ. Онъ сперва раздѣлилъ годы на двѣнадцать неравныхъ и безсмысленныхъ кусковъ—терминъ „части“ былъ бы слишкомъ научнымъ для него,—и эти обрубки носили имя поруганной луны, хотя надменный мѣсячникъ и не удостоилъ ее своего вниманія. Затѣмъ, онъ прибавилъ нечетный день къ нечетному мѣсяцу, приблизительно такъ, какъ ребенокъ, сломавшій игрушечную лошадку, приклеиваетъ кусокъ хвоста къ самой короткой ногѣ и приглашаетъ при этомъ весь міръ полюбоваться его произведеніемъ. Разница между египетскимъ и римскимъ календаремъ вовсе не случайна и не маловажна. Наоборотъ, она даетъ намъ ключъ къ значенію его въ древней странѣ, какъ великаго политико-религіознаго орудія, которымъ социальная экономія народа приводилась въ согласіе съ теософіей жрецовъ. Среди современныхъ народовъ, единственной желательной цѣлью является какъ-будто монотонность повторяемости, облегчающая распредѣленіе дѣлъ и удовольствій и дающая возможность заключить въ строгія рамки небольшой періодъ времени, отпущенный жизни. Поэтому всякая система, нарушающая правильную рутину, въ особеннсти если она связана, какъ то было въ древнемъ Египтѣ съ воспоминаніемъ священныхъ событій, возбуждаетъ скорѣе нетерпѣніе, чѣмъ радость. А разныя тонкія дѣленія календаря, повидимому, считаются какъ бы обрѣзками времени, разбросанными по небу солнцемъ и луной и требующими, чтобы какой нибудь хитроумный астрономъ (въ родѣ Сосигена) сложилъ ихъ и аккуратно прибралъ.

Чрезвычайно отличалось отъ этого узкаго и скуднаго пониманія восторженное отношеніе египетскихъ „Учителей Тайныхъ Небесныхъ“ къ этимъ священнымъ промежуткамъ. Во всей символіи страны жизнь изображается какъ центръ, окружность, совокупность добра. Жизнь была скипетромъ въ рукѣ Амена; жизнь была богатѣйшимъ „даромъ Озириса“. „Не будь небла-

даренъ Создателю“, говоритъ мудрецъ Пта-Хотепъ, въ древнѣйшемъ, можетъ быть, существующемъ документѣ: „потому что онъ даровалъ тебѣ жизнь“. Я есмь Источникъ Жизни“, говоритъ Создатель въ Ритуалѣ. „Я пронизываю тьму; Я освѣщаю всѣмъ путь; Я—Владыка Радости“. Поэтому эти промежутки съ благодарностью принимались ими, какъ отдыхъ, когда время, подобно солнцу въ солнцестояніе, какъ бы отдыхаетъ немного, и человѣкъ можетъ безъ ущерба наслаждаться драгоценнымъ даромъ жизни. Вслѣдствіе этого юбилейный промежутокъ или время славословія, раздѣлявшій или скорѣй соединявшій годъ съ годомъ, относился египтянами не къ періоду зимняго мрака, какъ у насъ, а къ самому разгару лѣта, къ періоду одновременно достиженія и обновленія, когда солнце сіяло во всей полнотѣ своей силы, и вздымающіяся воды Нила начинали обновлять свои животворныя волны; и каждый день въ этомъ промежуткѣ ярко выдѣлялся среди другихъ чествованіемъ какой-нибудь особой формы божественнаго проявленія. По образу того, какъ ежегодно возобновляется божественный даръ любви, въ первый день этого періода непрерывнаго славословія праздновался день рожденія Озириса, Бога Свѣта и Жизни, Первопричины Творенія. Во второй день—рожденіе Горуса, Владыки Новой Зари, такъ какъ сама зоря возобновляется при каждомъ новомъ вращеніи земли. Въ третій день—рожденіе Себа, Духа—творца земли, въ ознаменованіе того, что наша планета вступаетъ въ новый кругъ своего бѣга вокругъ отца-свѣтила. Въ четвертый день—рожденіе Изиды, съ ея двоякимъ человѣческимъ и божественнымъ материнствомъ; какъ символъ того, что вся природа пробуждалась къ новой жизни и силѣ вмѣстѣ съ обновленіемъ рѣки. На пятый день праздновалось рожденіе Нейтъ, Владычицы Водъ, изъ божественной личности которой изливался потокъ жизни, „дававшій каждой муміи напитокъ, котораго она жаждала, подобно тому, какъ пересошія поля жаждали водъ Нила. Въ каждомъ четвергомъ или Великомъ году происходило шестое торжество—праздникъ „Хепъ-Тепа“, или „Конца-Начала“, когда обращеніе и вращеніе планеты одновременно заканчивалось и начиналось вновь; и вмѣстѣ съ тѣмъ само солнце въ своемъ мощномъ шествіи въ пространствѣ, во главѣ всей нашей планетарной системы, завершаетъ кругъ своей огромной орбиты, почти одинаковой по длинѣ съ теченіемъ нашей планеты вокругъ него. Такова была симфонія свѣта и радости, знаменовавшая для египтянина начало лучезарнаго года.

Перев. В. Пушкина.

Книга «Достоверности».

ВВЕДЕНИЕ.

„Истина, да возсіяетъ блескъ ея, въ каждомъ вѣкѣ посылала довѣреннаго для проявленія изъ нѣдръ человѣчества жемчужинъ идей“.

(Бэйтъ-Улль).

...И вновь съ вѣтвей Древа Жизни Вѣчной слетѣлъ Соловей къ тоскующей Розѣ Мира и усладилъ ея сердце напѣвами любви; и съ неба Мудрости пала Роса Изъясненія на изсушенную невѣдѣниемъ землю...

Открылась Дверь въ хранилище божественныхъ тайнъ, и возсіялъ оттуда Блескъ сокровищъ Господнихъ...

I.

Бабъ.

Середина прошлаго вѣка ознаменовалась въ Персіи возникновеніемъ широкаго религіознаго движенія, развившагося на почвѣ шиитскаго ислама; это новое, вѣрнѣе, преобразованное изъ прежняго вѣроученіе приняло наименованіе бабизма отъ прозвища своего основателя и руководителя - Баба.

Бабъ, въ просторѣчій Сэидъ Али Мохаммедъ, родился въ 1814 г., въ Ширазѣ, въ семьѣ купца. Дѣтство его, подобно

нуть одинаковыми ¹⁾. Благо тому, кто внемлетъ этому гласу и сдѣлаеть такъ, какъ ему приказано Богомъ, Владыкою превеликаго престола.

13. Тринадцатая благая вѣсть: О люди Бѣха! Вы были и есть мѣста возсіянія любви Божьей. Не оскверняйте языковъ своихъ поношеніемъ и проклинаніемъ кого бы то ни было и оберегайте глаза свои отъ того, что непристойно. Показывайте то, что вы имѣете ²⁾. Если оно встрѣтитъ благопріятный пріемъ, то цѣль достигнута; если нѣтъ—то противиться не къ чему: предоставьте дѣло своему теченію, обращаясь къ Богу, Вѣрному, Крѣпкому. Не будьте причиною скорби, во избѣжаніе смуты и ссоры. Есть надежда, что вы будете взлелѣяны подъ тѣнью лотоса Божьяго милосердія и станете дѣйствовать согласно волѣ Божьей. Всѣ вы листья одного дерева и капли одного моря“.

Св. Писаніе принималось бѣхайтами, какъ и первоначальными бабидами, въ иносказательномъ смыслѣ. Такъ, въ интереснѣйшей книгѣ, представляющей собою нѣчто въ родѣ бѣхайтскаго катехизиса, имѣется множество такихъ символическихъ толкованій. Для образца приведу слѣдующія ³⁾:

...„Большинство приписываемыхъ пророкамъ чудесъ имѣютъ лишь символическое значеніе. Такъ въ повѣствованіяхъ о страданіяхъ Христа упоминается, что наступила тьма, что было землетрясеніе, что завѣса храма разодралась на-двое, и что мертвые возстали изъ гробовъ... Но такъ какъ объ этихъ (столь значительныхъ) обстоятельствахъ не упоминается ни въ одной исторіи, очевидно, что они не должны пониматься буквально, и что они имѣютъ символическое значеніе... Кромѣ того, матеріальныя чудеса не имѣютъ никакой важности для людей истины.

...Важность покоится въ дарѣ вѣчнаго постиженія и вѣчной жизни, т.-е. жизни духовной и божественной... Если въ св. книгахъ говорится о воскрешенныхъ мертвыхъ, это значитъ, что эти люди (по внѣшности, жившіе физически) получили помощь вѣчной жизни; или слѣпой получилъ зрѣніе—это значитъ, что

¹⁾ См. по этому поводу Зап. Вост. Отд., т. IV, 114, и Journ. of the R. As. Soc., v. XXI (New Ser.), p. 981 (E. Browne).

²⁾ Т.-е. убѣжденія свои и вѣру.

³⁾ Обширныя выдержки изъ этой книги имѣются у П. Цвѣткова, Исламъ и его секты, стр. 363—87 (Clifford Barney, trad. p. H. Dreyfus, Les leçons de St. Jean d'Acre, 1908).

жить предѣлъ его распространенію, уронить Баба въ глазахъ народа; гоненія лишь усилили его обаянье. Довѣренный шаха, посланный туда для водворенія порядка, примкнулъ къ Бабу и сталъ его вѣрнымъ рабомъ. Но все же Баба арестовали и запретили проповѣдь, хотя вскорѣ ему удалось бѣжать въ Исфганъ. Здѣсь, по вызову правителя Исфгана, назначено было преніе Баба съ улемами для выясненія, дѣйствительно ли Бабъ посланникъ Бога или самозванецъ и лжепророкъ. Однако духовенство не рѣшилось на открытое состязаніе съ Бабомъ. Диспутъ состоялся лишь впоследствии, въ Тавризѣ, но это было лишь издѣвательствомъ надъ Бабомъ, послѣ чего онъ былъ заключенъ въ крѣпость Маку.

Пока Бабъ пребывалъ въ заключеніи, ученики усердно продолжали его дѣло. Мулла Хусайнъ съ громаднымъ успѣхомъ проповѣдовалъ въ Исфганѣ и др. провинціяхъ. Блестящія услуги бабизму оказала знаменитая въ то время своею ученостію и красотою дочь муллы изъ Казвина, Гуррэтъ-уль-Айнъ— „Утѣха очей“ 1); она окончила дни свои въ Тегеранѣ мученичествомъ за вѣру. Вскорѣ погибъ и мулла Хусайнъ, и многое множество бабидовъ въ неравной борьбѣ приняло „кровавую отраду“ подвига мученической смерти 2).

Бабъ пребылъ въ тяжеломъ заключеніи около двухъ лѣтъ. Многія провинціи охвачены были возстаніемъ съ цѣлью его освобожденія; наконецъ было рѣшено уничтожить ихъ причину въ корнѣ— убить Баба. Тщетно было даже заступничество шаха; Баба перевезли въ Тавризъ для совершенія казни. Передъ отбѣздомъ изъ тюрьмы Бабъ привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, заперъ въ особую шкатулку всѣ свои писанія и ключъ отъ нея вручилъ довѣренному мултѣ для передачи его уже прославленному въ то время своими выступленіями молодому Мирзѣ Хусайнъ-Али (Баха-Улла).

Казнь Баба должна была совершиться всенародно, во избѣжаніе слуховъ о возможности чудеснаго его исчезновенія; его водили по улицамъ, подвергая поруганію; вмѣстѣ съ нимъ осужденъ былъ на смерть мулла Мохаммедъ-Али. Въ моментъ казни свершилось нѣчто необычайное: первымъ залпомъ, даннымъ солдатами, убитъ былъ мулла Мохаммедъ-Али, Бабъ остался невредимымъ, перебиты были лишь связывавшія его

1) Сл. Gobineau, I, с., р. 167 sqq.; II. Цвѣтковъ, I, с., стр. 311—15.

2) О преслѣдованіяхъ и войнахъ съ бабидами сл. Gobineau, chap. VIII—X; II. Цвѣтковъ, 315—329.

веревки; народъ былъ пораженъ, но прежде чѣмъ опомнился, палачи поспѣшили ударами сабли и выстрѣлами въ упоръ прикончить Баба ¹⁾; въ теченіе нѣсколькихъ дней тѣло его влчили по улицамъ на посрамленіе, наконецъ выкинули за городскія стѣны на пожраніе хищникамъ; говорятъ, что трупъ его былъ выкупленъ бабидами у часовыхъ и скрытъ гдѣ-то въ Табризѣ. Узнавъ объ этомъ Бѣха-Улла приказалъ перевести его въ Тегеранъ, откуда тѣло, заключенное въ хрустальномъ гробу, было переправлено въ Турцію и, наконецъ, нашло послѣднее успокоеніе въ С. Жанъ д'Акрѣ ²⁾.

II.

Почва, обильно вспоенная кровью мучениковъ, дала богатую жатву; къ сектѣ бабидовъ принадлежитъ вся мыслящая и просвѣщенная Персія; всего насчитывается отъ 2-хъ до 3-хъ милліоновъ ея приверженцевъ; возможно даже, что современемъ бабизмъ станетъ господствующей религіей въ Персіи, но это вопросъ будущаго, и необходимое его условіе—широкое развитіе грамотности среди народа; пока же онъ является достояніемъ образованнаго меньшинства, а въ темныхъ массахъ названіе „баби“ часто звучитъ презрительной кличкой. — „Ни одна секта, говоритъ Броунъ, въ новѣйшее время не вынесла такого преслѣдованія и все же осталась существовать. Это движеніе ясно показываетъ мистическія тенденціи персидской мысли, фанатизмъ муллъ и варварство правителей; но всѣ усилія мусульманской церкви и государства были безсильны подавить бабизмъ или умалить то почтеніе, которое питаютъ къ Бабу всѣ признавшіе его ученіе“ ³⁾.

Въ основѣ бабизма лежитъ шиитскій догматъ объ имаматѣ. „Имаматъ есть свѣтъ, который переходитъ отъ одного къ другому и становится пророчествомъ... Имамы суть пророки и божественные люди. Божество есть свѣтъ въ пророчествѣ, которое въ свою очередь, есть свѣтъ въ имаматѣ, и міръ никогда не остается безъ этихъ знаковъ и свѣтовъ“ ⁴⁾—видимыхъ или скрытыхъ. Имамовъ было 12, но когда послѣдній изъ нихъ, Абуль-

¹⁾ Казнь Баба состоялась 9 іюля 1850 г. См. о ней П. Цвѣткова, стр. 329—32; Gobineau, 256—72.

²⁾ Сл. П. Цвѣткова, I. с., стр. 347—8.

³⁾ E. G. Browne, A Traveller's Narrative, Cambridge, 1891, v. II, p. VIII.

⁴⁾ Шахрастані, Милаль-ва-нихаль, стр. 133, 135.

Хасанъ ¹⁾, умеръ, всякое сообщеніе имама съ міромъ прекратилось, и насталъ періодъ „большого исчезновенія“.

Основатель шіитской секты „шейхи“, Шейхъ Ахмадъ Ахзаи († 1826 г.), училъ, что 12 имамовъ—олицетворенія 12 ствойствъ Божества. Его преемникъ, Сэидъ Каземъ, умирая, говорилъ муллѣ Хусайну Бушруэи: „съ какой бы стороны ни взошло солнце истины—оно освѣтитъ всѣ горизонты и сдѣлаетъ зеркало сердца вѣрующимъ способнымъ принимать блескъ лучей знанія“ ²⁾. По смерти Казема, его послѣдователи отправились на поиски этого предреченнаго „солнца истины“, ожидаемаго руководителя и, какъ мы знаемъ, мулла Хусайнъ обрѣлъ его въ Ширазѣ, въ лицѣ Бѣба, и сдѣлался его перевозваннымъ апостоломъ. Часть секты „шейхи“ послѣдовала за Хусайномъ и превратилась въ бѣбидовъ, остальные, во главѣ съ Керимъ Ханомъ, объявились враждебными Бѣбу.

Итакъ, въ 1844 г. Сэидъ Али Махоммедъ объявилъ себя Бѣбомъ, посредникомъ между скрытымъ имамомъ и людьми. Звали его также Хазрат-и-нукта-и-бэйянь, т. е. его высочество, точка откровенія. Онъ называлъ себя „Древомъ Истины“ или „Сущностью семи буквъ“.

Ученіе Бѣба, въ первоначальномъ видѣ заключается въ слѣдующемъ:

Богъ, отъ котораго все происходитъ, и которымъ все существуетъ ³⁾, вѣченъ и неприступенъ, и человѣкъ можетъ пытаться до извѣстной степени приблизиться къ Нему только черезъ особо назначенныхъ посредниковъ ⁴⁾.

Отлично отъ Бога существуетъ Первичная Воля, которая воплощается въ пророкахъ и говоритъ въ нихъ: теперь она

¹⁾ Абуль Хасанъ былъ „скрытый“ имамъ, общавшійся съ людьми лишь при посредничествѣ „бѣбовъ“, или „дверей“.

²⁾ E. Sell, Essays on islam, p. 52.

³⁾ См. Gobineau, I. c., p. 314 sqq.: Богъ создалъ міръ посредствомъ семи буквъ (или словъ, т. к. арабск. слово *хоруфъ* имѣетъ оба значенія); эти буквы суть: сила, могущество, воля, дѣйствіе, снисхожденіе, слава и откровеніе; это то, что у насъ называется свойствами, атрибутами Божества; они вмѣщаютъ въ себѣ всю жизнь и дѣйственную полноту своихъ понятій. Все существующее пребываетъ въ Богѣ: „Воистину, о созданіе мое, ты еси—Я“. Міръ исходитъ отъ Бога и къ Нему же вернется въ концѣ. Въ общемъ понятіе о Богѣ то же, что и у халдеевъ, александрийцевъ, гностиковъ и новоплатониковъ. Вселенная построена на мистическомъ соотношеніи божеств. свойствъ, звуковъ и чиселъ. Священное число бѣбидовъ—19.

⁴⁾ П. Цвѣтковъ, I. c., 3¹⁹—40.

заговорила въ Бѣбѣ, чтобы предупредить, что она будетъ говорить „въ томъ, кого Господу будетъ угодно проявить“. Это выраженіе ясно показываетъ, что Бѣбѣ считалъ себя только предтечей кого-то грядущаго за нимъ. Это выраженіе многократно повторяется въ „Бэйянъ“ ¹⁾: весь Бэйянъ обращается около словъ того, „кого Господу будетъ угодно проявить“. „Тысяча чтеній Бэйяна не равна чтенію одного стиха изъ откровенія „того, кого Господу будетъ угодно проявить“. „Въ настоящій день Бэйянъ находится въ состояніи постѣва, но въ день „того, кого Господу будетъ угодно проявить“, онъ достигнетъ степени плодоношенія“ ²⁾.

Бѣбѣ есть „точка откровенія“, т. к. Первичная Воля говорила черезъ него. Каждое проявленіе Первичной Воли отмѣняетъ предшествующее, и поэтому въ данномъ случаѣ исламъ перестаетъ быть истинной религіей... Послѣдовательно Первичная Воля говорила въ Адамѣ, Ноѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Иисусѣ и Мохаммедѣ, и каждое откровеніе говорило о слѣдующемъ. Что же касается Баба, то „онъ—вновь явившійся на землю Моисей и Иисусъ, а также воплощеніе (вѣрнѣе, представитель) всѣхъ другихъ пророковъ, въ тѣлесномъ образѣ которыхъ въ прежніе вѣка проявлялся божественный міровой духъ“ (Первичная Воля) ³⁾. Онъ—ихъ продолжатель, но и его ученіе не исчерпывающее.

Никакое откровеніе не является окончательнымъ; по мѣрѣ развитія человѣческой расы, Первичная Воля, Учитель людей, въ каждомъ новомъ откровеніи говоритъ полнѣе и яснѣе; прежніе законы не отмѣняются, но дополняются и главнымъ образомъ приготавливаютъ міръ къ послѣдующему, болѣе полному откровенію ⁴⁾.

Такимъ образомъ, пророки никогда не противорѣчатъ одинъ другому, но, сообразно времени и состоянію духовнаго развитія народа, облачаютъ одну и ту же истину въ болѣе совершенное выраженіе; учитель всегда одинъ и тотъ же, хотя и пребываетъ въ перемѣнчивой внѣшней формѣ. „Всемирный Духъ есть абсо-

¹⁾ „Бэйянъ“, т. е. Изъясненіе. Ясное Изложеніе—главный трудъ Баба, написанный имъ во время заключенія въ крѣпости Маку. Книга осталась незаключенной; ее надлежало довершить тому, „кого Господу будетъ угодно проявить“.—Кромѣ того Бабомъ написана еще „Книга Свѣта“, весьма чтимая бабдами. Содержаніе ея—главнымъ образомъ мистическое.

²⁾ E. Sell, *Essays on Islam*, p. 83; Цвѣтковъ, I. с., 341.

³⁾ И. Гольдцигеръ, *Лекціи объ Исламѣ*, Спб., 1912, стр. 252; Gobineau, I. с., p. 330. П. Цвѣтковъ, I. с., стр. 342—3.

⁴⁾ E. Sell, I. с., 86—7.

лютное добро, мы должны вѣрить, что онъ всегда имѣеть проявленіе въ мірѣ... т. е. что, во время длинныхъ промежутковъ, отдѣляющихъ одно пророческое проявленіе отъ другого, въ мірѣ должны быть молчаливыя проявленія Духа, которыя по существу являются не менѣе совершенными, чѣмъ говорящія проявленія, которыя мы называемъ пророками¹⁾.

Онъ, проявленный Богомъ, на Страшномъ судѣ будетъ судьей; праведные возвратятся къ своему первоисточнику—Богу, а злые будутъ уничтожены и обращены къ небытію. Воскресеніе, адъ и рай толкуются аллегорически; воскресеніе—пришествіе Божьяго проявленія, адъ—невѣдніе и отрицанье этого проявленія, рай есть радость пребыванія въ обрѣтенномъ Богѣ²⁾.

Праведность должна быть безкорыстной—отнюдь не въ чаяніи будущихъ наградъ. „Поклоняйся Богу такъ, что, если бы наградой за твое поклоненіе Ему былъ огонь, въ твоёмъ поклоненіи Ему не произошло бы никакой перемѣны. Если вы поклоняетесь изъ страха, это недостойно порога святости Бога, и вы не будете считаться вѣрующими; то же самое будетъ, если цѣлью вашей является рай, и вы поклоняетесь въ надеждѣ на него, т. к. въ этомъ случаѣ вы твореніе Бога сдѣлали товарищемъ Его“³⁾.

Бабъ проповѣдывалъ единство и братство, религіозную терпимость, уравнивалъ женщину въ правахъ и отмѣнялъ многоженство, разбивалъ оковы многихъ обветшалыхъ и гнетущихъ обычаевъ; онъ запрещалъ насильственные мѣры даже противъ людей, не выполняющихъ своихъ обязанностей (напр., не платящихъ налоговъ), предоставляя ихъ суду Божию. Училъ милости къ неимущимъ и слабымъ. Упраздня омертвѣлыя загромаждающія формы, онъ стремился обновить людей вѣяньемъ животворящаго Духа.

III.

Бэхà-Уллá.

„Свѣтъ, сіяющій изъ утра вѣчности и освѣщающій храмы единства“.

(Тарикъ-и-джадидъ).

Итакъ, цѣлью Баба было подобіе той, которую Іоаннъ Предтеча выполнялъ въ отношеніи Іисуса Христа: „приготовить путь

¹⁾ A year amongst the persians, p. 327.

²⁾ Цвѣтковъ, I. с., 345.

³⁾ E. Sell, Essays on Islam, p. 87—9.

Господу, прямыми сдѣлать стези Его“, но, передъ смертью, онъ не указаль опредѣленно, кѣмъ является „тотъ, кого Господу будетъ угодно проявить“. Поэтому одни изъ бабидовъ, руководствуясь неясными намеками рѣчей и писаній Баба, сочли ожидаемымъ мессіей Мирзу Хусайна Али¹⁾, другіе, не болѣе того освѣдомленные, стояли за младшаго брата его, Мирзу Яхью²⁾; это послужило причиной раскола и многолѣтней междоусобной борьбы.

Вскорѣ по смерти Баба совершенно было покушеніе на жизнь шаха Насръ-удъ-Дина, въ которомъ обвинили бабидовъ во время карательнаго разгрома, постигнувшаго эту секту, Яхьѣ удалось скрыться, а Бэхъ-Уллъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ лишь вмѣшательствомъ русскаго посланника.

Братья встрѣтились въ Багдадѣ. Яхья жилъ уединенно, и все правленіе общиной и главенство сосредоточилось въ рукахъ Бэхъ-Уллы, хотя и не надолго: противники вынудили его покинуть Багдадъ и „два года одинокимъ провести въ пустынѣ бѣгства“. Но отсутствіе дѣятельнаго руководителя привело общину въ такой упадокъ, что Бэхъ-Уллъ былъ призванъ вновь. Отнынѣ настала пора его кипучей работы. Въ этомъ же 1854 году былъ написанъ вдохновенный „Иганъ“ — „Книга достовѣрности“, окончательно убѣдившая бабидовъ въ томъ, что онъ и есть обѣщанный Бабомъ *зусуръ* (проявленіе Божественной Воли³⁾).

Объявивъ себя „тѣмъ, кого проявилъ Богъ“, Бэхъ-Уллъ начинаетъ говорить и писать уже не отъ себя, а отъ лица Божества вѣщаетъ откровенія свыше. Всѣ писанія его съ этихъ поръ носятъ названіе скрижалей (Лаухъ, мн. ч. Эльвахъ). Лаухъ, въ которомъ Бэхъ-Уллъ объявилъ себя пророкомъ, именуется „Солнце словесъ“⁴⁾.

Въ 1863 г., стараніями персидскаго духовенства и правительства всѣ багдадскіе бабиды, вслѣдствіе яростнаго гоненія принявшіе турецкое подданство, были выселены въ Адрианополь.

1) По прозвищу Бэхъ-Уллъ—Блескъ Божій.

2) По прозвищу Субх-и-Эзель—Утро Вѣчности.

3) В. Цвѣтковъ, Исламизмъ, т. IV, стр. 350 слѣд.

4) См. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. III, № 6 (Спб., 1899): А. В. Туманскій, „Китабе Акдесъ“ — „Священнѣйшая книга“ современныхъ бабидовъ, текстъ в стр. XIV—XV. — Многочисленные писанія Бэхъ-Уллы помимо „Игана“ и „Китабе Акдесъ“ извѣстны еще подъ названіемъ Узоровъ, Отблесковъ, Восходовъ, Словъ Рая.

Такъ совершилось, по словамъ лѣтописца и стихотворца Небиля, „раздираніе завѣсы“, т. е. всенародное выступленіе Бэхъ-Уллы въ качествѣ пророка. Въ это же время распря между братьями достигла высшаго напряженія, взаимныя притѣсненія, даже убійства среди сторонниковъ Бэхъ-Уллы и Субх-и-Эзеля. Даже сами братья обвиняли другъ друга въ покушеніи на свою жизнь. Наконецъ, турецкое правительство, для прекращенія смуты, заключило Субх-и-Эзеля въ крѣпость Фамагусту, а Бэхъ-Уллу въ Акру, въ Сиріи. Такъ закончились сношенія враждующихъ сторонъ; отдѣльныя убійства еще продолжались, хотя проповѣдь самаго Бэхъ-Уллы исполнена любви и непротивленія.

Къ пребыванію въ Акрѣ (или Аккѣ) относится преобразовательная дѣятельность Бэхъ-Уллы, выражавшаяся въ многочисленныхъ посланіяхъ — лаухахъ. Тамъ же написанъ, вскорѣ послѣ франко-прусской войны, главный памятникъ новаго вѣроученія — Китабе-Акдесъ — „Священнѣйшая книга“¹⁾.

Бэхъ-Улла пребылъ въ Акрѣ до конца жизни; онъ скончался 16 мая 1892 г., завѣщавъ послѣдователямъ своимъ „служеніе народамъ и улучшеніе міра“²⁾.

Умирая, Бэхъ-Улла назначилъ главою общины старшаго сына своего Аббаса-Эффенди; до 1908 г. онъ оставался въ Акрѣ, а нынѣ проживаетъ въ Хайфѣ на горѣ Кармель.

Единственный изъ европейцевъ, видѣвшій лично Бэхъ-Уллу, извѣстный ориенталистъ Е. Вронне, такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ этой встрѣчи:

...Я очутился въ огромномъ помѣщеніи, вдоль стѣны котораго до противоположнаго конца тянулся низкій диванъ... Въ углу, гдѣ диванъ соприкасался со стѣной, сидѣла необыкновенная и внушавшая почтеніе особа въ войлочномъ головномъ уборѣ... кругомъ основанія котораго былъ повязанъ небольшой бѣлый тюрбанъ. Лицо, на которое я взиралъ, я не могу изгладить изъ своей памяти, но и не могу описать. Эти пронизательные глаза, казалось, проникали въ глубину души; власть и авторитетность отражались на высокомъ челѣ; глубокія борозды на лбу и лицѣ

¹⁾ См. А. Г. Туманскаго, I. с.—М. пр., несмотря на побѣду нѣмцевъ въ этой войнѣ, Китабе-Акдесъ содержитъ въ себѣ пророчество (ст. 221): „О берега рѣки Рейна! Мы увидали васъ обгагранными кровью, ибо на васъ простерся мечъ возмездія. И это вамъ будетъ еще разъ, и мы услышимъ плачъ Берлина, несмотря на то, что теперь онъ въ явномъ почетѣ“. См. также ст. 205—10.

²⁾ См. Зап. Вост. огл. Имп. Р. Арх. Общ., т. VI (1892): „Грамота моего завѣта“, перев. А. Туманскаго, стр. 198—9.

показывали возрастъ, противорѣчившій чернымъ, какъ смоль, волосамъ и бородѣ, которая съ невыразимой роскошью спускалась почти до пояса. Не надо было и спрашивать, въ чьемъ присутствіи я находился, когда я преклонялся передъ тѣмъ, кто служить предметомъ обожанія и любви такой, которой могутъ завидовать короли, и о которой могутъ вздыхать понапрасну императоры.

Мягкій съ достоинствомъ голосъ просилъ меня присѣсть и затѣмъ сказалъ: „Хвала Богу, что ты достигнулъ!.. Ты пришелъ повидать плѣнника и изгнанника... Мы желаемъ только добра міру и счастья народамъ, а они насъ считаютъ зачинщиками раздора и соблазна, заслуживающими рабства и изгнанія... Чтобы всѣ народы пришли къ единой вѣрѣ, и всѣ люди стали бы братьями, чтобы узы любви и единства между сынами человѣческими скрѣпились, чтобы рознь религіозная перестала существовать,—какое же въ этомъ зло?.. Это теперь должно осуществиться¹⁾.

IV.

Идея вѣротерпимости Бѣба нашла широкое развитіе въ ученіи Бэхъ-Уллы: „Основной принципъ вѣры Бога и религіи Бога тотъ,—пишетъ онъ въ одномъ изъ посланій своихъ,— чтобы различныя религіи и многочисленные толки не дѣлались причиной и поводомъ ненависти. Эти основы—законы и пути твердые, незыблемые появились изъ одного источника, заблестали изъ одного восхода. Эти разнорѣчія (т. - е. различія въ религіяхъ) (вызывались) требованіями времени, эпохи: вѣковъ, столѣтій. О люди единобожія, скрѣпите поясъ старанія, быть можетъ споры и раздоры религіозные будутъ устранены и уничтожены среди людей міра. Ради любви къ Богу и Его рабамъ воспряньте для этого великаго и важнаго дѣла. Религіозная ненависть и злоба есть огонь, сжигающій міръ, и тушеніе его очень трудно, развѣ только рука божескаго могущества дастъ спасеніе людямъ отъ этого рокового несчастія“²⁾.—„Живите въ общеніи съ другими религіями и старайтесь утвердить дѣло Господа вашего милосерднаго. Это вѣнецъ добрыхъ дѣяній, разъ вы изъ познающихъ“.—„Живите съ (другими религіями) въ спокойствіи и пріязни, дабы обрѣли онѣ отъ васъ благоволеніе Ми-

¹⁾ E. Browne, A. Traveller's Narrative, II, 209—10, 370.

²⁾ E. Browne, A. Traveller's Narrative, I, 91 и 92 тексты. См. у Туманскаго, I с., стр. XXVI, прим. 1.

онъ получилъ видѣніе истины“, и т. п. Христово воскресеніе, вознесеніе и пр. толкуется также символически. —Страшный судъ, рай и адъ —аллегоріи ¹⁾).

„Въ гл. XI, ст. 1 и 2 Откровенія св. Іоанна сказано: „И дана мнѣ трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измѣрь храмъ Божій и жертвенникъ и поклоняющихся въ немъ“...—Эта трость обозначаетъ совершеннаго человѣка, который сравнивается съ тростникомъ, и значеніе этого сравненія слѣдующее: когда внутренность тростника вынута, и когда онъ освобожденъ отъ всего содержимаго, можно извлекать изъ него чудныя мелодіи. И подобно тому, какъ пѣніе и звукъ не идутъ отъ тростника, но въ дѣйствительности музыка идетъ отъ играющаго на флейтѣ, который дуетъ внутрь, такъ же эта благословенная особа имѣетъ сердце святое, свободное и изъятое отъ всего, что не есть Богъ, очищенное и освобожденное отъ всѣхъ человѣческихъ условій, и она является лишь спутницей божественнаго Духа. Его слова не исходятъ отъ него, но отъ истиннаго игрока на флейтѣ, и является божественнымъ вдохновеніемъ. Вотъ почему онъ сравниваетъ его съ тростникомъ. И этотъ тростникъ подобенъ жезлу, т. е. что онъ есть помощь слабымъ и поддержка созданныхъ существъ; это — жезлъ божественнаго пастыря, съ помощью котораго онъ заставляетъ пасти свое стадо и ведетъ его въ долины Царства“. — Сказано мнѣ: „встань и измѣрь и т. д.; размѣрять, это — находить количество. И такъ ангель сказалъ: сравни святая святыхъ и алтарь, и тѣхъ, которые въ данный моментъ молятся тамъ; т. е. открой, каково ихъ истинное состояніе, узнай, въ какой степени и въ какомъ положеніи они находятся, и каково ихъ состояніе, ихъ совершенство, ихъ поведеніе, ихъ качества; постигни тайны этихъ святыхъ душъ, которыя имѣютъ мѣсто въ святая святыхъ, въ состояніи чистоты и святости“ ²⁾).

Эти и послѣдующія слова Откровенія имѣютъ еще и другое символическое значеніе, напр., святая святыхъ обозначаетъ духовный, вѣчный, неизмѣняемый законъ, постоянно повторно возвѣщаемый Учителями и т. п., но ограниченная цѣль этой статьи, къ сожалѣнію, не даетъ возможности распространиться на эту тему.

Нравственныя и религіозныя предписанія Бэха-Уллы возвышенны и чисты; въ вопросахъ культа упраздненъ сложный ри-

¹⁾ См. П. Цвѣтковъ, I. с. стр. 394—7.

²⁾ См. П. Цвѣтковъ, I. с., стр. 368—9.

гуаль мусульманъ; поощряется пѣніе молитвенныхъ стиховъ „лучшимъ напѣвомъ“ и музыка, какъ „ступени для поднятія душъ на высшій горизонтъ“. Законы общежитія значительно проще мусульманскихъ; бракъ—священное таинство, многоженство воспрещено; рабство уничтожается, такъ какъ всѣ люди—одинаково рабы Бога. Въ одеждѣ требуется соблюдать крайнюю чистоту и изящество. Особенно предписывается просвѣщеніе и обученіе, ибо „наука—это крылья для существа и ступени для поднятія“. Къ монашеству и самоистязанію отношеніе отрицательное. Воспрещается исповѣдь кому бы то ни было, кромѣ Бога. Строго порицается тунеядство. Отмѣняется *кибле*, т. е. религиозное поклоненіе въ сторону Мекки, либо Иерусалима: „Кибле это тотъ—кого проявитъ Богъ“, ему надлежитъ кланяться и почитать его.

Управленіе бѣхайтской общиной вѣрено Дому Справедливости (бейт-уль-адль): „Пѣстунъ міра—справедливость, т. к. искусство управленія зиждется на 2-хъ основахъ: воздаяніи и возмездіи. И эти двѣ основы — два источника жизни обитателей вселенной. Всѣ дѣла (общины) возложены на управляющихъ Домомъ Справедливости“, дабы они приводили въ дѣйствіе то, что считаютъ цѣлесообразнымъ въ данное время“¹⁾. Такой домъ бываетъ въ каждомъ городѣ, гдѣ живутъ бабиды; число членовъ 19; всѣ бабиды на дѣла дома справедливости отчисляютъ изъ своихъ средствъ опредѣленный взносъ. Всѣ обязаны повиноваться членамъ дома, какъ пастырямъ, которымъ самъ Богъ поручилъ блюсти Свое стадо.

...„Такъ заволновалось море глагола и выбросило жемчужины постановленій отъ Владыки рода человѣческаго 2)“...

Въ заключеніе считаю нужнымъ привести извѣстную мнѣ библиографію, помимо книгъ упомянутыхъ въ текстѣ.

С. Уманецъ, Очеркъ разв. религ.-филос. мысли въ Исламѣ, Спб., 1890. (Современный бабизмъ).

В. Тимирязевъ, Религ. вѣрованія древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Спб., 1900 (см. статью Броуна).

Мирза Каземъ-Бекъ, Бабъ и бабиды. Спб., 1865.

Edw. Granville Browne. The Bábis of Persia. I Sketch of their History... II Their Literature and Doctrines (Journ. of the R. Asiat. Soc. of Gr. Britain and Ireland. 1889. v. XXI (Nw.

¹⁾ 13-ая благая вѣсть.

²⁾ Китабе Акдесъ, ст. 80.

Series) pp. 486—526 и 881—1009. („Необыкновенная цѣнность новооткрытыхъ фактовъ и матеріаловъ"—по отзыву бар. В. Розена въ Зап. Вост. Отд., т. VII, 370 слѣд.).

E. G. Browne. Some Remarks on the Bábí Texts edited by Bar. Y. Rosen... (Journ. of the R. As. Soc., 1892, v. XXIII (N. S.), pp. 259—335.

E. G. Browne, Catalogue and description of 27 Bábí Manuscripts (Ibid., p. 433—499 и 637—710). („Неоцѣнимое пособие для уразумѣнія самыхъ корней ученія Баба" — по словамъ бар. В. Розена).

E. G. Browne, The Tarikh-i-Jadid.

А. Веселовская.

Зло одно отъ другого получаетъ силу; подобнымъ образомъ и добро возрастаетъ одно отъ другого, и того, въ комъ одно есть, побуждаетъ къ большему.

Не знающій истины, не можетъ и вѣровать истинно. Ибо вѣдѣніе по естеству предваряетъ вѣру.

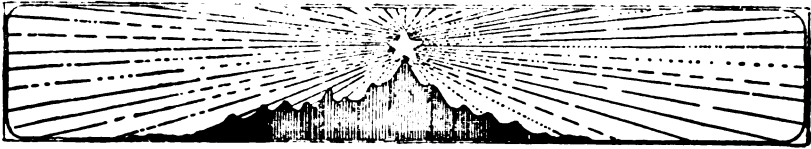
Какъ каждый видимой вещи Богъ опредѣлилъ среднее ей свойство, такъ и человѣческимъ помысламъ, хотимъ ли мы этого или не хотимъ.

Бывъ кѣмъ либо обиженъ, поруганъ, или изгнанъ, не о настоящемъ думай, не ожидай будущаго: и найдешь, что онъ былъ тебѣ виновникомъ многихъ благъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ вѣкѣ.

Если не хочешь терпѣть зла, то не желай и дѣлать зла.

Согрѣшивши, обвиняй не дѣйствіе, а мысль. Ибо если бы умъ не предшествовалъ, то и тѣло не наслѣдовало бы.

Св. Францискъ де-Саль.

Предвидѣніе будущаго.

Ч. Ледбитера.

Очень трудно объяснить, какъ можно предвидѣть будущее, но что его можно предвидѣть—это фактъ. Кромѣ очевидныхъ случайныхъ картинъ и проблесковъ на почвѣ интуиціи, часто дѣйствительныхъ, но не поддающихся провѣркѣ, имѣется два пути, на коихъ можетъ быть вполне опредѣленно предвидѣно будущее при помощи высшаго ясновидѣнія. Одинъ изъ нихъ легко объяснимъ и понятенъ; другой—совершенно не можетъ быть объясненъ.

Даже при помощи только физическихъ чувствъ мы можемъ достаточно знать, чтобы предсказывать нѣкоторыя вещи. Если, напримѣръ, мы видимъ человѣка, ведущаго сумасбродную жизнь съ полною распушенностью нравовъ, мы можемъ безошибочно предсказать, что даже если онъ перемѣнится, онъ неизбѣжно потеряетъ и здоровье, и счастье. Мы не можемъ сказать при помощи физическихъ средствъ—перемѣнится онъ или нѣтъ. Но человѣкъ, который имѣетъ высшее ментальное зрѣніе, можетъ это, ибо ему видны скрытыя силы другого человѣка; онъ можетъ видѣть, что думаетъ обо всемъ этомъ Его, и достаточно ли оно сильно, чтобы направлять волю. Но одно физическое предсказаніе не будетъ достовѣрнымъ, ибо многія причины, вліяющія на жизнь, не могутъ быть видимы изъ этой низшей области. Когда-же мы перемѣстимъ наше сознаніе въ высшія области, то получимъ возможность уяснить себѣ большее количество причинъ и такимъ образомъ сумѣемъ сдѣлать болѣе точныя заключенія.

Очевидно, если *все* причины могутъ быть видимы въ совершенствѣ и оцѣнены, то и результаты ихъ можно легко вывести. Вѣроятно никто, кромѣ, Логоса не можетъ ясно сознать

всѣ причины въ Его системѣ, но Посвященный способенъ несомнѣнно видѣть *все*, что можетъ вліять на обыкновеннаго человѣка; слѣдовательно, вполне возможно, что Посвященный, при помощи такого способа, можетъ почти въ совершенствѣ предсказать жизнь обыкновеннаго человѣка. Обыкновенный человѣкъ обладаетъ, сравнительно, слабою волею; карма опредѣляетъ для него различныя ограниченія, и онъ является твореніемъ этихъ ограниченій; онъ считаетъ свою участь какъ бы назначенною извнѣ, ибо онъ не знаетъ, что можетъ измѣнить ее. Болѣе развитой человѣкъ владѣетъ своею судьбою и самъ формируетъ ее; онъ дѣлаетъ свое будущее такимъ, какимъ хочетъ имѣть его, противодѣйствуя кармѣ будущаго проявленіемъ новыхъ силъ. Поэтому о его будущемъ что-либо сказать не такъ легко; но, даже въ такихъ случаяхъ, Посвященный, видящій скрытыя стремленія, безъ сомнѣнія, можетъ вывести заключеніе о томъ, какъ такой человѣкъ проявитъ ихъ.

Такой методъ предвидѣнія будущаго совершенно понятенъ, а потому ясно, что главныя событія какой-либо жизни могутъ быть предсказаны по этому способу.

Но имѣется другой способъ, который нельзя такъ легко объяснить. Человѣкъ, способный на это, перемѣщаетъ свое сознаніе въ достаточно высокую область для того, чтобы узнать то ограниченіе, которое называется непроявленнымъ временемъ, и тогда прошедшее, настоящее и будущее раскрывается передъ нимъ, подобно раскрытой книгѣ. Какъ примирить это со свободою дѣйствій—я не могу сказать, но я могу утверждать, что это фактъ; когда употребляется такое зрѣніе, будущее находится въ его полѣ до мельчайшихъ подробностей.

Я совершенно увѣренъ, что мы *обладаемъ* свободою выбора, но только въ нѣкоторыхъ предѣлахъ; однако, сила, несравненно большая по размѣрамъ, чѣмъ наши силы, прекрасно знаетъ, какъ мы *должны* выбирать. Вы знаете, что сдѣлаетъ ваша собака при извѣстныхъ условіяхъ, но это нисколько не *заставитъ* ее сдѣлать это; также и сила, значительно превышающая человѣка, настолько же, насколько человѣкъ превышаетъ собаку, можетъ въ совершенствѣ знать, *какъ* человѣкъ используетъ свою частицу свободной воли.

Ибо это дѣйствительно только частица; планъ Логоса состоитъ въ томъ, чтобы довѣрить намъ только незначительную долю независимости и посмотрѣть, что мы будемъ съ нею дѣлать. Если мы используемъ ее хорошо и мудро, намъ дастся

немного больше свободы; и пока мы будемъ поступать въ согласіи съ Его великими предназначеніями, мы будемъ получать все болѣе и болѣе свободы выбора. Но если мы будемъ настолько неразумны, что употребимъ этотъ даръ себялюбиво, причинимъ вредъ себѣ и нарушимъ Его планъ, нашимъ дѣйствіямъ будетъ поставлена препона и мы пойдемъ назадъ въ своемъ развитіи. Дитя должно получить свободу, чтобы ходить, хотя бы въ этой свободѣ и заключалась опасность для него упасть, иначе оно никогда не научится ходить; но никто не позволитъ ему дѣлать эти опыты на краю бездны. Точно такъ же и мы имѣемъ свободу, достаточную, чтобы причинить себѣ небольшое зло, если употребимъ ее ошибочно; но свобода эта не настолько велика, чтобы мы могли совершенно погубить себя.

По временамъ выборъ будетъ предоставленъ намъ, но въ промежуткахъ свобода наша будетъ очень ограничена. Разъ мы сдѣлали нашъ выборъ, мы должны подвергнуться его послѣдствіямъ. Если разсматривать все это сверху, то человѣческая судьба покажется сѣтью желѣзнодорожныхъ линій. Человѣкъ отправляется на локомотивѣ и выбираетъ свою линію рельсъ, но когда онъ уже выбралъ линію, то долженъ и двигаться по ней, не имѣя возможности уклониться вправо или влево, пока не достигнетъ первой серіи стрѣлокъ. Тогда онъ можетъ сойти и установить стрѣлки по своему желанію, но, установивъ ихъ и отправившись въ путь, онъ долженъ принять послѣдствія своего рѣшенія; онъ не будетъ имѣть силы свернуть въ сторону, пока слѣдующая точка выбора не встрѣтится на его пути. Мы не должны смѣшивать свободной воли со свободою дѣйствія.

Для того, чтобы вполнѣ овладѣть способностью предусматривать будущее при помощи одного изъ описанныхъ способовъ, требуется значительное развитіе; но отдѣльныя картины предвидѣнья могутъ получаться и на низкомъ уровнѣ развитія. То, что въ Шотландіи называется вторымъ зрѣніемъ, можетъ являться примѣромъ такого предвидѣнья; при этомъ событіе будущаго бываетъ нерѣдко видимо съ очень большимъ количествомъ подробностей.

Мнѣ вспоминается одинъ записанный случай, когда ясно-видящій сказалъ сомнѣвающемуся, что человѣкъ, извѣстный имъ обоимъ, умретъ въ опредѣленное время; сверхъ того, онъ далъ подробное описаніе его похоронъ, обозначивъ имена тѣхъ, которые будутъ поддерживать края покрова. Сомнѣвающійся высмѣялъ все предсказаніе; но когда подошло означенное время,

указанный человекъ умеръ, какъ было предсказано. Сомнѣвающийся хотя и былъ пораженъ, но еще болѣе того раздраженъ и порѣшилъ, что конецъ исторіи *не долженъ* осуществиться; для этого онъ порѣшилъ вмѣшаться и измѣнить конецъ предсказанія. Онъ устроилъ такъ, что самъ онъ былъ избранъ однимъ изъ поддерживающихъ покровъ; но когда подошелъ день погребенія, и процессія была готова къ выходу, онъ былъ на одинъ моментъ отозванъ въ сторону, а когда вернулся, то увидѣлъ, что процессія уже двинулась, и поддерживающими покровъ явились именно тѣ, что были зрими въ моментъ ясно-видѣнія.

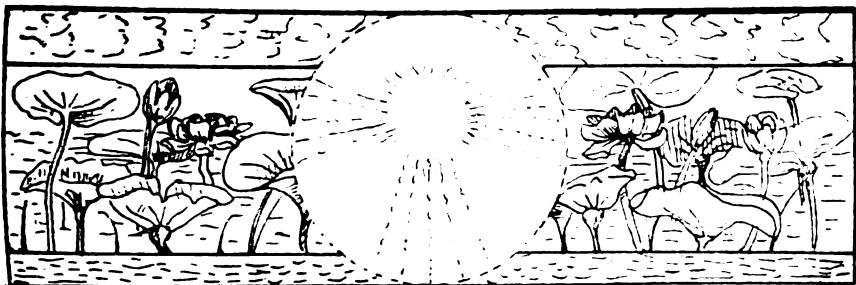
Я самъ наблюдалъ подобныя картины событій будущаго — событій, не имѣющихъ лично для меня ни интереса, ни возможности примѣненія, насколько я могъ понять; но онѣ всегда сбывались такъ, какъ я ихъ видѣлъ, каждый разъ, когда имѣлась возможность провѣрить ихъ.

Мысль *Логоса* создала всю жизнь Своей системы, и не только въ настоящемъ ея состояніи, но и въ каждомъ моментѣ ея прошедшаго и также въ каждомъ моментѣ ея будущаго. И Его мысль вызываетъ къ проявленію то, о чемъ Онъ думаетъ.

Эти мыслеобразы пребываютъ неизмѣримо выше нашихъ семи проявленныхъ плановъ. Онъ измышляетъ то, что по Его намѣренію должна выполнить каждая изъ планетныхъ цѣпей; Онъ входитъ во всѣ подробности, Онъ мыслитъ человѣческой типъ для каждой коренной расы и подрасы, съ самого начала, черезъ Лемурийскій, Атлантскій, Арійскій періодъ и включая послѣдующія грядущія расы. Такимъ образомъ, можно сказать, что на этомъ космическомъ ментальномъ планѣ вся наша міровая система была вызвана къ существованію одновременно Его мыслью—актомъ спеціальнаго творчества, и вся она должна быть одновременно передъ Нимъ. Такимъ образомъ, Его могущественное сознаніе отражается до извѣстной степени даже и на низшихъ планахъ бытія, и благодаря этому мы можемъ отъ времени до времени получать слабыя прозрѣнія въ Его отраженную мысль.

Пер. И. А.

Письма живого усопшаго.

Э. Баркеръ.

Продолженіе.

Письмо XLIV.

Невидимые рождественскіе дары.

Еще не поздно пожелать вамъ веселыхъ рождественскихъ праздниковъ.

Какъ я узналъ, что у васъ Рождество? Я заглянулъ въ знакомые мнѣ дома и увидаль тамъ деревья, увѣшанныя блестящими украшеніями и дарами. Васъ удивляетъ, что я могъ видѣть ихъ? Но вы забываете, что мы освѣщаемъ свое мѣсто, а когда мы знаемъ; *какъ* нужно смотрѣть, мы начинаемъ видѣть позади покрывала.

Я не могу прислать вамъ матерьяльный даръ, который бы вы могли повѣсить на свое рождественское дерево; но я могу послать вамъ доброе пожеланіе къ празднику.

Матери, покинувшія маленькихъ дѣтей на землѣ, хорошо знаютъ, когда на землѣ приближается Рождество. Иногда онѣ приносятъ невидимые дары, сдѣланные силою воображенія и любви изъ тонкой субстанціи этого міра. Я видѣлъ одну бабушку, которая въ теченіе всего сочельника разбрасывала цвѣты вокругъ своихъ любимыхъ внучатъ. Благоуханіе этихъ цвѣтовъ должно было проникнуть и въ атмосферу земли.

Не приходилось ли вамъ когда-нибудь почувствовать вне-

запно нѣжный ароматъ, который исходилъ непонятно откуда? Если да, то возможно, что кто-нибудь, любя, осыпалъ васъ невидимыми цвѣтами. Любовь сильнѣе смерти.

Обычай праздновать Рождество очень хорошъ, если вы не забываете истиннаго значенія этого праздника. Для однихъ онъ означаетъ рожденіе духа смиренія и любви; и хотя любовь и смиреніе были въ мірѣ и прежде появленія Иисуса изъ Назарета, но никогда, ни раньше, ни позднѣе, не приходили они съ такою могучей силой. Были ли Виелесмскія ясли физической реальностью или символомъ, это не дѣлаетъ никакой разницы.

Странникъ, такой какъ я, желающій перенестись въ опредѣленное небо, долженъ прежде всего почувствовать то же, что чувствуютъ души, наслаждающіяся этимъ небомъ, и тогда только можетъ онъ вступить въ общеніе съ ними. Онъ никогда не можетъ оставаться только простымъ зрителемъ. Вотъ почему я лично избѣгаю того, что называютъ адомъ; но небеса я посѣщаю часто. Посѣщалъ я и христіанскія небеса и знаю ихъ красоту. „Въ домѣ Отца Моего обителей много“. Это вѣрно.

Былъ я также и въ чистилищѣ римскихъ католиковъ. Не относитесь высокомѣрно къ тѣмъ, кто заказываетъ мессы для упокоенія души усопшаго. Бываетъ, что его душа сознаетъ такую заботу о немъ. Она можетъ даже слышать музыку и пѣніе, а иногда до нея можетъ достигать и вѣмѣмъ; но главное—души усопшихъ чувствуютъ силу мысли, направленную къ нимъ. Чистилище реально въ смыслѣ реального переживанія. Если вы хотите называть его сномъ, называйте, но сновидѣнія бываютъ иногда страшно реальны.

Даже и тѣ изъ перешедшихъ сюда, которые не вѣрятъ въ чистилище, испытываютъ временно большую грусть, пока не приспособятся къ новымъ условіямъ здѣшней жизни. Но если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что они были въ чистилищѣ, они бы отнеслись къ этому заявленію отрицательно, и тѣмъ не менѣе признались бы, что состояніе ихъ было мучительно. Самый вѣрный путь для того, чтобы избѣжать этотъ тяжелый переходный періодъ, это—переходить въ иной міръ съ полной вѣрой въ безсмертіе, съ полной вѣрой въ силу души творить условія своего существованія.

Недавно мое сердце переполнилось любовью ко всѣмъ людямъ, и душа моя была полна *идеей* Христа. Вѣроятно, благодаря этому, я легко поднялся въ самыя высокія изъ христіанскихъ небесъ; и я увидалъ Того, кого называютъ Спасителемъ, во

всей Его красотѣ. Онъ тоже спускается по временамъ въ вашъ міръ.

Не знаю, смогу ли я вамъ объяснить это? Любовь Христа всегда присутствуетъ въ мірѣ, ибо всегда существуютъ сердца, которыя поддерживаютъ ея свѣтъ. Если бы мысль о Христѣ-Искупителѣ поблекла въ земномъ мірѣ, Онъ, по всей вѣроятности, возвратился бы на землю, чтобы снова зажечь пламя въ человѣческихъ сердцахъ; и что бы ни думали позитивно-настроенные умы, никогда не была эта идея болѣе реальна, чѣмъ теперь.

Міръ совсѣмъ не въ такомъ плохомъ состояніи, какъ нѣкоторые думаютъ. Не удивляйтесь, если скоро настанетъ настоящее возрожденіе духовности. Все на свѣтѣ подвержено закону ритма.

Ангелы Христіанскихъ небесъ знаютъ, когда празднуется Рождество на землѣ. Иисусъ Назаретскій есть реальность. Какъ духовное тѣло, Онъ существуетъ во времени и пространствѣ; какъ Христость, какъ прообразъ духовнаго человѣка, Онъ существуетъ въ сердцахъ всѣхъ людей, въ которыхъ пробуждена эта идея. Онъ—то же, что Свѣтъ, отраженный во множествѣ водяныхъ капель. Онъ образецъ величайшаго Учителя. Онъ усвоилъ Законъ и провелъ его черезъ свою жизнь. И когда Онъ сказалъ: „Отецъ и Я—Мы одно“, Онъ этимъ указалъ всѣмъ людямъ, какъ осуществить въ себѣ высокую ступень Учителя. И если кто либо спроситъ, какова цѣль земной жизни, скажите имъ, что цѣль эта—эволюція Учителя изъ человѣка. Вѣчность долга. Цѣль свѣтитъ для каждаго, у кого есть сила, а кто не въ силахъ вести, тотъ можетъ служить.

Я не рѣшусь сказать, что каждый изъ насъ достаточно силенъ, чтобы достигнуть Учительства; но никто изъ насъ не можетъ быть настолько слабымъ, чтобы не имѣть хотя бы небольшой части въ великой задачѣ развитія Учителя изъ человечества. Великое счастье служить. И тѣ, которые служатъ, получаютъ свою награду.

Большая ошибка, которую дѣлаютъ всѣ, оспаривающіе проблему эволюціи, состоитъ въ непониманіи факта вѣчности, какъ вѣчности, въ непониманіи, что быть безсмертнымъ значить не имѣть ни начала, ни конца. Времени достаточно для развитія, если не въ одномъ циклѣ жизни, то въ другомъ, который послѣдуетъ за нимъ; ибо ритмъ не прекращается.

Пока я былъ на землѣ, я не владелъ идеей безсмертія; и

только здѣсь, когда я началъ собирать нити моего собственнаго прошлаго, я понялъ. Болѣе всего помогло мнѣ въ этомъ то явленіе, которое я знаю, какъ „Прекрасное Существо“; оно научило меня упиваться торжествомъ безсмертія, оно, которое играетъ съ безконечностью, какъ дитя играетъ съ шариками.

Когда Прекрасное Существо говоритъ: „я есмь“, вы чувствуете также, что и вы есть. Когда Прекрасное Существо говоритъ: „Я срываю столѣтія, какъ дитя обрываетъ лепестки маргаритки и отбрасываю плодоносное сердце, чтобы выросли цвѣты, приносящіе новыя столѣтія“, вы испытываете—но нѣтъ такихъ словъ, которыя могли бы выразить восторгъ безсмертія, который чувствуешь подѣ влияніемъ радости Прекраснаго Существа.

Вы совсѣмъ забываете, что считали себя существомъ изъ плоти, когда этотъ свѣтлый геній сознательнаго безсмертія ликуетъ въ упоеніи своимъ собственнымъ бытіемъ. Когда Прекрасное Существо беретъ васъ съ собой на прогулку по „небеснымъ лугамъ“, вы чувствуете себя какъ одинъ изъ сонаслѣдниковъ вселенскихъ владѣній.

Прекрасное Существо было со мной въ тотъ разъ, когда я достигнулъ высочайшихъ христіанскихъ небесъ. Если бы я могъ выразить то, что я тамъ испыталъ, возможно, что вы начали бы спѣшить сюда, а вы должны оставаться на землѣ еще долгое время, вы должны познать реальность безсмертія, оставаясь во плоти, и должны передать другимъ это знаніе.

Я говорилъ вамъ о тѣхъ небесахъ, въ которыхъ пребываютъ обыкновенные добрые люди; но тѣ, которые любятъ Бога съ глубокой страстью, тѣ достигаютъ такихъ высотъ созерцанія и экстаза, какихъ человѣческая рѣчь не въ состояніи описать. Рядомъ съ Прекраснымъ Существомъ я испыталъ эти экстазы прошлую ночь, когда вы были погружены въ сонъ.

Гдѣ буду я въ слѣдующій Рождественскій сочельникъ? Гдѣ-нибудь во вселенной; ибо мы не можемъ покинуть ее, если бы даже захотѣли. Вселенная не можетъ обойтись безъ насъ, она была бы неполна. Возьмите эту мысль съ собой въ наступающій Новый Годъ.

Письмо XLV.

Высшій міръ грезъ.

Я давно не былъ у васъ потому, что занятъ былъ опытомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ сюда, я такъ часто ви-

дѣль мужчинъ и женщинъ, находящихся въ состояніи субъективной радости блаженныхъ сновидѣній, если можно употребить это слово,—что я рѣшилъ въ свою очередь провести нѣсколько дней, погружившись въ свой внутренній міръ, чтобы испытать то же самое, что испытываютъ они. Я долго колебался, потому что не хотѣлъ засыпать на долгій срокъ и терять время, цѣнное и для меня, и для васъ.

Но когда я однажды выразилъ передъ Учителемъ мое желаніе посѣтить высшую страну грезъ, заключенную въ моемъ собственномъ сознаніи, и высказалъ страхъ, что я могу надолго заснуть, — онъ обѣщалъ найти меня и пробудить ровно черезъ семь дней по земному исчисленію, если я самъ не проснусь ранѣе этого срока. „Ибо, сказалъ онъ, вы можете установить въ своемъ сознаніи будильникъ, на который можно вполне положиться“.

Этотъ фактъ былъ мнѣ извѣстенъ по прежнимъ опытамъ, но я боялся, что психическій сонъ глубже обыкновеннаго земного сна, и что мой будильникъ не начнетъ дѣйствовать въ назначенное время.

Во время земной жизни, я часто слышалъ разсужденіе о томъ, что духи, вступающіе въ общеніе со своими друзьями, почти ничего не говорятъ о своей потусторонней жизни. Очень возможно, что причиной служитъ неувѣренность въ томъ, что ихъ поймутъ, если бы они вздумали описать свое новое существованіе, до того оно разнится отъ жизни на землѣ.

Кромѣ того, большинство пребывающихъ здѣсь душъ впадаетъ въ состояніе грезъ или сновидѣній, которыя и я рѣшилъ испытать на себѣ. Нѣкоторыя души просыпаются отъ времени до времени, и тогда онѣ могутъ проявить интересъ къ явленіямъ и людямъ на землѣ; но если сонъ очень глубокъ, и душа желаетъ покинуть все земное, тогда это подсознательное состояніе можетъ длиться непрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ и даже столѣтій. Но душа, которая въ состояніи спать въ теченіе столѣтій, принадлежитъ вѣроятно къ тѣмъ душамъ, жизненный ритмъ которыхъ очень медлененъ.

Итакъ, передъ тѣмъ какъ погрузиться въ глубокой сонъ я наложилъ на себя зарокъ оставаться недолго въ этомъ состояніи.

Да, эта страна грезъ внутри меня самого была поистинѣ полна чудесъ! На языкѣ теософовъ это, навѣрное, и означаетъ ихъ отдыхъ въ блаженствѣ Девакана. Но какъ бы ни называть

это переживаніе, оно стоитъ того, чтобы оставаться незабвеннымъ.

Я закрылъ глаза и погрузился глубже, чѣмъ мысль, туда, гдѣ безпокойныя волны жизни затихаютъ, и душа становится лицомъ къ лицу съ собой и со всѣми чудесами прошлаго. Въ этомъ состояніи все очаровательно. И если при этомъ душа способна запоминать свои сновидѣнія, какъ это было со мной, въ такомъ случаѣ состояніе грезящаго несравнимо ни съ чѣмъ.

Погружаясь, я рѣшилъ наслаждаться, и я дѣйствительно наслаждался. Я нашелъ тамъ призраки всѣхъ, кого любилъ въ земной жизни. Они улыбались мнѣ, и я позналъ тайну каждаго изъ нихъ, и что именно притягивало насъ другъ къ другу.

Я нашелъ тамъ и всѣ мои старыя честолюбивыя мечты, и я наслаждался плодами всѣхъ моихъ трудовъ на землѣ. Прекрасный міръ, розовый какъ весенняя заря, этотъ внутренній міръ души, и каждое желаніе сердца пребываетъ въ немъ. Не удивительно, что напряженная земная жизнь бываетъ такъ часто тяжелой и утомительной: эта жизнь грезь, слѣдующая за ней, такъ прекрасна, что равновѣсіе должно быть соблюдено.

Отдыхъ! Покой! На землѣ вы не знаете значенія этого слова. Я отдыхалъ только семь дней; но до такой степени возстановились мои силы, такъ освѣжились оргѣ, что не будь у меня иныхъ нагѣреній, я могъ бы, кажется, снова вернуться на землю.

Не пренебрегайте отдыхомъ, вы, которые продолжаете вести трудовую жизнь подъ лучами земного солнца. Ибо первый лишній часъ полного покоя увеличиваетъ вашу трудоспособность. Не бойтесь. Вы не расточаете времени, когда вы тихо лежите и мечтаете. Какъ я уже говорилъ, вѣчность долга. Существуетъ достаточно придорожныхъ убѣжищъ для отдыха на пути слѣдованія цикловъ времени.

Если вамъ хочется долгаго, долгаго небснаго отдыха что же, пользуйтесь имъ. Наслаждайтесь имъ даже на землѣ, если это привлекаетъ васъ. Не будьте всегда въ напряженіи, даже и въ вашемъ литературномъ трудѣ. Идите на просторъ и затѣйте игру съ бѣлками, или растянитесь у горящаго каминна и мечтайте вмѣстѣ съ домашней вашей кошкой. Кошка, наслаждающаяся дремотой у тлѣющаго очага, наслаждается точно такъ же и ловлей мышей, смотря по настроенію. Она не можетъ, вѣчно охотиться, также и вы.

Попробуйте когда-нибудь погрузиться въ Деваканъ, и вы

увидите, до какой степени это освѣжить васъ. Можетъ быть, я невѣрно употребляю слово „деваканъ“, вы знаете, что я никогда не былъ силенъ въ теософическихъ ученiяхъ. Такъ, я слышалъ, что Нирвана опредѣляется какъ состоянiе въ высшей степени напряженнаго движенiя, до того быстрого, что оно кажется неподвижнымъ, подобно пущенному волчку или крыльямъ летящаго колибри. Но Нирвана не для всѣхъ людей, по крайней мѣрѣ, не для всѣхъ современныхъ людей:

Я упомянулъ о чудесахъ моего блаженнаго семидневнаго отдыха, но я не могу описать ихъ. Развѣ это возможно? Одинъ великiй поэтъ сказалъ однажды, что нѣтъ мысли, и нѣтъ чувства, которое не могло бы быть выражено словами. Можетъ быть, онъ потерялъ свою увѣренность теперь, когда провелъ около бо-ти земныхъ лѣтъ въ этой странѣ чудесъ.

Когда я рѣшилъ насладиться отдыхомъ, я приказалъ своей душѣ сохранить всѣ мои сновидѣнiя. Конечно, я не могу сказать, не ускользнуло ли которое-нибудь изъ нихъ, какъ и вы, просыпаясь, не можете сказать, всѣ ли ночныя переживанiя сохранились въ вашей памяти. Но, когда я вернулся въ нормальную жизнь этого мiра, которую вы называете астральной, я чувствовалъ себя, какъ путешественникъ, возвратившiйся изъ дальняго странствованiя съ запасомъ чудесныхъ приключенiй, которыя ему не терпится рассказать. Но только я не рассказывалъ ихъ никому. И кто бы сталъ слушать эти грезы и видѣнiя? Я не хочу надобѣдать никому, даже и моимъ „развоплощеннымъ“ сожителямъ. Будь тутъ Ляйонель, я позабавилъ бы его моими рассказами; но онъ потерянь для меня на время.

Кстати, въ его случаѣ, почти совсѣмъ не было деваканическаго отдыха. Оттого ли, что, перейдя сюда такъ рано, онъ не успѣлъ исчерпать нормальный ритмъ? Возможно. Если бы онъ остался здѣсь до полнаго возраста, онъ бы также устремился къ болѣе глубокому внутреннему мiру. Но я не хочу разсуждать; это — лѣтопись переживанiй, разсужденiя я предоставляю вамъ.

Я нашелъ въ моемъ мiрѣ грезъ прекрасное, невыразимо прекрасное лицо. Я не скажу вамъ чье; пусть это останется моей тайной. Несомнѣнно, я видѣлъ много лицъ, но одно было всѣхъ прекраснѣй, и это не было лицо „Прекраснаго Существа“. Прекрасное Существо я вижу только тогда, когда обладаю вполне яснымъ сознаниемъ, когда я бодрствую. Я никогда не видѣлъ его во снѣ, лишь его призракъ проносился передо мной въ сновидѣнiяхъ. Въ странѣ грезъ, о которой идетъ рѣчь, мы

видимъ лишь то, что существуетъ въ нашемъ собственномъ сознаніи. Тамъ нѣтъ вещей, только воспоминанія о вещахъ, только изображенія ихъ.

Воображеніе творитъ въ этомъ мірѣ, какъ оно творитъ въ нашемъ: оно настоящимъ образомъ формуетъ изъ тончайшей субстанции; но въ этой области, которую я назвалъ „высшей областью грезъ“, я не думаю, чтобы мы формовали изъ субстанции. Это—міръ свѣтовыхъ и тѣневыхъ картинъ, слишкомъ тонкихъ, слишкомъ неувидимыхъ, чтобы можно было описать эту волшебную игру свѣта и тѣни. Словами этого не передашь. Развѣ вы можете описать ароматъ цвѣтовъ? Развѣ вы расскажете, какъ ощущается поцѣлуй? И даже, если бы вы вздумали рассказать любую испытанную эмоцію, напримѣръ, страхъ — развѣ человекъ, никогда не испытывавшій страха, могъ бы понять васъ? Также и я не могу описать, какъ можно грезить въ этомъ духовномъ мірѣ грезъ. Одно скажу: какъ бы вы ни наслаждались, какимъ бы восторгомъ ни упивалось ваше сердце, пока вы все еще въ тѣлѣ, — вы будете имѣть лишь тѣнь отъ тѣни того, что я испыталъ за эти семь дней, отраженіе отраженія той реальной мечты, которую я пережилъ въ этой волшебной странѣ грезъ. Отраженіе отраженія! Мнѣ нравится это выраженіе. Оно даетъ вѣрную картину, хотя и не передаетъ непосредственнаго впечатлѣнія. Попробуйте же грезить, и, хотя вы еще на землѣ, возможно, что вы уловите отраженіе отъ отраженія невыразимыхъ словами радостей духовнаго міра грезъ.

Письмо XLVI.

Только пѣснь.

Хотите вы услышать другую пѣснь, или гимнъ—называйте какъ хотите—того удивительнаго Ангела, котораго мы знаемъ какъ Прекрасное Существо?

— Почему боитесь вы спрашивать меня? Я—великій разрѣшитель вопросовъ;

— Хотя мои отвѣты лишь символы, но вѣдь и самыя слова только символы.

— Я давно не навѣщалъ тебя, ибо когда я съ тобой, ты не можешь думать о другомъ, а тебѣ нужно думать о тѣхъ, которые прошли тотъ самый путь, по которому идешь и ты.

— Ты можешь снять образец своих путей съ другихъ, но ты не можешь снять его съ моихъ путей.

— Я вношу свѣтъ въ темноту моего имени тебѣ не къ чему знать;

— Имя есть ограниченіе, а я не хочу быть ограниченнымъ.

— Въ давно прошедшія времена Ангеловъ, я отказался войти въ образы моего собственнаго творчества, я соглашался лишь играть съ ними.

— Вотъ намекъ для тебя, если ты хочешь намековъ.

— Тотъ, который удерживается своими собственными созданіями, становится рабомъ. Это одно изъ различій между мной и человѣкомъ.

— Какой земной отецъ захочетъ отдѣлаться отъ своихъ дѣтей? Какая земная мать пожелаетъ того?

— А я! Я могу заставить розу расцвѣсти—и затѣмъ оставить ее, чтобы могли радоваться ею другіе.

— Моя радость была въ творествѣ. Мнѣ было бы скучно дожидаться, пока не спадутъ всѣ лепестки съ моей розы.

— Художникъ, способный забыть свои прежнія созданія, въ состояніи творить все болѣе и болѣе великія вещи.

— Радость—въ совершеніи, а не въ удержаніи того, что уже сдѣлано.

— Сдѣлать и выпустить изъ рукъ, да, это—магія боговъ.

— Существуютъ человѣческія расы, которымъ я открылъ себя, онѣ обоготворяютъ меня.

— Но тебѣ не нужно обоготворять меня, ибо я не требую обоготворенія.

— Не значило бы это ограничивать себя собственными созданіями, если бы я ожидалъ чего-нибудь отъ душъ, къ которымъ прикоснулась моя красота?

— Если бы ты зналъ магію этой свободы! Свободы творить и оставлять сотворенное!

— Ты думаешь о магіи удержанія?

— Да, есть магія и въ удержаніи, пока удерживаемая вещь не доведена до совершенства;

— Но когда она закончена, будетъ ли это поэма, или любовь, или дитя, оставь ее.

— И тогда ты будешь снова свободенъ и можешь начать новое творчество. Въ этомъ тайна вѣчной юности.

— Никогда не гляди назадъ съ сожалѣніемъ; оглядывайся только для того, чтобы, узнать, что позади тебя.

— Гляди всегда впередъ; когда человѣкъ перестаетъ смотрѣть впередъ, только тогда становится онъ старымъ. Онъ водворяется на одномъ мѣстѣ.

— Я живу въ каждомъ данномъ мигѣ; это и значить жить вѣчно.

— Настоящее и будущее—товарищи моихъ игръ; мы не можемъ играть, когда углубляемся въ прошлое.

— Я же могу быть лишь великимъ товарищемъ въ поискахъ радости—красоты.

Пер. Е. П.

Не оставляй неизглаженнымъ грѣха даже самого малаго. чтобы въ послѣдствіи онъ не повлекъ тебя къ большому злу.

Когда всякій произвольный порокъ отвергнемъ отъ мысли, тогда опять вступимъ въ брань съ давно укоренившимися въ насъ страстями.

Не желай слышать о чужихъ злыхъ дѣлахъ: ибо при такомъ желаніи изображаются и въ насъ черты сихъ дѣлъ.

Если кто будетъ бесѣдовать съ пустословами, тотъ долженъ почитать себя виновнымъ въ таковыхъ рѣчахъ ихъ, если не по настоящему случаю, то по прежнему долгу.

Настоящія скорби сравниваю съ будущими благами, и нерадѣніе никогда не ослабитъ твоего подвига.

Внѣшнія дѣла суть порожденія дѣлъ духовныхъ и воздають должное по опредѣленію Божію.

Молись, чтобы не постигли Тебя искушеніе; пришедшее же прими какъ свое, а не чужое.

Св. Францискъ де-Саль.

Письма къ Читателямъ.

И взирая на свою собственную Дхарму, ты не долженъ дрожать, о Арджуна; воистину, для кшатрія нѣтъ ничего болѣе желаннаго, чѣмъ праведная война.

Счастливы тѣ кшатрии, которымъ выпадаетъ на долю такое сраженіе, внезапно отвергающее передъ ними врата въ Небеса.

Бхагаватъ-Гита, II, 31. 32.

Въ наше скорбное время, когда мы присутствуемъ при небываломъ истребленіи нашихъ „кшатріевъ“, когда кажется, что погибаетъ все самое лучшее, самое смѣлое и доблестное, нельзя не искать отвѣта на поставленную передъ нами мучительную загадку; и человѣчество ищетъ его. Ищетъ вездѣ, въ наукѣ, въ накопленномъ опытѣ, у своей собственной интуиціи, но меньше всего тамъ, гдѣ хранятся подлинныя ключи къ тайнамъ жизни и смерти, въ тѣхъ вѣчныхъ книгахъ съ „бездоннымъ смысломъ“, о которыхъ мы бесѣдовали въ прошломъ письмѣ. Мало кто ищетъ въ нихъ отвѣта, а онѣ-то и могутъ разрѣшить мучающія насъ загадки, если только съумѣтъ проникнуть въ ихъ неисчерпаемую глубину.

Что же говоритъ Бхагавадъ-Гита въ отвѣтъ на поставленную передъ нами тяжелую загадку? Вся вторая бесѣда представляеть собою рядъ отвѣтовъ какъ-разъ на неѣ. И если мы углубимся въ смыслъ этой бесѣды съ помощью тѣхъ комментаріевъ, которые даютъ теософическія ученія, основанныя на подлинныхъ

знаніяхъ Посвященныхъ, мы найдемъ въ ней глубокую философію жизни и смерти, прозрѣніе въ потусторонній міръ и указаніе на то, что творится съ душой убитаго воина, павшаго на полѣ битвы.

Вся вторая Беседа поражаетъ прежде всего тѣмъ, что ученія о тайнѣ жизни и смерти происходятъ во время сраженія, среди грома и страстнаго напряженія битвы, въ минуты—казалось бы—наименѣе располагающія къ раскрытію сознанія. Въ такихъ книгахъ, какъ Бхагавадъ-Гита, не бываетъ ничего случайнаго, и здѣсь мы имѣемъ намекъ на то, что въ моментъ величайшей жертвы, доступной для человѣка, когда онъ добровольно отдаетъ самую жизнь свою, сознаніе бываетъ наиболѣе раскрыто, оно способно на молниеносное проникновеніе въ то невѣдомое, что въ обыденное время закрыто отъ насъ нашимъ ограниченіемъ, нашими предразсудками, нашей слѣпотой, которая неизбежна, пока сознаніе дѣйствуетъ ясно и отчетливо только на физическомъ планѣ, а на всемъ остальномъ міровомъ пространствѣ не видитъ ничего.

Арджуна—представитель касты воиновъ. Но здѣсь идею война нужно брать во всемъ ея значеніи, не только какъ защиту родины отъ враговъ, но и какъ охрану правды и справедливости, какъ защиту Дхармы ¹⁾ народа (соотвѣтствія земного устроенія съ требованіями данной ступени народной эволюціи). Вотъ этотъ то представитель истиннаго воинства, появившись на полѣ битвы, видитъ среди вражескаго стана тѣхъ, кого онъ любилъ и ставилъ высоко. Онъ приходитъ въ отчаяніе, бросаетъ лукъ и стрѣлы и, охваченный скорбью, отказывается отъ сраженія. „Съ сердцемъ, пронзеннымъ тоской, съ помутившимся разумомъ, я больше не вижу свою Дхарму. Молю Тебя: скажи опредѣленно— что лучше?... Научи меня“ (Бх.-Гита, II, 7)! Что же отвѣчаетъ Шри-Кришна, почитаемый индусами такъ же, какъ мы почитаемъ Христа? „Стоя среди двухъ ратей, съ улыбкой обратившись къ повергнутому въ отчаяніе, Благословенный сказалъ“ (II, 10):

Въ такой книгѣ, какъ Бхагавадъ-Гита, важно каждое слово, каждое указаніе. Почему эта улыбка у Милосерднаго при видѣ отчаянья Арджуны? Это — та же улыбка, какая бываетъ у любящей матери, когда ея неразумное дитя приходитъ въ отчаяніе отъ пустяка, совершенно не соотвѣтствующаго размѣру его горя.

¹⁾ Дхарма—долгъ, вытекающій изъ кармическихъ обязательствъ человѣка или народа, если рѣчь идетъ о послѣднемъ, и изъ данной ступени его эволюціи; это—законъ внутренняго рога души, индивидуальной или народнаго.

Учитель ясно видитъ все, что закрыто отъ взора Арджуны, онъ видитъ его слѣпоту, незнаніе внутренней связи явленій, неизбѣжность совершающагося, и онъ съ нѣжной улыбкой Видящаго говоритъ смятенному ученику: „Ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ скорбѣть, хотя и говоришь слова мудрости. Мудрые не оплакиваютъ ни живыхъ, ни мертвыхъ. Ибо поистинѣ не было времени, когда Я, или ты, или эти владыки земли не существовали; воистину не перестанемъ мы существовать и въ будущемъ“ (II, 11, 12). Въ этихъ ясныхъ и сжатыхъ словахъ передается ученику истина о безсмертіи человѣка. Но отвлеченная истина не могла бы успокоить взволнованную совѣсть Арджуны; и потому Учитель продолжаетъ: „Подобно тому, какъ живущій въ тѣлѣ переживаетъ дѣтство, юность и старость, такъ же покидаетъ онъ одно тѣло и переходитъ въ другое. Сильный объ этомъ не скорбитъ“ (II, 13). Въ этихъ короткихъ словахъ — все ученіе о перевоплощеніи, законъ ритмическаго чередованія проявленнаго и непроявленнаго состоянія человѣка.

Успокоивъ Арджуну, что ни онъ, ни его сраженные противники не перестанутъ быть, Онъ въ такихъ же сжатыхъ словахъ даетъ цѣлую философію взаимоотношенія между безсмертнымъ духомъ и физическимъ тѣломъ, которое служить для него временнымъ проводникомъ на физическомъ планѣ. „Соприкосновенія (духа) съ матеріей бросаютъ въ холодъ и жаръ, доставляютъ наслажденіе и страданіе; эти ощущенія преходящи, они налетаютъ и исчезаютъ; выноси ихъ мужественно, о Бхарата... У нереальнаго (исчезающаго) нѣтъ бытія; реальное не перестаетъ быть; эту конечную истину постигли прозрѣвшіе въ суть вещей. Знай, что ТО, которымъ проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не можетъ привести къ уничтоженію то Единое, Незыблемое. Преходящи лишь тѣла этого Воплощеннаго, который вѣченъ, неразрушимъ и необъятенъ. Поэтому, сражайся, о Бхарата (II, 14, 16, 17, 18)! Здѣсь устанавливается связь между духомъ человѣка и ТѢМЪ, котораго индусы называютъ Первопричиной, Единымъ безъ второго, изъ котораго, при возникновеніи міра, исходитъ Божественное Проявленіе, Логосъ, Трѣдинный Богъ-Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, по выраженію христіанъ Иными словами, Единая Божественная Жизнь, одушевляющая всю вселенную, живетъ и въ человѣкѣ, и эта его божественная жизнь безсмертна и нисколько не страдаетъ отъ того, что тѣло, ея проводникъ, уничтожено. И далѣе, съ еще большей настойчивостью и опредѣленностью, говоритъ Шри-

Кришна: „Кто знаетъ, что онъ неразрушимъ, постояненъ, нерожденъ, неизмѣненъ, какъ можетъ тотъ убить, о Арджуна, или быть убитымъ? Подобно тому, какъ человѣкъ, сбросивъ ветхую одежду, надѣваетъ новую, такъ бросаетъ онъ изношенныя тѣла и облекается въ новыя. Оружіе не разрѣкаетъ его, огонь не палитъ его, вода не мочитъ, вѣтеръ не сушитъ его“ (II, 21, 22, 23). Затѣмъ Учитель начинаетъ утѣшать Арджуну, объясняя ему вѣчный ритмъ бытія, періодичность существованія человѣка, то на физическомъ планѣ, то въ невидимыхъ мірахъ. „Воистину, смерть назначена для рожденнаго, а рожденіе — для смертнаго. Непроявлены существа въ началѣ, о Бхарата, проявленными они бывають въ срединномъ состояніи, и снова непроявленными при уничтоженіи. О чемъ же печалиться“ (II, 27, 28)?

„Непроявленнымъ“ Онъ называетъ человѣка до рожденія и послѣ смерти, „проявленнымъ“ — во время его существованія на физическомъ планѣ. Такъ одобряетъ и успокаиваетъ Шри-Кришна трепещущую человѣческую душу въ минуту отчаянія, возникающаго отъ невѣдѣнія тѣхъ путей, которыми человѣкъ идетъ къ верховной цѣли своего воплощеннаго бытія.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ, 31-мъ и 32-мъ, дается прозрѣніе въ то невѣдомое, что ожидаетъ воина, павшаго на полѣ битвы. „И зирая на свою собственную Дхарму, ты не долженъ дрожать, Арджуна; воистину, для кшатрія нѣтъ ничего болѣе желаннаго, чѣмъ праведная война“. А далѣе объясненіе, почему она должна быть желанною: „Счастливы, о Партха, тѣ кшатрии, которымъ выпадаетъ на долю такое сраженіе, внезапно отверзающее передъ ними врата въ небеса (Swa r ga).

Что же это значитъ? По эзотерическимъ ученіямъ древнихъ индусовъ, которыя давались Посвященнымъ, послѣ смерти человѣка онъ долженъ пройти черезъ камалоку или чистилище, прежде чѣмъ ему возможно станетъ переступить „Сваргу“, въ состояніе небеснаго блаженства. Въ этомъ промежуточномъ состояніи, сбрасывающій физическое тѣло и все еще продолжающій вибрировать всѣми земными страстями долженъ изжить эти страсти, отвыкнуть отъ нихъ настолько, чтобы онѣ погасли въ немъ. Иначе онѣ послужили бы препятствіемъ для послѣдующей ступени посмертнаго бытія, когда *претворяется* весь результатъ земного опыта человѣка въ свойства и способности его бессмертной души. На этой ступени прекращаются всѣ сравнительно грубыя вибраціи страстей, онѣ не соотвѣтствуютъ болѣе тонкимъ и быстрымъ вибраціямъ небеснаго міра. Этотъ міръ считается

по праву наградою за все доброе, сверхличное, что жило въ душѣ человѣка, ибо, кромѣ важнаго космическаго процесса претворенія всего пережитаго въ свойства души, кромѣ созиданія все болѣе утончающагося камертона для внутренней жизни человѣка, того, что мы называемъ своей совѣстью, — міръ этотъ даетъ въ то-же время состояніе глубокаго покоя, блаженнаго отдыха, чистаго бытія, неограниченнаго тѣсными предѣлами матерьяльных формъ. Далѣе, изъ оккультныхъ ученій мы знаемъ, что посмертный очистительный періодъ бываетъ особенно длителенъ и труденъ при насильственномъ прекращеніи жизни, какъ это бываетъ на войнѣ; а если мы вспомнимъ, что наши павшіе на полѣ битвы кшатрии выхватываются изъ земной жизни въ расцвѣтѣ лѣтъ и жизненныхъ силъ, ясно, что для нихъ камалока должна быть особенно трудна и должна надолго задержать ихъ переходъ въ небесный міръ. А между тѣмъ Учитель говоритъ опредѣленно, что передъ павшимъ на полѣ брани раскрываются врата въ небеса, и далѣе еще разъ подтверждаетъ: „убитый, ты попадешь въ рай“ (II, 37), а немного ранѣе, взирая на отчаянье Арджуны, Учитель упрекаетъ его: откуда напало на тебя въ минуту опасности это позорное, недостойное арийца отчаянье, закрывающее врата рая, о Арджуна (II, 2)? Три раза сряду обѣщается воину, сражающемуся въ *праведной* войнѣ, немедленный переходъ въ рай. Не обычный путь изъ физическаго въ промежуточное очистительное состояніе, а минуя чистилище, прямо въ „отверстыя врата рая“.

Какъ же объяснить это кажущееся нарушение закона по-смертной Эволюціи? Ключъ къ загадкѣ—въ словѣ *праведная* война. Можно воевать изъ корысти, изъ желанія завладѣть чужой землей, можно воевать по принужденію. При *такомъ* настроеніи смерть на полѣ брани не создастъ внутреннихъ условій для перехода освободившейся души прямо въ высшій міръ. Душа послѣдуетъ обычнымъ путемъ всѣхъ насильственно-вырванныхъ изъ земнаго существованія. Но та психологія, которая создается, когда воинъ добровольно жертвуетъ собой, защищая родину отъ нападенія врага, или когда онъ сознательно отдаетъ свою жизнь за высокую идею—такое настроеніе зажигаетъ въ душѣ сражающагося энтузіазмъ, а это—такое пламя, которое сразу сжигаетъ всѣ его неизжитыя страсти, расплавляетъ всѣ его слабости и грѣхи и однимъ великимъ порывомъ поднимаетъ его на ступень, гдѣ „отверзаются передъ нимъ врата въ небеса“. Онъ отдаетъ самое дорогое, что есть у человѣка, свою молодую жизнь, всѣ

радости свои и надежды, онъ отдаетъ ту „сладкую привычку къ бытію“, выше которой нѣтъ ничего на землѣ, и совершенно естественно, что такой подвигъ требуетъ награды. А мы знаемъ, что умирающій на полѣ битвы стоитъ не передъ человѣческими законами, а передъ Божескими, которые должны быть совершенны по своей справедливости и прекрасны по своей благодати.

Кто изъ насъ не читаль или не слыхаль, какъ необычайны бываютъ переживанія умирающихъ „кшатріевъ“? Мнѣ вспоминается предсмертный привѣтъ Россіи одного изъ умиравшихъ русскихъ офицеровъ: „скажите Россіи, что я отдаю за нее съ радостью свою жизнь, и если бы у меня было еще десять жизней, я бы отдалъ ихъ всѣ за нее“. Когда передъ нами раскрывается такая красота, какимъ естественнымъ кажется прекрасное обѣщаніе духовнаго Вождя Востока! И не про такую ли жертву сказалъ нашъ собственный Учитель: „нѣтъ болѣе той любви, какъ если кто положить душу свою за други своя“ (Іоаннъ, XV, 13).

Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о такихъ незримыхъ интимныхъ процессахъ души, которые не поддаются никакому учету, никакимъ земнымъ опредѣленіямъ. Можетъ случиться, что въ самой грубой толпѣ нѣмцевъ, опьяненныхъ сознаніемъ своей силы и мечтающихъ заставить всѣхъ служить этой силѣ,—найдется человѣкъ, увѣренный, что защищаетъ свою родину отъ враговъ и который, умирая за неѣ съ любовью, увидитъ передъ собой „отверстыя двери рая“. Но возможно и то, что среди многострадальныхъ бельгійцевъ, поляковъ или сербовъ найдется такая грубая и темная душа, интимныя мечты которой повлекутъ ее скорѣе къ мародерству, чѣмъ къ подвигу.

Въ теософическихъ ученіяхъ есть указанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что знающій дѣйствіе ментальныхъ вибрацій можетъ, засыпая, совершенно опредѣленно направлять свое сознаніе. Если засыпать съ мыслями о мелкихъ земныхъ тревогахъ, освободившееся сознаніе останется вблизи отъ своего физическаго тѣла, и мало надежды, что оно можетъ воспринять много новаго. Если же, засыпая, устремиться со всею силою и цѣльностью, на какія только способна душа, въ высшій міръ, въ такомъ случаѣ переживанія будутъ совершенно иныя. Если человѣкъ въ состояніи упорно сосредоточиваться на одномъ, въ данномъ случаѣ на высшемъ мірѣ, ¹⁾ могучая динамика его воли пробудитъ въ его

¹⁾ Проснувшись, онъ можетъ и не помнить своихъ переживаній, но свѣтлое чувство подъема и восхищенія сохранится, и это будетъ явнымъ признакомъ, что его сознаніе поднималось во время сна; ясное воспоминаніе и пере-

душѣ соответствующія вибраціи, дасть имъ опредѣленный толчокъ, и онѣ перенесутъ его въ желаемую среду, вибрирующую однороднымъ образомъ.

Эти указанія даютъ намекъ на то, что можетъ совершаться въ загорѣвшейся энтузіазмомъ душѣ умирающаго на полѣ сраженія, какой могучій толчокъ дается его душѣ, почему для нея становится возможнымъ, минуя промежуточныя ступени, сразу подняться на высшую ступень посмертнаго бытія.

Однимъ изъ результатовъ страшнаго міровой войны будетъ небывалое углубленіе въ тайну смерти. На поляхъ сраженія найдется не мало вдумчивыхъ людей, которые научатся смотрѣть по-новому на мертвое человѣческое тѣло. Всмотриваясь въ потухшіе взоры убитыхъ, они поймутъ или, вѣрнѣе, почувствуютъ, что весь ужасъ смерти въ томъ, что мы отождествляемъ разумное любящее существо съ этой застывшей формой, изъ которой навсегда удалился невидимый повелитель, заставлявшій это остановившееся сердце любить и ненавидѣть, эти померкшіе глаза—загораться свѣтомъ разума.

Куда же уходитъ этотъ повелитель?

Метерлинкъ, такъ недавно высказавшій въ своей книгѣ *La vie et la mort* полное безсиліе передъ загадкой смерти, побывавъ на поляхъ сраженія, говоритъ совершенно инымъ языкомъ. Остановливаясь на непоправимыхъ съ виду опустошеніяхъ, которыя смерть производитъ на міровой Курукшетрѣ, на томъ истребленіи умственныхъ, нравственныхъ и духовныхъ силъ, которое происходитъ, когда гибнутъ „самые храбрые, самые искренніе, самые пылкіе и самые любящіе“, размышляя надъ тѣмъ „чудовищнымъ отборомъ навыворотъ“, который сохраняетъ все наиболее непригодное для жизни,—Метерлинкъ приходитъ къ твердому убѣжденію, что *мертвые не умираютъ*.

Въ его послѣдней статьѣ есть любопытное мѣсто: „Развѣ не замѣчали, что послѣ грандіозныхъ битвъ времени Имперіи число рожденій умножалось поразительно, словно жизни, грубо скошенныя въ ихъ расцвѣтѣ, въ дѣйствительности не умирали, а только торопились появиться среди насъ, чтобы закончить свой жизненный бѣгъ. Если бы можно было слѣдить глазами за тѣмъ, что происходитъ въ идеальномъ мірѣ, окружающемъ насъ со всѣхъ сторонъ, можно было бы, не колеблясь, утверждать, что тамъ дѣйствуютъ тѣ самыя моральныя силы, которыя, каза-

зитомъ выявляется лишь на очень высокомъ уровнѣ эволюціи, когда достигается непрерывность сознанія.

лось, погибли на поляхъ битвы. Онѣ знаютъ, куда имъ направиться, онѣ знаютъ свою цѣль и не вѣдаютъ колебанія“¹⁾).

Интуиція поэта подтверждается оккультными учениями, которыя говорятъ о быстромъ перевоплощеніи безчисленныхъ жертвъ міровыхъ катастрофъ, которыя періодически разрушаютъ обветшалую жизнь, чтобы дать мѣсто новой жизни. Такъ было во времена Атлантиды — ея цивилизацію смело потопомъ; такъ было въ эпоху лемурийцевъ — ихъ страны были уничтожены взрывами вулкановъ, а теперь на нашихъ глазахъ міровая война ведетъ къ той же цѣли. Цѣль эта — расшатать все закристаллизовавшееся, все мѣшающее живому стремленію жизни, сжечь въ загорѣвшемся космическомъ пожарѣ все отжившее, ненужное, ставшее тормазомъ для созданія новой, болѣе совершенной жизни.

Лучшіе люди нашего времени сознали, что „дальше такъ жить нельзя“. Это — внутренній показатель, что настало время для человѣческаго сознанія подняться на новую ступень, жить по-новому, въ согласіи съ выросшимъ сознаніемъ и утончившейся совѣстью, въ гармоніи съ нравственнымъ закономъ.

Это — самый трагическій моментъ во всемірно-исторической драмѣ. Человѣкъ стремится уйти изъ жизни, которую онъ переросъ; онъ стоитъ на распутьи и, какъ въ сказкѣ, — пойдетъ направо, коня потеряетъ, пойдетъ налево — самъ погибнетъ. Въ оккультизмѣ такая поворотная точка въ сознаніи человѣчества носить иногда названіе „вихря бытія“. Этотъ вихрь сметаетъ накопившія соръ, чтобы очистить мѣсто для новаго, болѣе совершеннаго творчества. Это сметаемое сослужило свою службу, оно было необходимо на своей ступени, оно двигало человѣчество впередъ, а теперь оно мѣшаетъ жизни. Но сметается только одинъ соръ, все цѣнное остается навсегда, какъ неотъемлемая собственность человѣка. На пережитой ступени сознанія, кото-

¹⁾ Правда, въ другомъ мѣстѣ статьи Метерлинкъ высказываетъ туманную гипотезу, которая противорѣчитъ и его собственнымъ словамъ и закону сохранения духовныхъ цѣнностей. „Эти силы“, говоритъ онъ, „не что иное, какъ душа героевъ, которую собираютъ и поглощаютъ наши души“. Разъ допустимъ, что всѣ невидимыя цѣнности сохраняются, совершенно нелогично думать, чтобы самая драгоценная изъ нихъ — индивидуальность, ради созданія которой и существуетъ земная эволюція, могла „поглощаться“ другой душой. Высокій геройамъ нашихъ „кшатріевъ“ несомнѣнно заражаетъ окружающую духовную атмосферу своей доблестью, но сами павшіе герои сохраняютъ свою индивидуальность въ неприкосновенности, продолжая жить въ невидимыхъ мірахъ до слѣдующаго своего воплощенія на землѣ.

рая съ переживаемой міровой войной приходитъ къ концу, человѣчество выработало отчетливость мозгового сознанія, силу анализа, совершенные научные методы, яркое сознаніе своего личнаго я и его правъ на свободное развитіе—все это сохранится и на высшей ступени сознанія. Но все отрицательное, какъ оправданіе эгоизма, личнаго и народнаго, и узаконенное насиліе сильныхъ надъ слабыми, будетъ сметено, какъ ненужный соръ.

Всѣ цѣнныя достиженія человѣчества стануть на свои мѣста, и поверхъ ограниченнаго низшаго сознанія зажжется свѣтъ высшаго разума, который уже подсказалъ людямъ, что „дальше такъ жить нельзя“, а теперь научить ихъ, какъ „слѣдуетъ жить“.

Теперь попробуйте примѣнить все сказанное къ психологіи человѣка, который стоитъ на полѣ міровой борьбы и старается понять: зачѣмъ все это? Къ чему приведетъ этотъ міровой пожаръ, сжигающій все, чѣмъ мы жили до сихъ поръ? Представьте себѣ человѣка, который не видитъ въ этомъ страшномъ кострѣ страданія и уничтоженія ничего, кромѣ слѣпой разбушевавшейся стихіи, которая слизываетъ своими огненными языками все милое, все драгоцѣнное для человѣческаго сердца, безъ цѣли и смысла, лишь бы все уничтожить, все смести съ лица земли и на мѣсто истребленной жизни водворить „мерзость запустѣнія“, безнадежность и смерть. Совершенно естественно, что подобное настроеніе должно приводить къ призраку летящей по воздуху пушки, заряженной радіемъ, каждый выстрѣлъ которой въ состояніи мгновенно уничтожить величайшій изъ центровъ человѣческаго общежитія; а затѣмъ и призракъ жалкихъ остатковъ истребленнаго человѣчества, прячущихся, какъ волки въ горныхъ ущельяхъ опустошенной земли.

Это одна психологія. Другая, признающая, что Жизнь строится Божественнымъ Разумомъ, увидитъ въ этомъ бушующемъ пожарѣ наступившую необходимость всемірнаго очищенія. Для того всѣ мы и брошены въ этотъ пылающій горнъ, чтобы сгорѣло въ насъ все темное, грѣховное, все, идущее противъ Божественнаго Закона, и сохранилось бы только одно цѣнное, годное для того, чтобы лечь въ основу обновленной человѣческой жизни.

Вотъ что увидитъ оккультистъ въ переживаемой катастрофѣ, вотъ какимъ смысломъ освѣтится передъ нимъ поле сраженія, гдѣ цвѣтъ человѣчества отдаетъ свои молодые жизни для того, чтобы стало возможнымъ свѣтлое будущее на землѣ; и онъ увидитъ ихъ не истерзанными и окровавленными трупами, а жи-

выми просвѣтленными существами, блаженно отдыхающими въ обители Свѣта, чтобы вскорѣ снова вернуться на землю и принять участіе въ строительствѣ новой жизни на очищенной страданіями и обновленной землѣ.

На этой землѣ и радій, и всѣ великія открытія грядущаго будутъ служить жизни, а не смерти, благу, а не страданіямъ людей.

И какъ тогда, на древней Курукшетрѣ, въ облакахъ взметаемаго на полѣ битвы праха, среди величайшаго напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ, Шри-Кришна давалъ наглядный урокъ о тайнѣ Жизни и Смерти, такъ и сейчасъ на современномъ полѣ битвы въ занявшемся пламени міровой борьбы, таинственно творится разрѣшеніе величайшихъ вопросовъ жизни и смерти, возникаетъ новое духовное творчество, въ лонѣ страданія невидимо зацвѣтають новые побѣги жизни.

Другъ Читателя.

Когда умъ освободится отъ тѣлесныхъ попеченій, тогда соразмѣрно съ симъ онъ видовъ ухищренія враговъ.

Увлекаемый помыслами ослѣпляется ими, и дѣйствіе грѣха видить, причина же сихъ дѣйствій видѣть не можетъ.

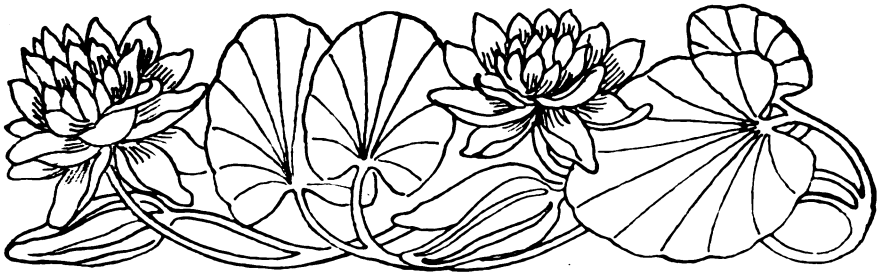
Иной, исполняя повидимому заповѣдь, раболѣпствуетъ страсти и злыми помыслами истребляетъ доброе дѣла.

Допустивъ въ себѣ начало порока, не говори: онъ не побѣдитъ меня, Ибо на сколько Ты предался ему, настолько уже побѣжденъ имъ.

Все бывающее начинается отъ малаго, и, будучи мало по малу питаемо, возрастаетъ.

Не желай слышать о несчастіи враждебныхъ Тебѣ людей. Ибо слушающіе таковыя рѣчи собирають плоды своего произволенія.

Св. Францискъ де-Саль.

Обозрѣніе теософической литературы.

Въ *Theosophy in Scotland* Изabella Пэгень даетъ цѣлую серію замѣтокъ о ритмѣ расъ, въ которыхъ она характеризуетъ особенности каждаго отдѣльнаго народа. Интересно воззрѣніе автора на славянъ. „Русскіе, кроаты, сербы“, пишетъ она, „въ значительной мѣрѣ еще дѣти природы. Прислушивающееся, податливое настроеніе, свойственное индусамъ, замѣчается и въ русскомъ крестьянинѣ, часто озадаченномъ жизнью и вѣчно ищущемъ философію, объясняющую ее. Относительно физическихъ затрудненій наблюдается нѣкоторая безпомощность и склонность опираться на вождей. Рабство жило въ Россіи дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и болѣе самодовлѣющіе или непокорные народы дивились покорности славянъ во многихъ областяхъ ихъ жизни. Ранніе періоды этой стадіи уже прошли, но во всемъ своемъ дальнѣйшемъ развитіи Россія сохранить свое дѣтское сердце; и когда вѣра ослабѣетъ въ другихъ націяхъ, благо имъ будетъ, если онѣ сдѣлаются какъ маленькія дѣти и обратятся къ ней за помощью. „Русская опасность“ съ мечомъ и огнемъ — нелѣное пугало, котораго нечего бояться. Русская имперія, какъ и индійская, будетъ царствомъ религій и философіи, и въ этой области народы, еще не родившіеся, почувствуютъ всю ея мощь. Ея пророки и святые безчисленны, и нѣкоторые изъ нихъ уже настолько опередили свою національную ноту, что они уже теперь готовятъ почву къ народженію типа, далеко опережающаго ихъ собственное представленіе о немъ. Уже во многихъ областяхъ ея жизни начинается раскрываться сознание братства, столь характерное для всей расы.

Глава православной Церкви признала англиканскую Церковь своей сестрой. Можетъ быть, исполнится древнее пророчество по

окончаніи войны, и Св. Софія въ Константинополѣ, превращенная въ мусульманскій храмъ, будетъ возвращена той религіи, для которой она была сооружена. Въ церемоніи освященія несомнѣнно будутъ участвовать всѣ отрасли христіанской Церкви среди союзныхъ народовъ и, можетъ быть, будетъ оказано сочувствіе и тѣмъ, кого мы вытѣснимъ изъ храма, который и они научились любить“.

Очевидно, наиболѣе чуткіе изъ иностранцевъ начинаютъ сознавать, что русскій народъ — „народъ -- богоносецъ“, но въ нихъ не укладывается еще пониманіе столь типичныхъ для русской души парадоксовъ покорность и широкое свободолюбіе, доходящее до анархичности; дѣтская простота крестьянина и присущее ему глубоко-философское, мудрое отношеніе къ жизни и смерти, и мистическое исканіе правды Божіей, заставляющія ежегодно тысячныя волны паломниковъ перекатываться изъ Солонокъ въ Іерусалимъ.

„Со всѣхъ сторонъ“, пишетъ Анни Безантъ въ передовыхъ замѣткахъ въ *Theosophist's*“, „приходятъ вѣсти о небывалыхъ бояхъ, и самые талантливые научные умы во всѣхъ странахъ напряженно вопрошаютъ природу о новыхъ способахъ избіенія ея дѣтей. Наука, которую сорокъ лѣтъ тому назадъ привѣтствовали какъ величайшую благодѣтельную челоуѣка, стала теперь ожесточеннѣйшимъ его врагомъ, придумывая все новые и все болѣе жестокіе способы его истребленія.

Какой же урокъ извлечетъ челоуѣчество изъ всего этого ужаса? Несомнѣнно, что интеллектъ, не озаренный любовью, приведетъ нашу расу къ уничтоженію. Много лѣтъ тому назадъ одинъ изъ Учителей предостерегъ міръ, что знаніе перегнало совѣсть и нравственность. Знаніе и Любовь должны идти рука объ руку въ эволюціи, въ виду того, что знаніе безъ любви не имѣетъ компаса, руководящаго имъ, а любовь безъ знанія можетъ сдѣлаться разрушительнымъ потокомъ вмѣсто оплодотворяющей рѣки. Потому и Мудрость,—т. е. сочетаніе Любви и Знанія—является высшимъ достиженіемъ челоуѣка, стоящаго на порогѣ безсмертія.

Слѣдующій шагъ челоуѣчества поставитъ его на путь, ведущій къ Храму Мудрости. Сама воплощенная Мудрость поведетъ сыновъ челоуѣческихъ по этому пути. Мѣрою настоящихъ страданій ихъ измѣрится ея будущая радость, и чаша ихъ скорби, полная сегодня до краевъ, смѣнится завтра переполненной чашей блаженства. Тогда мы увидимъ, что уничтоженіе столькихъ

жизней, во всей силѣ и красотѣ юности, длительная агонія кипучей молодости, заключенной въ изуродованную форму, всѣ искалѣченныя тѣла, безрукія, безногія, безглазья, положившія всѣ физическія радости на алтарь отечества и возвращающіяся съ алтаря, умудренныя значеніемъ высшей и священнѣйшей жертвы послужили ускоренію эволюціи, подъему наперерѣзъ къ вершинѣ горы, вмѣсто долгаго спиральнаго восхожденія кругомъ нея“.

Интересно отмѣтить въ томъ же „*Theosophist*“ статью Е. Вудгауза: „Идеализмъ“, являющуюся комментаріями на первую главу книги С. Джинараджадаза: „Во Имя Его“, гдѣ говорится, что идеализмъ есть промежуточная ступень между ступенями мірянина и ученика, принятаго Учителемъ. „Что мы подразумеваемъ подъ словомъ „идеаль“? спрашиваетъ Вудгаузъ и тутъ же выдвигаетъ въ отвѣтъ теорію, что такъ называемыя идеи зарождаются въ порядкѣ творенія раньше явленій и, слѣдовательно, реальнѣ ихъ; другими словами, творческій импульсъ Бога, создавшій міры, прошелъ, по пути внѣдренія въ матерію, сперва черезъ планъ идей или прообразовъ и лишь послѣ того достигъ низшаго физическаго міра. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ формы и предметы въ этомъ физическомъ мірѣ являются лишь несовершенными копіями или воплощеніями этихъ прообразныхъ идей, или идеаловъ; въ этомъ смыслѣ идеаль буквально реальнѣ такъ называемыхъ фактовъ.

Лицо, сознающее эту высшую реальность, и есть идеалистъ, и для него, какъ говоритъ Джинараджадаза, „матеріальныя формы существуютъ лишь для воплощенія идей“. Идеализмъ есть, такимъ образомъ, истинное, вѣрное мышленіе, потому что идеалистъ проникаетъ черезъ внѣшнюю форму въ болѣе глубокую истину и жизнь, несовершенно изображенную формой. Но онъ не только идетъ назадъ, черезъ копію къ оригиналу, но идетъ и впередъ, къ тому, что осуществится съ теченіемъ времени. Слѣдовательно, идеализировать, означаетъ способность видѣть цвѣтокъ въ сѣмени. Идеализмъ же является промежуточной ступенью между жизнью міра и жизнью ученика, потому что ученикъ готовится стать помощникомъ міру; а вся работа помощи міру сводится къ выявленію, ускоренію расцвѣта того, чѣмъ въ конечномъ своемъ видѣ должна быть каждая вещь или, другими словами, къ привлеченію будущаго въ настоящее.

Что же нужно для того, чтобы идеалистъ перешелъ изъ своего промежуточнаго состоянія къ ученичеству? Книга „Во

Имя Его“ говоритъ намъ, что, хотя мы должны всегда мечтать о высшемъ, намъ слѣдуетъ все же „правильно измѣрять низшее“, иначе —мы должны быть идеалистами, но вмѣстѣ съ тѣмъ основывать нашъ идеализмъ на фактахъ.

Идеаль выше фактовъ, но къ нему можно подойти только черезъ факты, и весь процессъ эволюціи состоитъ, собственно говоря, въ сляніи идеаловъ съ фактами. То, что сегодня есть фактъ, было вчера идеаломъ, и сегодняшній идеаль станетъ завтра фактомъ. Итакъ, идеаль и фактъ нераздѣльны между собой, и мудрое отношеніе къ нему состоитъ не только въ лице-зрѣніи цѣли въ концѣ пути, но и каждаго шага по направленію къ ней.

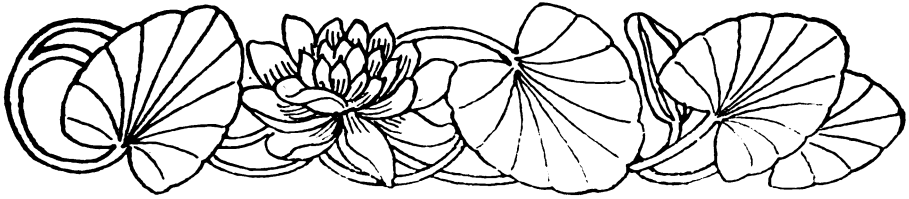
Это ужъ высшая стадія идеализма, принадлежащая міру ученичества и Учителей.

Незнающій идеальистъ склоненъ видѣть только цѣль и пренебрегать промежуточными ступенями, и, такимъ образомъ, онъ становится нетерпѣливымъ и сентиментальнымъ мечтателемъ, неспособнымъ принести много пользы міру. Конечно, во многихъ отношеніяхъ лучше быть идеальистомъ и пренебрегать фактами, чѣмъ видѣть только факты и пренебрегать идеалами. Но лучше всего соединять и то и другое —признавать идеаль единой реальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и всѣ ступени, ведущія къ нему. Мы яснѣе поймемъ необходимость такого сочетанія, если представимъ себѣ, что бы съ нами было, если бы Великія Сущности, къ которымъ мы обращаемся за помощью, видѣли только цѣль, а не промежуточные ступени. Ихъ взоръ обнимаетъ высоты, пока совершенно скрытыя отъ нашихъ глазъ, до которыхъ мы не можемъ добраться однимъ прыжкомъ. Поэтому Они и помогаютъ намъ переходить со ступени на ступень, даютъ намъ ту истину, въ которой мы въ данное время нуждаемся, и помогаютъ намъ сочетать факты съ мудростью идеаловъ. Поэтому, по словамъ Джинараджадаза, „Ученикъ долженъ непрерывно жить сознательно въ двухъ мірахъ“.

Такова его задача, но таково также и его бремя. Легко жить мечтами совершенства; гораздо труднѣе шагъ за шагомъ достигать этого совершенства.

В. Пушкина.

Хроника теософическаго движенія.

Англія.

— Новый представитель Теософическаго Общества въ Англіи, г. Джорджъ Арундель, сдѣлалъ турнэ, посѣтилъ нѣсколько теософическихъ центровъ и предсѣдательствовалъ на създѣ въ Харрогэтѣ. Въ Лондонѣ готовится серія лекцій, которыя будутъ посвящены географіи, исторіи, религіи, искусству и политикѣ Индіи.

Къ веснѣ ждуть въ Англіи Президента международнаго Теософическаго Общества, Анни Безантъ.

— Въ городѣ-садѣ Летчвортѣ дѣятельно работаетъ недавно основанная теософическая школа. Благодаря коллективной помощи членовъ Т. О.-а, приобрѣтено великолѣпное зданіе, въ которомъ будетъ мѣсто для 40 пансіонеровъ. Кромѣ большихъ и свѣтлыхъ классовъ, есть большая мастерская и лабораторія. Скоро будетъ сдѣлана еще пристройка для гимнастической залы. Школа стоитъ въ очень красивой мѣстности. Видъ изъ оконъ разстилается на живописные поля и холмы. Въ прошломъ году вступило 14 учениковъ въ школу; къ слѣдующему сезону записалось уже 41.

Директоръ школы — извѣстный англійскій педагогъ, д-ръ Армстронгъ Смитъ.

— Въ этомъ году исполнилось 40 лѣтъ существованія всемірнаго Теософическаго Общества. Въ Англіи возникла мысль отмѣтить этотъ юбилей цикломъ публичныхъ лекцій во всѣхъ городахъ, гдѣ есть теософическіе центры.

— Дж. Арундель, представитель Т. О. въ Англіи, предлагаетъ цѣлый планъ организациі педагогической работы въ свѣтѣ Теософіи. Въ этотъ планъ входитъ условіе экономическаго обезпечиванія извѣстныхъ дѣятелей-теософовъ съ тѣмъ, чтобы они

могли отдаться вполне своимъ задачамъ по линиямъ, начерченнымъ Теософіей.

— При Теософическомъ Обществѣ въ Лондонѣ были устроены двѣ елки: одна—для бѣдныхъ дѣтей; другая—для стариковъ. Кроме того, устраивается вечеръ для рабочихъ, строящихъ теософическую главную квартиру, и для всѣхъ людей, обслуживающихъ Общество.

А м е р и к а.

— Вышелъ первый № новаго американскаго журнала, „Каналь“ (The Channel), издаваемый г-жей Руссакъ и г. Томпсономъ.

И н д і я.

— Вышелъ годовой отчетъ Комитета Образованія при Теософическомъ Обществѣ въ Индіи (Theosophical Educational Trust), который даетъ отчетъ о 15 школахъ (5 начальныхъ, 13 среднихъ и 2 высшихъ), которыя были основаны при помощи Теософического Общества. Въ нихъ учится теперь около 3000 учениковъ, и преподаетъ 122 учителя. Изъ нихъ 2 школы женскія.

Р о с с і я.

— Въ Житомирѣ, членъ Р. Т. О-ва, д-ръ В. В. Гинце прочиталъ 16 декабря публичную лекцію на тему: „Мистика вегетарианства“. Программа была слѣдующая: Единство жизни на землѣ; Физическій міръ и минералы; Эфирный двойникъ чело-вѣка и растенія; Страстное начало чело-вѣка и животныя; Духовный чело-вѣкъ и его Эволюція; Оккультный чело-вѣкъ и остальной міръ; Чело-вѣкъ и его долгъ передъ животными; Пища въ освѣщеніи оккультныхъ ученій; Питаніе сырой и питаніе вареной пищей; Значеніе вегетарианства для духовнаго роста чело-вѣка.

Сборъ съ лекціи былъ отданъ: 25% на подарки воинамъ; остальной—на образованіе капитала для открытія въ г. Житомирѣ общедоступной образцовой вегетарианской столовой.

— Прекратилъ свое существованіе симпатичный Кіевскій органъ вегетарианскаго движенія: „Вегетарианское Обозрѣніе“.

— 28 декабря, А. Каменская сдѣлала докладъ въ Калужскомъ Отдѣлѣ Р. Т. О-а: „О работѣ этого сезона“.

— 31 декабря состоялась бесѣда съ членами. Была выяснена необходимость дружескаго единенія членовъ и большей концентрации въ работѣ. Подчеркнуто значеніе оккультной стороны теософической работы.

== 4 января, А. Каменская сдѣлала докладъ въ Калужскомъ Отдѣлѣ: „Что такое истинный Оккультизмъ“.

== 6 января, А. Каменская бесѣдовала съ членами Московскаго Отдѣла о теософической работѣ.

== 7 января, А. Каменская сдѣлала докладъ въ Московскомъ Отдѣлѣ: „Что такое истинный Оккультизмъ“.

== 11 января, возобновилась работа Совѣта Р. Т. О-а въ Петроградѣ.

== 15 января, по приглашенію председательницы Этического Кружка при Женскомъ Обществѣ, А. Каменская сдѣлала докладъ: „Вопросы воспитанія и задачи духовной культуры“.

== 21 января, въ Петроградѣ состоялось первое собраніе членовъ въ новомъ сезонѣ. Ц. Л. Гельмбольдтъ сдѣлала докладъ: „О теософической литературѣ“. Послѣ перерыва состоялся маленькій концертъ, устроенный членами художественно-музыкальнаго кружка.

== 27 января, А. Каменская проѣхала въ Кіевъ.

Alba.

Нѣкоторые называютъ мудрыми тѣхъ, которые умѣютъ разсуждать о чувственныхъ вещахъ; мудры же тѣ, кои обладаютъ своими пожеланіями.

Какъ змѣи, однѣ встрѣчаются въ пещерахъ, а другія гнѣзятся въ домахъ; такъ и страсти, однѣ образуются въ умѣ, а другія совершаются на самомъ дѣлѣ, хотя онѣ и образуются изъ одного вида въ другой.

Когда видишь, что лежащее внутри тебя пришло въ сильное движеніе, и влечетъ безмолвствующій умъ къ страсти, то знай, что нѣкогда умъ предупредилъ сіе: онъ привелъ это въ дѣйствіе, и вложилъ въ сердце.

Господь сокровенъ въ Своихъ заповѣдяхъ, и обрѣтается ищущими Его по мѣрѣ исполненія оныхъ.

Іаковъ сдѣлалъ Іосифу пеструю одежду. И Господь даруетъ кроткому познаніе истины, какъ написано: научить Господь кроткія путемъ Своимъ.

Св. Францискъ де-Саль.

Ключъ къ Теософіи.

Е. П. Блаватской.

Во пр. Въ чемъ состояла Эклектическая Теософія?

Отв. Эклектическая Теософія раздѣлялась на три отдѣла:

1) Вѣра въ единое, абсолютное, непостижимое верховное Божество или безконечную Сущность, которая есть корень всей природы и всего видимаго и невидимаго.

2) Вѣра въ вѣчную, бессмертную природу человѣка, которая, будучи излученіемъ Міровой Души, тождественна по существу съ ней.

3) Теургія, или „божественное дѣланіе“, осуществленіе Божественнаго Дѣла, работы Боговъ. отъ Theoi — Боги и ergein — работать.

Этотъ терминъ очень древній, но такъ какъ онъ принадлежитъ языку мистерій, то онъ и не былъ въ общемъ употребленіи. Это было общее мистическое вѣрованіе, опытно провѣренное посвященными адептами и священнослужителями, что, достигнувъ чистоты безплотныхъ существъ, другими словами--вернувшись къ первичной чистотѣ своей природы, человѣкъ можетъ подвинуть Боговъ къ сообщенію ему Божественныхъ Тайнъ и даже сдѣлать ихъ видимыми для себя какъ субъективно, такъ и объективно. Это былъ трансцендентальный аспектъ того, что нынѣ называется „спиритуализмомъ“, но, въ виду злоупотребленія и ложныхъ представленій со стороны народа, на него стали смотрѣть какъ на волшебство, вслѣдствіе чего на него и былъ положенъ запретъ. Пародія на Теургію Являиха (великій теософъ

и посвященный III ст.) сохраняется и до сихъ поръ въ церемониальной магіи нѣкоторыхъ современныхъ кабалистовъ. Современная Теософія избѣгаетъ и отвергаетъ оба эти рода — и магію, и волшебства, какъ чрезвычайно опасныя. Истинная Божественная Теургія требуетъ почти сверхчеловѣческой чистоты и святости жизни, иначе она вырождается въ медиумизмъ или черную магію (Теургія—искусство вызыванія планетныхъ духовъ и другихъ духовъ или Дэвъ. Чтобы достигнуть этого, теургъ долженъ быть абсолютно чистъ и безкорыстенъ въ своихъ мотивахъ (Теургія Моисея). Въ наше время—Теургія опасна и нежелательна, такъ какъ міръ слишкомъ испорченъ для этого. При малѣйшей примѣси нечистыхъ побужденій, Теургія переходитъ въ гозтическую магію или колдовство. Магія вообще дѣлится на Теургію-Гозтію или черную, и Бѣлую или Естественную Магію.

Непосредственные ученики Аммонія Саккоса, котораго звали Теодидактосъ, что значитъ „Богомъ обученный“,—такіе ученики какъ Плотинъ (неоплатоникъ III ст., философъ и мистикъ, давшій ученіе, схожее съ ученіемъ Веданты, именно что духъ-душа божескаго происхожденія) и его послѣдователь Порфирій, сперва отвергали Теургію, но подъ конецъ примирились съ ней благодаря Яввлиху, который написалъ съ этой цѣлью книгу, озаглавленную „De mysteriis“, подписавшись именемъ своего учителя, знаменитаго египетскаго жреца, по имени Абаммонъ.

Аммоній Саккосъ былъ сыномъ христіанскихъ родителей, но его съ дѣтства оттолкнулъ догматическій спиритуализмъ христіанства и онъ сдѣлался неоплатоникомъ и, подобно Якову Бемэ и другимъ великимъ провидцамъ и мистикамъ, и ему приписываютъ видѣнія и сны, въ которыхъ передъ нимъ раскрылась божественная мудрость. Отсюда и имя его Theodidactos. Онъ рѣшилъ примирить всѣ системы религіи и, доказавъ ихъ общее происхожденіе, основать единую вселенскую вѣру, основанную на нравственныхъ началахъ. Его жизнь была до того безупречна и чиста, его ученость такъ глубока и обширна, что нѣкоторые изъ Отцовъ Церкви были его тайными учениками. Климентъ Александрійскій отзывался о немъ очень высоко. Плотинъ, котораго можно назвать „Іоанномъ“ Аммонія, пользовался также всеобщимъ почитаніемъ и уваженіемъ и славился глубокой ученостью и чистотой. Когда ему исполнилось 39 лѣтъ, онъ сопровождалъ римскаго императора Гордіана и его армію на Востокъ съ цѣлью получить наставленія отъ мудрецовъ Бактріи и Индіи. Плотинъ имѣлъ школу философіи въ Римѣ. Порфирій, его

ученикъ, эллинизированный еврей, настоящее имя котораго было Малекъ, собралъ всѣ писанія своего учителя. Но и самъ Порфирій былъ также великимъ писателемъ и далъ аллегорическое толкованіе на нѣкоторыя части Гомеровскихъ писаній. Система медитациі, употреблявшаяся у филалееянъ, была экстазъ. Система эта родственна индусской Югъ. Всѣмъ, что извѣстно объ эклектической школѣ Аммонія Саккоса, мы обязаны Оригену, Лонгину и Плотину, непосредственнымъ ученикамъ Аммонія.

Главной цѣлью основателей эклектической теософической школы была одна изъ трехъ основъ его современнаго преемника—Теософическаго О-ва, а именно: помирить всѣ религіи, секты и народности подъ общей для всѣхъ системой нравственности, основанной на вѣчныхъ истинахъ.

Во пр. Чѣмъ можете вы доказать, что это не неосуществимая мечта, и что всѣ міровыя религіи основаны на одной и той же истинѣ?

Отв. Ихъ сравнительное изученіе и анализъ. „Мудрость религія“ въ древности была одна, и тождественность первобытной религіозной философіи доказывается идентичными учениями, которыя давались посвященнымъ во время мистерій. Послѣднія же были когда-то распространены повсюду. Д-ръ Вильдеръ говоритъ слѣдующее: „Всѣ древнія религіи указываютъ на существованіе единой теософіи, предшествовавшей имъ. Ключъ, пригодный для одной изъ нихъ, долженъ быть пригоденъ для всѣхъ остальныхъ. Иначе это не будетъ вѣрный ключъ“.

точно въ ней происходитъ буря, и привести всё мускулы, какъ находящіеся подъ контролемъ головного мозга, такъ и спинного, въ безпорядочное движеніе — безсознательныя конвульсіи.

Это называется нервнымъ возбужденіемъ, но никто, кромѣ оккультистовъ, не знаетъ причинъ такой нервной пертурбаціи, и не можетъ объяснить ея первоначальныхъ причинъ. Жизненное начало можетъ убить, когда его слишкомъ много, точно такъ же, какъ когда его слишкомъ мало. Но это „начало“ на планѣ проявленій, т.-е. на нашемъ планѣ, есть только слѣдствіе и результатъ сознательнаго дѣйствія „множества“ или коллективнаго начала, проявляющаго жизнь и свѣтъ. Оно само подчинено ему и эмануируетъ изъ всегда невидимой, вѣчной и абсолютной единой жизни, въ нисходящей и восходящей скалѣ іерархическихъ степеней, истинная семеричная лѣстница, со Звукомъ, Логосомъ на верхнемъ концѣ, и Видьядхара, низшими Питрисами ¹⁾, на нижнемъ концѣ.

Конечно, оккультистамъ хорошо извѣстенъ фактъ, что упомянутое виталистическое „заблужденіе“, такъ осмѣянное Фоктомъ и Гексли, тѣмъ не менѣе пользуется вниманіемъ въ очень высокиихъ научныхъ кругахъ, и поэтому они очень счастливы чувствовать себя не одинокими. Профессоръ Катрфажъ пишетъ:

Совершенно вѣрно, что мы не знаемъ, что такое есть жизнь, но мы не болѣе знаемъ, что такое есть сила, которая приводитъ въ движеніе звѣзды... Живущія существа тяжелы и поэтому подвержены тяготѣнію; они представляютъ собой мѣстонахождение раз-

¹⁾ Въ недавней работѣ по символизму въ буддизмѣ и христіанствѣ—скорѣе въ буддизмѣ и римскомъ католицизмѣ, какъ какъ многие позднѣйшіе ритуалы и догмы въ сѣверномъ буддизмѣ, въ его народной, эзотерической формѣ совершенно одинаковы съ ритуалами латинской Церкви — находится нѣсколько любопытныхъ фактовъ. Но авторъ этого сочиненія, обладающій болѣшими претязаніями, чѣмъ дѣйствительной эрудиціей, не разбирая, смѣшалъ вмѣстѣ древнія и новыя буддійскія ученія и прискорбно перемѣшалъ ламанизмъ съ буддизмомъ. На стр. 404 этой книги, называемой „Буддизмъ въ христіанствѣ или Іисусъ Ессей“, нашъ псевдо-оріенталистъ критикуетъ „семь началъ“, эзотерическихъ буддистовъ“ и старается представить ихъ въ смѣшномъ видѣ. На послѣдней 405 страницѣ авторъ съ энтузіазмомъ говоритъ о Видьядхарахъ, „о семѣ великихъ легионахъ мертвыхъ людей, сдѣланныхъ мудрыми“. Но эти Видьядхары, которыхъ нѣкоторые оріенталисты называютъ „полубогами“, на дѣлѣ, эзотерически, родъ Сиддха, „богатыхъ благоговѣніемъ“, и эзотерически они одинаковы съ семью классами Питрисовъ, одинъ классъ которыхъ одаряетъ челоуѣка третьей расы самосознаніемъ, воплощаясь въ челоуѣческихъ оболочкахъ. „Гимнъ Солнцу“, помѣщенный въ концѣ этого тома странной мозаики, надаряющей буддизмъ личнымъ Богомъ (!), является несчастливымъ ударомъ по

личныхъ физико-химическихъ феноменовъ, необходимыхъ для ихъ существованія, и которые должны быть отнесены къ дѣйствию ээиродинамики (электричества, теплоты и пр.). Но эти феномены проявляются здѣсь подъ вліяніемъ другой силы... Жизнь не находится въ антагонизмъ съ неодушевленными силами, но она завѣдуетъ и управляетъ ихъ дѣйствіемъ по своимъ законамъ ¹⁾.

ОТДѢЛЪ VI ²⁾.

Нападки представителя науки на научную теорію о силахъ.

Теперь нужно привести въ нашу пользу слова нѣкоторыхъ англійскихъ людей науки. Подвергнутые ostracismу „ради принципа“ немногими, они молчаливо одобряются многими. Всякимъ оккультистомъ, и даже нѣкоторыми изъ непосвященныхъ читателей, будетъ признано, что одинъ изъ этихъ ученыхъ проповѣдуетъ почти оккультныя доктрины,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идентичныя съ нашими, и часто доходящія до публичнаго признанія нашего «Фохата и его семи сыновей», оккультной Гандхарва изъ Ведъ.

Если читатели откроютъ пятый томъ Популярнаго Науч-

самымъ главнымъ доказательствомъ, такъ старательно собранымъ неудачнымъ авторомъ.

Теософамъ хорошо извѣстно, что м-ръ Райсъ Дэвидъ высказалъ также свое мнѣніе о ихъ изърованіяхъ. Онъ сказалъ, что теоріи, излагаемая авторомъ „Эзотерическаго Буддизма“,—„не буддизмъ“ и „не эзотеричны“. Это замѣчаніе есть результатъ, во-первыхъ, того, что по ошибкѣ было написано „Буддизмъ“ вмѣсто „Будханамъ“ или „Будхизмъ“, т.-е. въ томъ, что эзотерическая система была соединена съ религіей Гаутамы, вмѣсто того, чтобы быть соединенной съ тайной мудростью, которой учили Кришна, Шанкарачарія и многіе другіе такъ же, какъ Буддха; и, во-вторыхъ, результатъ того, что м-ръ Райсъ Дэвидъ ничего не знаетъ и не можетъ знать объ истинныхъ эзотерическихъ ученіяхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ лучшій специалистъ по Пали и по Буддизму въ наши дни, то все, что онъ ни сказалъ, почтительно выслушивается. Но, когда мы видимъ человека, который знаетъ объ эзотерическомъ буддизмѣ съ научной и матеріалистической точки зрѣнія не больше, чѣмъ объ эзотерической философіи, и когда онъ старается клеветать на тѣхъ, кого онъ почтилъ своей злобной наемъшкой, и по отношенію къ теософамъ, принимаетъ позу глубокаго знатока, мы можемъ только улыбаться на него или отъ всей души смѣяться.

¹⁾ The Human Species, стр. 10, 11.

²⁾ Прим. Ред. По недосмотру отдѣлъ VII былъ напечатанъ раньше отд. VI.

наго Обзорѣнія (Popular Science Review) ¹⁾, они найдутъ тамъ статью о «Солнечной Силѣ и Земной Силѣ» д-ра Ричардсона, члена Королевскаго Общества и прочитаютъ тамъ слѣдующее:

Въ настоящее время, когда теорія о томъ, что одно только движеніе есть начало всѣхъ разнообразныхъ силъ, опять становится преобладающей мыслью, является почти ересью снова открыть дебаты, которые, повидимому на время, прекращены съ общаго согласія; но я принимаю рискъ и изложу поэтому, каковы были въ точности взгляды относительно солнечной силы безсмертнаго еретика, имя котораго я шопотомъ сказалъ читателямъ (Самуэль Меткафъ). Начиная съ аргумента, съ которымъ соглашаются почти всѣ физики,—что въ природѣ существуютъ два агента—матерія, которая вѣсома, видима и осязаема, и нѣчто невѣсомое, невидимое и воспринимаемое только благодаря своему вліянію на матерію—Меткафъ утверждаетъ, что невѣсомый и дѣятельный агентъ, который онъ называетъ «тепло» (calorie) *не есть просто видъ движенія*, не вибрація среди частицъ вѣсомой матеріи, но сама по себѣ *матеріальная субстанція, изливающаяся отъ солнца*, черезъ пространство ²⁾, наполняющая пустоту между частицами твердыхъ тѣлъ, и передающая ощущенію свойство, называемое теплотой. Такая природа тепла или солнечной силы утверждается имъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

I) Что оно можетъ быть прибавлено къ другимъ тѣламъ, отнято отъ нихъ и измѣрено съ математической точностью.

II) Что оно увеличиваетъ объемъ тѣлъ, которыя уменьшаются въ объемѣ послѣ извлеченія его.

III) Что оно измѣняетъ формы, свойства и условія всѣхъ другихъ тѣлъ.

IV. Что оно *проходитъ посредствомъ радіаціи черезъ самый полный вакуумъ* ³⁾, который только можетъ быть образованъ, производя въ немъ то же самое дѣйствіе на термометръ, какъ и въ атмосферѣ.

¹⁾ Стр. 329—334.

²⁾ Не только „черезъ пространство“, но наполняя каждую точку нашей солнечной системы, потому что оно, такъ сказать, физическій субстратъ эфира, его „подкладка“ (оболочка) на нашемъ планѣ. Эфиръ, кромѣ того, что онъ является агентомъ для передачи свѣта, еще служитъ другимъ космическимъ и земнымъ тѣламъ. Оно есть Астральный Флюидъ или Свѣтъ Кабалистонъ, и семь лучей Солнца-Вишну.

³⁾ Зачѣмъ же нужны тогда эфирныя волны для передачи свѣта, теплоты и пр., если эта субстанція можетъ проходить сквозь вакуумъ.

V) Что оно создаетъ механическія и химическія силы, которыхъ ничто не можетъ остановить, какъ въ вулканахъ и при взрывахъ пороха и другихъ взрывчатыхъ веществъ.

VI) Что оно дѣйствуетъ чувствительнымъ образомъ на нервную систему, производя сильную боль, а доведенное до излишка, разрушаетъ ткани.

Дальше противъ теоріи вибрацій Меткафъ приводитъ то соображеніе, что если бы тепло было *простымъ свойствомъ или качествомъ*, оно не могло бы увеличивать объемъ другихъ тѣлъ, потому что для этой цѣли оно само должно бы имѣть объемъ, должно занимать пространство, и должно поэтому быть матеріальнымъ агентомъ. Если бы тепло было бы *только средствомъ вибраціоннаго движенія* среди частицъ вѣсомой матеріи, оно не могло бы *лучеиспускаться изъ горячихъ тѣлъ* безъ одновременнаго перехода вибрирующихъ частицъ; но фактъ остается, что теплота можетъ лучеиспускаться изъ матеріальной, вѣсомой, субстанции безъ потери вѣса такой субстанціей.

Съ этимъ взглядомъ относительно матеріальной природы тепла или солнечной силы, и съ впечатлѣніемъ, твердо отпечатавшимся въ его умѣ, что «все въ природѣ состоитъ изъ двухъ сортовъ матеріи, изъ которыхъ одинъ существенно дѣятеленъ и эфиренъ, а другой пассивенъ и неподвиженъ» ¹⁾, Меткафъ основалъ гипотезу о томъ, что солнечная сила, или тепло, есть самодѣйствующее начало. Частицы тепла, утверждаетъ Меткафъ, отталкиваются, для частицъ всѣхъ вѣсомыхъ тѣлъ оно имѣетъ сродство; оно притягиваетъ частицы вѣсомой матеріи съ силой обратно пропорціональной квадрату разстоянія. Такимъ образомъ оно дѣйствуетъ *черезъ вѣсомую матерію*. Если бы пространство вселенной было бы наполнено однимъ тепломъ, солнечной силой (безъ вѣсомой матеріи), оно также было бы недѣятельно и образовало бы безграничный океанъ безсильнаго или покойнаго эфира, потому что оно тогда не имѣло бы ничего, на что дѣйствовать, въ то время какъ вѣсомая матерія, какъ бы неактивна она не была сама по себѣ,

¹⁾ И какъ можетъ быть это иначе? Грубая вѣсомая матерія есть тѣло оболочка Матеріи или Субстанціи, ея женскій пассивный принципъ, и упомянутая фохатическая сила есть второй принципъ, Права—мужескій и дѣятельный. На нашемъ земномъ шарѣ эта субстанція есть второй принципъ семеричнаго элемента—земли: въ атмосферѣ это воздухъ, который есть ея космическое грубое тѣло; въ солнцѣ она становится солнечнымъ тѣломъ и тѣломъ Семи Лучей; въ звѣздномъ пространствѣ она соответствуетъ другому принципу, и т. д. Только цѣлое есть единая однородная единица, части—всѣ отдѣльныя дифференціаціи.

имѣть «нѣкоторыя свойства, при помощи которыхъ она видоизмѣняетъ и контролируетъ дѣйствія тепла, причѣмъ и то, и другое управляются неизмѣнными законами, происхождение которыхъ лежитъ во взаимныхъ отношеніяхъ и отличительныхъ свойствахъ cadaго».

И онъ формулируетъ законъ, который по его мнѣнію абсолютенъ, и который выражается такъ:

«Посредствомъ притяженія, которое имѣетъ тепло для вѣсомой матеріи, оно соединяетъ и удерживаетъ вмѣстѣ всѣ вещи; посредствомъ своей самоотталкивающей энергіи оно раздѣляетъ всѣ вещи».

Это почти, конечно, оккультное объясненіе притяженія. Д-ръ Ричардсонъ продолжаетъ:

Какъ я уже сказалъ, *тенденція современныхъ ученыхъ заключается въ томъ, чтобы остановиться на гипотезѣ, . . . что теплота есть движеніе*, или, какъ это, можетъ быть, будетъ лучше выражено, специальная сила или форма движенія ¹⁾.

Но эта гипотеза, какъ бы популярна она ни была, все-таки, не такова, чтобы быть принятой вмѣсто болѣе простыхъ взглядовъ на матеріальную природу солнечной силы и на ея вліяніе въ смыслъ видоизмѣненія условій матеріи. *Мы еще не знаемъ достаточно, чтобы быть догматичными* ²⁾.

Гипотеза Меткафа относительно солнечной силы и земной силы не только очень проста, но въ высшей степени увлекательна.

Во вселенной два элемента, одинъ изъ нихъ вѣсомая матерія. . . . Второй элементъ есть всепроникающій эфиръ, солнечный огонь. Онъ *безъ вѣса, безъ субстанціи, безъ формы и безъ цвѣта; это матерія безконечно дѣлимая*, и ея частицы отталкиваютъ другъ друга, ея разрѣженность такова, что у насъ нѣтъ другого слова для обозначенія ея, кромѣ эфира ³⁾. Она проникаетъ и наполняетъ пространство, но одна—она спокойна—мертва ⁴⁾. Мы сводимъ вмѣстѣ два элемента, инертную матерію и

¹⁾ Или отраженіе, а для звука, эхо *на нашемъ планѣ* того, что есть постоянное движеніе этой субстанціи на высшихъ плапахъ. Нашъ міръ и чувства являются непрерывно жертвами Майи.

²⁾ Это дѣйствительно честное признаніе.

³⁾ Однако это не эфиръ, но только одинъ изъ принциповъ эфира, тогда какъ эфиръ самъ, одинъ изъ принциповъ Акаша.

⁴⁾ И также Прана (Джива) наполняетъ все живое тѣло чловѣка, но одна, безъ атома, на который могла бы дѣйствовать, она покойна, мертва;

самоотталкивающей эфиръ (?) и вслѣдствіе этого мертвая (†) вѣсомая матерія оживаетъ; [*Вѣсомая матерія можетъ быть инертна, но никогда не можетъ быть мертва—это оккультный законъ*] черезъ частицы вѣсомой субстанціи эфиръ [*второй принципъ эфира*] проникаетъ, и проникая такимъ образомъ, онъ соединяется съ вѣсомыми частицами и образуетъ массу, держа ихъ вмѣстѣ въ узлахъ связи; частицы растворены въ эфирѣ.

Это распредѣленіе твердой вѣсомой матеріи сквозь эфиръ распространяется, согласно разсматриваемой нами теоріи, на все, что существуетъ въ настоящій моментъ. Эфиръ проникаетъ все. Человѣческое тѣло само заряжено эфиромъ [*скорѣе Астральнымъ Свѣтомъ*]; его мельчайшія частицы держатся вмѣстѣ при помощи эфира; растение находится въ тѣхъ же условіяхъ; самая твердая земля, скала, алмазь, хрусталь, металлъ, все то же самое. Но существуетъ разница въ способностяхъ различныхъ родовъ вѣсомой матеріи воспринимать солнечную силу, и отъ этого зависятъ различныя измѣненія состояній матеріи—твердаго, жидкаго и газообразнаго. Твердыя тѣла притянули «тепло» въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ жидкія тѣла, и отсюда ихъ твердое *существованіе*. Когда извѣстное количество расплавленнаго цинка выливается на листъ твердаго цинка, расплавленный цинкъ становится также твердымъ, потому что тепло быстро переходитъ изъ жидкаго цинка въ твердый и во время процесса уравниванія частицы, бывшія раньше свободными или жидкими, болѣе тѣснымъ образомъ связываются вмѣстѣ Самъ Меткафъ, останавливаясь на выше-названныхъ явленіяхъ, и объясняя ихъ единствомъ принципа дѣйствія, какъ уже было объяснено, резюмируетъ свои выводы въ очень ясныхъ терминахъ въ объясненіи плотности различныхъ тѣлъ. «Твердость и мягкость, говоритъ онъ, «твердое или жидкое состояніе не составляютъ существенныхъ свойствъ тѣлъ, но зависятъ отъ относительныхъ количествъ эфирной и вѣсомой матеріи, изъ которыхъ они составлены. Самый упругій газъ можетъ быть приведенъ въ жидкое состояніе извлеченіемъ тепла и опять превращенъ въ твердое тѣло, частицы котораго сожмутся вмѣстѣ съ

т. е. она въ Лайя (Laya), или какъ это выражаетъ Круксъ, она „заключена въ Protyle“. Дѣйствіе Фохата на сложное или даже на простое тѣло производитъ жизнь. Когда тѣло умираетъ, оно переходитъ въ ту же самую полярность, какъ его мужская энергія, и отталкиваетъ поэтому активнаго агента, который, теряя вязь съ цѣлымъ, устремляется на части или молекулы,—это дѣйствіе называется химическимъ. Вишну, Сохранитель, превращается въ Рудру-Шиву. Разрушителя—соотношеніе, повидимому, неизвѣстное наукѣ.

силой, пропорціональной увеличившемуся сродству къ теплу. Съ другой стороны, прибавивъ достаточное количество того же начала къ самымъ твердымъ металламъ, можно уменьшить ихъ притяженіе къ нему, -- и когда они переходятъ въ газообразное состояніе, ихъ сцѣпленіе уничтожается».

Приведа такимъ образомъ длинную выдержку изъ взглядовъ великаго «еретика»,—взгляды котораго, чтобы быть со-всѣмъ вѣрными нуждаются только въ небольшомъ измѣненіи терминовъ здѣсь и тамъ—д-ръ Ричардсонъ, несомнѣнно оригинальный и свободный мыслитель, приступаетъ къ резюме этихъ взглядовъ и продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

Я не буду останавливаться долго на этомъ союзѣ солнечной силы и земной силы, который предполагается этой теоріей. Но я могу прибавить, что изъ нея или изъ гипотезы простого движенія, какъ силы, и гипотезы силы (*Virtue*) безъ субстанціи, мы можемъ извлечь, какъ ближайшее возможное приближеніе къ истинѣ по этому вопросу, наиболѣе сложному и глубокому изъ всѣхъ, слѣдующія положенія:

а) Пространство, между-звѣздное, между-планетное, между-матеріальное, между-органическое не есть вакуумъ, но наполнено тонкимъ флюидомъ или газомъ, который за неимѣніемъ лучшаго термина ¹⁾, мы можемъ назвать, какъ называли древніе, *Aith-wr*—Солнечный Огонь—Эфиръ. Этотъ флюидъ, неизмѣняемый по составу, неразрушимый, невидимый ²⁾, проникаетъ всю (*въсююю*) матерію ³⁾. Камешекъ въ бѣгущемъ ручьѣ; дерево, нависшее надъ ручьемъ; человекъ, смотрящій на него, всѣ въ различной степени наполнены эфиромъ; камень меньше чѣмъ дерево, дерево меньше чѣмъ человекъ. Все на нашей планетѣ наполнено имъ одинаковымъ образомъ! Миръ построенъ въ эфирномъ флюидѣ и движется сквозь море этого флюида.

б) Эфиръ, какова бы ни была его природа исходитъ отъ солнца

¹⁾ Совершенно вѣрно, пока не будутъ приняты оккультные термины Кабалыстовъ.

²⁾ „Неизмѣнный“ только въ теченіе періода Манвантары, послѣ чего онъ погружается опять въ Мулапракрити; „невидимый“ никогда въ своемъ собственномъ существѣ, но видимый въ своемъ отраженномъ блескѣ, и называемый современными Кабалистами астральнымъ свѣтомъ. Однако, сознательныя и великія существа, одѣтыя въ эту субстанцію, движутся въ ней.

³⁾ Необходимо прибавить „въсююю“, чтобы отличить ее отъ эфира, который есть все таки матерія, хотя и субстратъ.

и отъ солнць ¹⁾),—солнца являются производителями его, резервуарами его, и распространителями его ²⁾).

с) Безъ эфира не могло бы быть движенія; безъ него частицы вѣсомой матеріи не могли бы скользить одна по другой; безъ него не могло бы быть импульса, возбуждающаго эти частицы къ движенію.

д) Эфиръ опредѣляетъ составъ тѣлъ. Если бы не было эфира, не могло бы быть измѣненія въ состояніи матеріи; вода, напр., могла бы только существовать какъ субстанція болѣе плотная и нерастворимая, чѣмъ всякое представленіе, какое мы только можемъ образовать. Она никогда не могла бы быть даже льдомъ, не могла бы быть жидкостью, или паромъ, словомъ ничѣмъ, не будь эфира.

е) Эфиръ соединяетъ солнце съ планетой, планету съ планетой, человѣка съ планетой, человѣка съ человѣкомъ. Безъ эфира не могло бы быть сообщенія во вселенной; ни свѣта, ни тепла, ни явленія движенія.

Такимъ образомъ мы находимъ, что эфиръ и упругіе атомы, въ принятомъ механическомъ возрѣніи на вселенную, суть Духъ и Душа космоса, и что эта теорія — по какому бы пути ее ни направить и какой бы внѣшній видъ ей ни придать— всегда оставляетъ слишкомъ широкій выходъ ученымъ для соображеній, за линіей современнаго матеріализма ³⁾), чтобы имъ воспользовалось большинство. Принимая атомы, эфиръ или то и другое, современная научная спекуляція не можетъ выйти изъ круга древней мысли; и послѣдняя была насквозь пропитана

¹⁾ Окультичныя науки принимаютъ это положеніе въ обратномъ порядкѣ, и говорятъ, что солнце и всѣ солнца, которыя исходятъ на зарѣ манвантары изъ центрального солнца, исходятъ изъ него.

²⁾ Здѣсь мы рѣшительно просимъ позволенія, не быть согласными съ ученымъ авторомъ. Будемъ помнить, что этотъ эфиръ—будь то Акаша или его низшій принципъ, эфиръ—семериченъ. Акаша есть Адити въ аллегоріи и мать Мартганда, солнца, Деваматри, Мать Боговъ. Въ солнечной системѣ солнце есть ея Буддхи и Вахана, проводникъ, т. е. шестой принципъ; въ Космосѣ всѣ солнца суть Кама Рупа Акаши и таково же наше. Только тогда, когда его разсматривать какъ индивидуальное существо въ своемъ собственномъ царствѣ, этотъ Сурійя, солнце, есть седьмой принципъ великаго тѣла матеріи.

³⁾ Чтобы быть болѣе точными, назовемъ его лучше агностицизмомъ. Грубый, но откровенный матеріализмъ болѣе честенъ, чѣмъ агностицизмъ съ лицомъ Януса нашихъ дней. Такъ называемый западный монизмъ есть фыркавіе современной философіи, обращающей фарисейское лицо къ психологіи и идеализму и свое настоящее лицо римскаго авгура, надувающаго отъ смѣха